

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «БЕЛГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

ШЕМАЕВА Елена Викторовна

**КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ЛЕКСИКАЛИЗАЦИИ ФОРМ
МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

Специальность 10.02.19 – теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
доцент Беседина Н.А.

Белгород 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ	
КОГНИТИВНЫХ ОСНОВ ЛЕКСИКАЛИЗАЦИИ ФОРМ	
МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО	
1. Понятие лексикализации в лингвистике.....	11
2. Проблема лексикализации форм множественного числа имени	
существительного и её решение в традиционной и когнитивной	
лингвистике.....	14
2.1. Лексикализация форм множественного числа имени	
существительного с позиций структурно-функционального подхода.....	14
2.2. Лексикализация форм множественного числа имени существительного	
с позиций когнитивного подхода	23
3. Лексикализация форм множественного числа имени существительного в	
аспекте взаимодействия ментальных и языковых единиц.....	26
4. Когнитивное моделирование процесса лексикализации форм	
множественного числа имени существительного.....	38
4.1. Когнитивные механизмы лексикализации форм множественного числа	
имени существительного	39
4.1.1. Моделеобразующие когнитивные механизмы.....	40
4.1.2. Дополнительные когнитивные механизмы	44
4.2. Модели лексикализации форм множественного числа имени	
существительного.....	46
4.2.1. Идентифицирующая метонимическая модель.....	46
4.2.2. Идентифицирующая метафорическая модель	52
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I.....	54
ГЛАВА II. КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ ЛЕКСИКАЛИЗАЦИИ ФОРМ	
МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ИМЁН	
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ.....	
1. Идентифицирующие метонимические модели лексикализации.....	57

1.1. Идентифицирующие метонимические модели лексикализации форм множественного числа конкретных имён существительных	58
1.1.1. Модель «часть – целое».....	58
1.1.2. Модель «атрибут действия – действие»	63
1.1.3. Модель «содержимое –местилище (контейнер)»	68
1.1.4. Модель «результат – действие».....	72
1.2. Идентифицирующие метонимические модели лексикализации форм множественного числа абстрактных и вещественных имён существительных.....	76
1.2.1. Модель «материал – изделие из этого материала».....	77
1.2.2. Модель «действие – событие»	81
1.2.3. Модель «качество – предмет».....	85
1.2.4. Модель «действие – результат».....	89
1.2.5. Модель «качество – лицо»	93
1.2.6. Модель «следствие – причина»	96
1.2.7. Модель «погодное явление – период времени».....	100
1.2.8. Модель «вещество – пространство».....	104
1.2.9. Модель «чувство – способ выражения чувства»	107
2. Идентифицирующие метафорические модели лексикализации	111
2.1. Модель «предмет (географический объект) – положение вещей (обстоятельства)»	111
2.2. Модель «предмет – часть тела (орган) человека (животного)»	117
2.3. Модель «часть тела (орган) человека (животного) – предмет»	126
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II	136
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	139
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	143
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ.....	160
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА.....	161

Введение

Настоящая диссертация посвящена исследованию когнитивных основ лексикализации форм множественного числа имени существительного в английском и русском языках.

Процесс лексикализации форм множественного числа имени существительного изучался преимущественно в рамках структурно-функционального подхода с точки зрения внутриязыковых механизмов (Д.И. Арбатский, В.И. Дегтярёв, Л.А. Новиков, Н.Е. Петрова, А.А. Потебня, А.И. Смирницкий, П.А. Соболева и др.). Отдельные аспекты данного процесса получили освещение с позиций когнитивного подхода (Е.В. Лукашевич, О.Н. Ляшевская, С.В. Пивоварова, В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина и др.). Однако, несмотря на достаточно большое количество работ, посвящённых лексикализации форм множественного числа имени существительного, многие вопросы до сих пор остаются нерешёнными. К их числу относятся проблемы, связанные с выявлением и изучением глубинных процессов и механизмов, обеспечивающих образование значений новых лексических единиц на основе форм множественного числа.

Гипотезой исследования является идея о том, что когнитивной основой лексикализации форм множественного числа имени существительного выступает концептуальная деривация, осуществляющаяся по различным моделям за счёт действия определённых когнитивных механизмов.

Объектом исследования являются лексикализованные формы множественного числа английских и русских имён существительных.

Предметом исследования выступают процессы взаимодействия когнитивных и языковых единиц, обеспечивающие формирование семантики лексикализованных форм множественного числа существительных в английском и русском языках.

Актуальность данного исследования обусловлена обращением к изучению лексикализации форм множественного числа имени

существительного с позиций одного из ведущих направлений современной лингвистической науки – когнитивно-дискурсивного, открывающего новые перспективы в исследовании соотношения единиц когнитивного и языкового уровней. Динамический подход позволяет описать действие когнитивных моделей и механизмов, обеспечивающих конфигурирование концептуального содержания, объективируемого лексикализованными формами множественного числа имени существительного.

Материалом для анализа послужили контексты употребления лексикализованных форм множественного числа английских и русских имён существительных (более 3500 ед.), полученные методом сплошной выборки из аутентичных англоязычных и русскоязычных текстов различных стилей и жанров, и в результате использования информационных ресурсов Internet (the British National Corpus; Национальный корпус русского языка).

Основная цель работы заключается в выявлении когнитивных основ лексикализации форм множественного числа имени существительного.

В соответствии с заявленной целью определяются следующие конкретные **задачи** исследования.

1. Систематизировать основные особенности, отражающие сущность процесса лексикализации форм множественного числа имени существительного, проанализировав результаты, полученные представителями различных научных подходов к исследованию данного явления.

2. Выявить имена существительные, имеющие лексикализованные формы множественного числа в английском и русском языках.

3. Установить основные концептуальные характеристики в содержании концептов, репрезентируемых исходными формами единственного числа и лексикализованными формами множественного числа английских и русских имён существительных.

4. Определить когнитивные механизмы, а также факторы, обеспечивающие формирование новых смыслов в процессе лексикализации форм множественного числа имени существительного.

5. Выявить, построить и описать когнитивные модели, в соответствии с которыми формируется семантика лексикализованных форм множественного числа имени существительного.

Теоретической базой диссертационного исследования послужили основные положения теорий когнитивной семантики, концептуальной деривации, морфологической репрезентации и языковой интерпретации, разрабатываемые в рамках когнитивной лингвистики отечественными и зарубежными исследователями (Л.В. Бабина, Е.Г. Беляевская, Н.А. Беседина, Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, О.В. Магировская, Ж.Н. Маслова, М. Джонсон, Дж. Лакофф, Р. Лэнкер, Л. Талми).

Исследование фактического материала проведено с использованием комплекса **методов**, нашедших широкое применение в когнитивных исследованиях в лингвистике: концептуального анализа, когнитивного моделирования, а также анализа словарных дефиниций и контекстуального анализа предложений-высказываний.

Научная новизна диссертации заключается в том, что процесс лексикализации форм множественного числа имени существительного исследуется с позиций когнитивно-дискурсивного подхода. Данный подход позволяет предложить трактовку процесса лексикализации форм множественного числа имени существительного, отличную от существующих в современной лингвистике, а также выявить механизмы взаимодействия когнитивных и языковых единиц, обеспечивающие приобретение формами множественного числа имён существительных самостоятельного лексического значения. Впервые даётся описание когнитивных моделей, в соответствии с которыми происходит формирование новых смыслов, передаваемых лексикализованными формами

множественного числа английских и русских имён существительных в процессе дискурсивной деятельности.

Результаты проведённого исследования позволяют сформулировать следующие основные **положения, выносимые на защиту:**

1. Лексикализация форм множественного числа имени существительного представляет собой языковой процесс, основанный на механизмах концептуальной деривации и идентифицирующей интерпретации, в результате которого форма множественного числа имени существительного фиксирует новый фрагмент знания в определённой концептуальной конфигурации.

2. В качестве моделирующих когнитивных механизмов лексикализации форм множественного числа имени существительного выступают концептуальная метонимия и концептуальная метафора. Профилирование, конфигурирование и дефокусирование являются дополнительными когнитивными механизмами лексикализации форм множественного числа имени существительного.

3. В основе формирования смыслов в процессе лексикализации форм множественного числа имени существительного лежат когнитивные модели двух типов: идентифицирующие метонимические («часть – целое», «атрибут действия – действие», «содержимое –местилище (контейнер)», «результат – действие», «материал – изделие из этого материала», «действие – событие», «качество – предмет», «действие – результат», «качество – лицо», «следствие – причина», «погодное явление – период времени», «вещество – пространство», «чувство – способ выражения чувства») и идентифицирующие метафорические («предмет (географический объект) – положение вещей (обстоятельства)», «предмет – часть тела (орган) человека (животного)», «часть тела (орган) человека (животного) – предмет»).

4. Формирование смыслов лексикализованными формами множественного числа имени существительного представляет собой интегративный и полифакторный процесс, основанный на взаимодействии

единиц концептуального и языкового уровней и дополнительных лингвистических факторов: семантического и контекстуального.

5. Процесс лексикализации может сопровождаться перекатегоризацией имени существительного, т.е. переосмыслением существительного в форме множественного числа в результате его соотнесения с другой категорией за счёт реализации признаков последней. При этом конкретные существительные в форме множественного числа переосмысляются в результате соотнесения с категорией абстрактных существительных и наоборот – абстрактные существительные в форме множественного числа переосмысляются за счёт соотнесения с категорией конкретных существительных.

Теоретическая значимость настоящего исследования состоит в том, что изучение процесса лексикализации форм множественного числа имени существительного с точки зрения теорий когнитивной семантики, концептуальной деривации и языковой интерпретации способствует дальнейшему развитию этих теорий, а также позволяет предложить один из возможных вариантов решения актуальной проблемы лингвистики, связанной с изучением межуровневого взаимодействия в языке, в частности, лексики и грамматики. Диссертация вносит вклад в дальнейшую разработку приёмов когнитивного моделирования применительно к конкретному языковому материалу.

Практическая значимость исследования определяется тем, что полученные результаты могут быть использованы при разработке специальных курсов по когнитивной лингвистике, при написании учебных пособий и сборников упражнений по практической грамматике и лексикологии, в исследовательской практике и лексикографических описаниях, при выполнении квалификационных работ различного уровня, а также при обучении практическому владению языком.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были представлены на Международной научной конференции «Филология и

культура» (Тамбов, 2009), Международном конгрессе по когнитивной лингвистике (Тамбов, 2012; Челябинск, 2014), Всероссийской научной конференции «Взаимодействие лексики и грамматики в русском языке: проблемы, итоги и перспективы» (Тамбов, 2009), Всероссийской научной конференции «Когнитивная лингвистика. Взаимодействие мыслительных и языковых структур: собрание научной школы» (Тамбов, 2014), на заседании кафедры делового иностранного языка НИУ «БелГУ» (июнь 2014). Основные положения и выводы по данной работе отражены в 10 публикациях по теме исследования, из которых 5 статей опубликованы в журналах, входящих в список ВАК.

Структура и объём диссертации. Диссертация состоит из Введения, двух глав, Заключения, Списка использованной научной литературы, включающего 178 наименований, в том числе 30 наименований на иностранных языках, Списка использованных словарей и Списка источников фактического материала.

Во **Введении** даётся общая характеристика работы, обосновывается выбор темы, определяется цель и в соответствии с ней конкретные задачи исследования, раскрывается его актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации основных положений диссертации, описывается структура диссертации.

В **Главе I** «Теоретические предпосылки изучения когнитивных основ лексикализации форм множественного числа имени существительного» рассматриваются существующие подходы к изучению лексикализации форм множественного числа имени существительного, выявляется круг нерешённых проблем, обосновывается необходимость исследования данного процесса в ракурсе современных когнитивных теорий, описываются когнитивные механизмы и модели, обеспечивающие формирование смыслов, передаваемых лексикализованными формами множественного числа имени существительного.

В Главе II «Когнитивные модели лексикализации форм множественного числа английских и русских имён существительных» на основе анализа фактического материала детально описываются выявленные когнитивные модели, в соответствии с которыми формируется семантика лексикализованных форм множественного числа имён существительных в английском и русском языках.

В Заключении в обобщённой форме излагаются результаты проведённого исследования.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ КОГНИТИВНЫХ ОСНОВ ЛЕКСИКАЛИЗАЦИИ ФОРМ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

1. Понятие лексикализации в лингвистике

Термин «лексикализация» не является новым в лингвистике. На протяжении всей истории развития науки он применялся для обозначения различных языковых явлений. Первоначально термин «лексикализация» использовался в лингвистике для обозначения процесса преобразования свободных словосочетаний или групп слов в устойчивые фразеологические словосочетания. Но, как утверждает О.Д. Кузнецова, «наблюдение этого процесса в языке и его номинация не совпадают по времени» [Кузнецова 1978: 111]. Первые описания процесса преобразования свободных словосочетаний в устойчивые фразеологические можно найти у Ш. Балли, И.А. Бодуэна де Куртене, Г. Пауля, Я. Розвадовского, А.А. Шахматова, хотя никто из них ещё не пользовался термином «лексикализация». Тем не менее, учёные обращали внимание на такие особенности устойчивых фразеологических сочетаний, как целостность значения, невыводимость его из значений компонентов. По мнению Я. Розвадовского, устойчивые словосочетания семантически воспринимаются как единства [Rozwadowski 1904]. Также было отмечено, что в предложении фразеологические сочетания функционируют как один член предложения. Как отмечает О.Д. Кузнецова, наличие у данных сочетаний таких особенностей, как семантическая целостность, функционирование в речи в качестве отдельных слов, позволило учёным в дальнейшем назвать лексикализацией процесс превращения свободных словосочетаний в устойчивые [Кузнецова 1978].

Постепенно новый термин входит в научный оборот и всё чаще используется в работах по лексикологии и фразеологии. Вместе с тем, начинает расширяться и само понятие лексикализации. О.С. Ахманова

лексикализацией называет превращение отдельной формы слова (если последняя начинает употребляться в особом значении) в самостоятельное слово. Например, форма множественного числа существительного *амур-амуры* получает новое значение, отличное от значения слова *амур* (признание лексической отдельности за формой слова, имеющей особое значение, в данном случае опирается на соответствующее понимание омонимии) [Ахманова 1957]. Д.Н. Шмелёв под лексикализацией понимает «образование нового слова из отдельных форм его вследствие изменения лексического значения и грамматико-синтаксической функции» [Шмелёв 1964: 46].

Иное толкование термина «лексикализация» мы находим у польского лексиколога и лексикографа В. Дорошевского. Лексикализацией он называет утрату словом понятийной структуры, процесс забвения связей с родственными словами, выпадение слова из группы родственных слов. В самом понятии о предмете исчезают представления о его связи с другими словами, так как эти связи утрачиваются. Представления о предмете концентрируются только на нём одном. В. Дорошевский подчёркивает, что в «тех случаях, когда существительное является не только прилагательным «в субстантивном употреблении», но и отличается от производящего слова своей структурой, т.е. его показателем является словообразовательный формант, в определении заглавного слова будут преобладать структурные или предметно-семантические элементы в зависимости от степени лексикализации определяемого слова» [Дорошевский 1973: 236]. Следует отметить, что понимание лексикализации у В. Дорошевского перекликается с пониманием фразеологических сочетаний Ш. Балли. Ш. Балли изучал те фразеологические сочетания, в которых составляющие их слова полностью утратили свою независимость и своё значение (по его терминологии «фразеологические единства»). Он неоднократно указывал на сходство таких единств со словами, находя его в связанности составных частей, в единстве значения. Ш. Балли говорит о «наивысшей степени спаянности» их, о

«полной связанности элементов». По его мнению, «психологически это одно слово, одна лексическая единица» [Балли 1961: 97].

Термин «лексикализация» применяется и к фонетическим явлениям. В этом случае подразумеваются незакономерные (нерегулярные) изменения фонетического облика слов в диалектах, заключающиеся в отпадении, приставке, замене фонем, которые реализуются в отдельных словах. Диалектные слова с такими особенностями, по утверждению О.Д. Кузнецовой, «материально незначительно отличаются от литературных, но их отличия являются результатом действия различных тенденций диалектных систем, поэтому и сами слова приобретают специфически диалектный характер» [Кузнецова 1978: 114-115].

Таким образом, термин «лексикализация», первоначально используемый для обозначения процесса преобразования свободных словосочетаний или групп слов в устойчивые фразеологические словосочетания, значительно расширил сферу своего употребления.

В настоящее время данный термин применяется для обозначения комплекса языковых явлений. Так, в большом энциклопедическом словаре «Языкознание» лексикализация определяется как «превращение элемента языка (морфемы, словоформы) или сочетания элементов (словосочетания) в отдельное знаменательное слово или в другую эквивалентную ему словарную единицу (например, во фразеологизм)» [Языкознание ... 2000: 258]. В качестве частных случаев лексикализации рассматриваются следующие:

- 1) превращение служебной морфемы (аффикса) в слово;
- 2) превращение словоформы или предложно-падежного сочетания в самостоятельное слово, например, наречие, междометие;
- 3) превращение словосочетания в слово;
- 4) фразеологизация, возникновение идиоматического сочетания из свободного.

Кроме того, под лексикализацией понимается также «семантическое обособление одной из форм слова или части форм, например, форм множественного числа существительных» [там же].

Таким образом, явление лексикализации затрагивает все уровни языка: фонемный, морфемный, лексический и синтаксический. Настоящее исследование посвящено частному случаю лексикализации, который наблюдается на лексическом уровне – лексикализации форм множественного числа имени существительного. Данное явление неоднократно изучалось в лингвистике с точки зрения различных подходов. Рассмотрим основные из них.

2. Проблема лексикализации форм множественного числа имени существительного и её решение в традиционной и когнитивной лингвистике

2.1. Лексикализация форм множественного числа имени существительного с позиций структурно-функционального подхода

Наиболее обстоятельное изучение процесс лексикализации форм множественного числа имени существительного получил в рамках структурно-функционального подхода. Поэтому необходимо, в первую очередь, подробно проанализировать результаты, полученные представителями данного направления в лингвистике.

Число часто называют «самой семантической» грамматической категорией. По утверждению О.Н. Ляшевской, это связано с тем, что «в отличие от категорий вида, модальности, наклонения, определённости/неопределённости, которые характеризуют отношение говорящего к описываемой ситуации и то, как он отождествляет объекты реального мира в высказывании, категория числа напрямую отсылает к реалиям внешнего мира» [Ляшевская 2004: 15]. Поэтому неудивительно, что

природа категории числа всегда вызывала особый интерес у лингвистов. Так, ещё М.В. Ломоносов рассматривал её как особый краткий способ обозначения предметов, проявление человеческой склонности к «сокращению слова» [Ломоносов 1952: 410]. А.Х. Востоков отмечал случаи лексической «осложнённости» числа, делая первые попытки систематизации существительных, употребляющихся исключительно в единственном или во множественном числе [Востоков 1839: 19-20]. Однако в самых ранних работах категория числа рассматривалась в традиционном грамматическом аспекте как отношение имени к количеству обозначаемых им предметов.

В наиболее эксплицитном виде проблемы лексикализации форм множественного числа имён существительных были поставлены А.А. Потебней в его работе «Значения множественного числа в русском языке» (1888). А.А. Потебня исследует те случаи смысловой изоляции множественного числа, когда оно «является не значением (обозначаемым), а знаком, средством обозначения других значений, отличных от простой множественности, которая является только исходною, а не конечною точкою мысли» [Потебня 1888: 1]. К этим значениям он относил: множественное гиперболическое, множественное сложных вещей, множественное делимого вещества, множественное места, множественное времени и множественное состояния. Сущность процесса лексикализации числа существительных, по мнению А.А. Потебни, заключается во «взаимодействии лексических (частных) и грамматических (общих) значений в слове» [Потебня 1958: 36]. Таким образом, А.А. Потебня указал на то, что в ряде случаев множественное число отступает от исходного значения количественной множественности и становится основой для развития новых значений и образования новых слов.

Вслед за А.А. Потебней Д.И. Арбатский в фундаментальном труде «Значения форм множественного числа имён существительных в современном русском литературном языке» (1954) выделяет следующие значения форм множественного числа: совокупности предметов и явлений

(красоты; бронзы «изделия»; радости; деды «предки»; Ларины «семья»; штыки (обозначение людей по оружию: *Мобилизовать двести штыков*); круги; штаны; деньги и т.д.); вещества и материалы (масла «сорта масла»; ароматы «вещество, обозначенное по запаху»; осадки, капли и т.д.); сложные предметы (в т.ч. части тела и органы: *ноги, внутренности*); одежда (*рукавицы, одежды*); орудия, инструменты (*возжжи*); средства передвижения (*нарты*); сооружения (*леса, двери*); помещения (*комнаты, казармы*); тексты (*лекции*); знания, мысли (*основы, замыслы*); сложные действия (*приготовления; порядки; толки; снежки; разговоры* и т.д.); место, пространство (*овсы; воды; широты; горы; зады; пространства* и т.д.); состояния (*боли; взаимоотношения; лады; (идти в) солдаты; холода*); отрезки времени (*годы; до петухов* и т.д.) [Арбатский 1954].

Проанализировав труд Д.И. Арбатского, О.Н. Ляшевская приходит к выводу о том, что в нём, в отличие от более ранних работ, в которых исследователи пытались подвести все частные значения числа под «общий знаменатель», показано, что значение формы множественного числа не всегда сводимо к сумме лексического значения и семантического компонента 'несколько', что свидетельствует о возможности «высокой степени лексикализации числовых противопоставлений» [Ляшевская 2004: 31].

Лексикализация форм множественного числа имени существительного неоднократно изучалась и в связи с вопросом о формах слова. Среди исследователей нет единого мнения о том, стоит ли считать лексикализованную форму множественного числа отдельным словом или лишь формой одного и того же слова. В связи с этим А.И. Смирницкий выделяет устойчивую и неустойчивую лексикализацию форм множественного числа. Как пример устойчивой лексикализации он рассматривает форму множественного числа *крылья*, отмечая, что данная форма «часто выступает со значением «два (оба) крыла», т.е. обозначает не класс «крыло», представленный совокупностью соответствующих единичных предметов, а парный орган летания, выделяемый как особый

класс – «крылья» [Смирницкий 1955: 30]. Устойчивая лексикализация, по утверждению А.И. Смирницкого, происходит «при сохранении чисто грамматических отношений в других значениях: ср. *ноты* при *нота/ноты*; *часы* при *час/часы*; *леса* при *лес/леса*; также с отсутствием нелексикализованных форм множественного числа: *бега* при *бег/-*» [там же]. Подобные явления основаны на омонимии, так как «различия в семантическом характере самих форм множественности и соединённость определённых лексических значений с оформлением в виде *pluralia tantum* создают тот внутренний разрыв при одинаковости внешней оболочки, который характерен для омонимии» [Смирницкий 1955: 31].

Аналогичной точки зрения придерживается Л.А. Новиков. По его мнению, форма числа далеко не всегда выступает как обозначение простой единичности или множественности. Во многих случаях формы единственного и множественного числа различаются по своему лексическому значению, соответствуя уже различным классам предметов. Л.А. Новиков, рассматривая формы множественного числа *поля* в контекстах *колхозные поля*, *заметки на полях тетради*, *шляпа с мягкими полями*, отмечает, что все они выступают в трёх различных значениях, причём только в первом случае формы множественного числа имеют соответствующие формы единственного числа (*колхозное поле*), в двух других они утрачены, в силу чего формы множественного числа во втором и третьем контекстах употребляются в особом, лексикализованном значении, отличном от значения простой множественности: ср. *поле/поля* и *-/поля* [Новиков 1963].

Сущность лексикализации форм числа, по мнению Л.А. Новикова, заключается в том, что «в результате взаимодействия лексических и грамматических значений в слове формы числа выступают уже не как обозначение множества подобных предметов, а как средство представления в языке другого класса предметов» [Новиков 1963: 82]. Грамматическая форма используется здесь «в интересах» лексики, поскольку грамматические

значения выражают в подобных случаях значения лексические. Л.А. Новиков заключает, что лексикализованные формы множественного числа могут настолько обособляться, что теряют внутреннюю связь с другими формами и образуют отдельные слова – омонимы. В подобных случаях формы числа могут выступать в качестве словообразовательных [там же].

Характерным грамматическим признаком лексикализации форм числа существительных, как утверждает Л.А. Новиков, является утрата этими формами категории считаемости. Аналогичную идею высказывал еще А.А. Шахматов, который, рассматривая сущность этой категории, писал: «...только те слова образуют единственное и соответственное ему множественное число, которые подлежат счёту, могут употребляться в соединении с числами; множественное число всех других слов имеет то или иное особенное значение» [Шахматов 1941: 436-437].

Рассмотрим несколько примеров лексикализации английских существительных. Сравним формы *drop/drops* («a small round mass of liquid») и *-/drops* («liquid medicine poured a drop at a time into the ears, eyes or nose») [Hornby 1995: 357]. В первом случае форма множественного числа *drops* есть значение простой множественности, соотносимое со значением единственного числа: «drops of rain/dew/sweat/condensation; tear-drops» [Hornby 1995: 357]. Во втором случае форма множественного числа *drops* лишена категории считаемости: она не соотносится с формой единственного числа *drop* и служит лишь знаком для обозначения иного предмета действительности: «Take the drops three times a day» [Hornby 1995: 357]. Также ср. *bead/beads* («a small piece of hard material with a hole through it used for putting together with others on a string, or for sewing onto material») и *-/beads* («a string of beads worn around the neck; a string of beads used for counting prayers as they are said») [Hornby 1995: 89].

Аналогичные примеры встречаются и в русском языке: *лес/леса* («множество деревьев, растущих на большом пространстве») и *-/леса* («временное сооружение из досок или металлических стержней у стен здания

для строительных или ремонтных работ») [Ожегов 1986: 276]; *танец/танцы* («искусство пластических и ритмических движений; ряд таких движений определённого типа и формы, исполняемых в такт музыке, а также музыкальное произведение в ритме и стиле таких движений») и *-/танцы* («увеселительное собрание, вечер, на котором танцуют») [Ожегов 1986: 685].

Сравнение различных случаев лексикализации существительных позволило Л.А. Новикову выделить 2 типа лексикализации: полную, устойчивую (вплоть до образования новых слов) и неполную, неустойчивую, когда при сохранении форм единственного числа в близком, почти одинаковом значении эти неустойчивые формы всё-таки могут использоваться для обозначения простой множественности [Новиков 1963].

Отвечая на вопрос о формах слова, Л.А. Новиков выделяет 3 признака, характеризующих формы одного и того же слова: общность звуковой оболочки, тождество или общность (мотивированность) лексических значений, сохранение их основной грамматической функции, их общего грамматического значения. Если те или иные формы, в данном случае лексикализованные формы множественного числа имён существительных, не обнаруживают хотя бы одного из признаков, это свидетельствует о переходе форм слова в самостоятельные лексемы [там же].

В ином ракурсе рассматривает лексикализацию форм множественного числа П.А. Соболева. Под лексикализацией она понимает «некоторый сдвиг значения слова во множественном числе по сравнению с его значением в чисто грамматическом множественном числе, т.е. множественном разделительном, в результате чего происходит ослабление или утрата соотносительности с единственным числом» [Соболева 1979: 66]. В качестве примера лексикализации форм множественного числа П.А. Соболева приводит существительное *барашки* (пенистые волны или перистые облака), а такие слова, как *ёмкость – ёмкости*, *снег – снега*, *лес – леса* рассматриваются как одно и то же слово. По мнению П.А. Соболевой, подобные случаи следует считать проявлением полисемии, а не омонимии,

поскольку «лексикализация множественного числа, сопровождаемая образованием отдельного значения слова, не создаёт ни лексических, ни словообразовательных омонимов и не нарушает тождества слова» [Соболева 1979: 74].

Проблема лексикализации форм множественного числа исследовалась также в связи с вопросом о внутренней форме слова. Так, В.И. Дегтярёв полагает, что для определения семантических механизмов лексикализации форм множественного числа должна быть восстановлена внутренняя форма слова – «способ представления предмета, раскрывающий характер первоначального видения и мыслительного обобщения, и определён способ его номинации» [Дегтярёв 1982: 65]. По утверждению В.И. Дегтярёва, действительный фактор, определяющий процесс лексикализации, – коллективная практическая деятельность людей, творчески преобразующих природу, изобретающих орудия труда, механизмы, инструменты, приспособления, аппараты, формирующих новые понятия на основе предшествующего опыта и накопленных знаний. «Если для номинации новых предметов, для выражения новых понятий, – пишет он, – избираются сложившиеся в языке грамматические формы, поскольку новообразования опираются на функционирующую систему языка, эти формы, наполняясь новым смыслом и содержанием, преобразуются семантически и структурно. Лексикализация означает не только нарушение первоначальной корреляции форм, но и ломку, преобразование исконных семантических связей, разрушение лексического единства или тождества слова» [Дегтярёв 1982: 67].

Далее В.И. Дегтярёв отмечает, что глубинные процессы лексикализации происходят в результате взаимодействия определённых мыслительных операций, например, обобщения, с грамматическими значениями форм множественного числа, а мыслительно-логическим основанием лексикализации является осмысление простого множества в единстве, совокупной целостности, представляющей качественно новый

предмет или новое понятие. Таким образом, лексикализация рассматривается автором как собственно языковой, номинационный процесс, отражающий творческую деятельность мышления. Сама же лексикализирующаяся форма множественного числа представляет собой внутреннюю форму слова, т.е. способ первоначального представления и названия предмета.

К проблеме внутренней формы лексикализованных числовых форм обращается и Н.Е. Петрова, рассматривающая её на примере неконкретного имени существительного *бега*. По её мнению, в данном случае «мотивировочный признак номинации заимствуется из исходной формы единственного числа и «прикладывается» к денотату через значение множественности» [Петрова 2008: 83]. Отношение, выражаемое внутренней формой, является грамматическим: *бега* – это ‘то, что характеризуется множественностью действия «бег»’. Поскольку значение дискретного множества несовместимо с понятием отвлечённого действия, внутренняя форма интерпретируется метонимически: ‘множество (больше, чем один) бегущих’, далее – к значению состязательности между ними. Н.Е. Петрова заключает, что «носителем семантики внутренней формы в приведённом примере и аналогичных ему служит структура, образованная по грамматическим правилам, что позволяет отождествить её с формой множественного числа существительного» [там же]. Таким образом, в результате лексикализации образуется новое имя, у которого есть внутренняя форма особого типа.

Межъязыковому сопоставлению лексикализованных форм множественного числа посвящено лексикографическое исследование Р. Касперавичене, в котором изучаются различные случаи лексикализации литовских и английских имён существительных [Kasperaviciene 2007]. Автор высказывает предположение о том, что во флективных языках, таких как литовский, формы множественного числа гораздо чаще приобретают самостоятельное лексическое значение, чем в аналитических языках, таких как английский. Несмотря на указанное различие, в обоих языках

присутствуют лексикализованные формы множественного числа существительных, значения которых обнаруживают сходство. Проанализировав словарные толкования лексикализованных форм множественного числа из литовских и английских словарей, Р. Касперавичене приходит к выводу о том, что английские словари предлагают большее количество толкований указанных форм, нежели литовские. Связано это, по мнению автора, с количеством самих словарей: очевидно, что английских словарей значительно больше, чем литовских.

Многочисленные исследования лексикализации форм множественного числа имени существительного в рамках структурно-функционального подхода позволили установить, что данный процесс заключается в приобретении формами множественного числа самостоятельного лексического значения, отличного от значения простого множества подобных предметов. Лексикализованные формы множественного числа рассматривались как формы одного и того же слова и как отдельные слова. Также выделялись различные типы лексикализации, а именно полная, устойчивая и неполная, неустойчивая (см., например: [Новиков 1963, Смирницкий 1955]).

Сказанное выше даёт основание сделать вывод о том, что в рамках структурно-функционального подхода процесс лексикализации форм множественного числа имени существительного объяснялся только с точки зрения внутриязыковых механизмов. Однако при этом не учитывались процессы, происходящие в когнитивной системе человека. Дальнейшее развитие лингвистической науки позволило рассмотреть данную проблему в новом ракурсе, что нашло отражение в работах лингвистов-когнитологов.

2.2. Лексикализация форм множественного числа имени существительного с позиций когнитивного подхода

Первые попытки проанализировать процесс лексикализации форм множественного числа имени существительного с когнитивной точки зрения были предприняты в работах отечественных лингвистов В.А. Плуногяна, Е.В. Рахилиной, О.Н. Ляшевской, С.В. Пивоваровой (см., например: [Плуногян 1997, Рахилина 2000, Ляшевская 2004, Пивоварова 2009]). Авторы указанных работ исследуют проблему лексикализации в ракурсе нестандартного числового поведения русских имён существительных. Так, Е.В. Рахилина, обращаясь к анализу самой числовой формы, а не анализу оппозиции форм единственного и множественного числа, изучает различные возможные интерпретации формы множественного числа у определённых групп лексем: феномен «видового» множественного у названий веществ и «парного» множественного у названий парных предметов. Проанализировав ряд примеров, автор приходит к выводу о «подлинной степени лексикализованности русского множественного числа существительных» [Рахилина 2000: 71]. По мнению Е.В. Рахилиной, когнитивный анализ форм числа русских имён существительных позволяет увидеть «не хаотичное собрание различных «интерпретаций», а общее проявление одной глубинной тенденции, состоящей в том, что множество объектов воспринимается носителями языка прежде всего в зависимости от типа объекта и способа его использования» [там же].

О.Н. Ляшевская, развивая теорию Е.В. Рахилиной, отмечает, что «на определённых участках языковой системы значения форм числа всё больше срастаются со значением имени, образуя уникальные контекстно связанные идиоматические комплексы» [Ляшевская 2004: 32]. Таким образом, представление о лексикализации в данных работах связывается не только с семантическим противопоставлением форм единственного и множественного

числа, но и с идеей выводимости значения числовой формы из лексического значения имени.

Е.В. Лукашевич рассматривает лексикализацию как результат трансформации когнитивной структуры слова, понимая под этим вслед за Н.Д. Голевым «приобретение словом специфических формальных и/или семантических признаков, не выводимых из его внутренней формы или словообразовательной структуры: идиоматичности, различной сочетаемости; появления, утраты или изменения стилистической маркированности и оценочности; соотносённости производного слова с разными смыслами многозначного производящего слова и т.п.» [Лукашевич 2002: 140]. Автор выдвигает гипотезу о наличии различных степеней лексикализации, подкрепляя её результатами ассоциативного эксперимента. По заключению Е.В. Лукашевич, «лексикализация – когнитивный процесс, в котором взаимодействуют элементы языковой системы и языковой способности, а отсутствие единообразия в подаче лексикализованных форм числа в толковом словаре отражает, во-первых, различные степени завершённости становления новой когнитивной структуры в сознании носителей языка, а, во-вторых, различные механизмы формирования когнитивных структур» [Лукашевич 2002: 149].

К ассоциативному эксперименту обращается и С.В. Пивоварова, которая исследует лексикализацию форм множественного числа вещественных и абстрактных имён существительных в современном русском языке в аспекте их «концептных» значений. Под «концептным» значением автор понимает совокупность представлений, понятий, знаний, переживаний, культурных, индивидуальных ассоциаций, отраженных в ассоциативном поле слова. По мнению С.В. Пивоваровой, процесс лексикализации у вещественных и абстрактных имён существительных протекает по-разному. Лексикализация форм множественного числа вещественных имён существительных носит устойчивый характер, что проявляется в наборе ассоциаций, отличающихся количественно и качественно от ассоциативного

состава полей форм единственного числа. Вещественные существительные, употребляемые в форме множественного числа, автор делит на 3 группы, имеющие значение: 1) «сорт, вид, разновидность вещества» (*стали, лаки, чугуны*); 2) «большое пространство, покрытое, занятое веществом, большие массы вещества» (*пески, льды, снега*); 3) «посевные площади» (*ржи, пшеницы*). Из перечисленных групп наиболее лексикализованной является первая. Лексикализация форм множественного числа абстрактных существительных носит нерегулярный характер. При этом выделяются три степени лексикализации данных форм: полная (отсутствует корреляция форм единственного и множественного числа), частичная и неустойчивая (наблюдается корреляция форм единственного и множественного числа). В результате исследования С.В. Пивоварова делается вывод о том, что каждый отдельный случай лексикализации связан с формированием новых когнитивных структур в сознании носителей языка [Пивоварова 2009].

Итак, с когнитивной точки зрения лексикализация рассматривается как когнитивный процесс, приводящий к формированию новых структур в сознании человека. Данное положение представляется теоретически существенным и для настоящего исследования.

Несмотря на то, что процесс лексикализации форм множественного числа имени существительного изучался с различных точек зрения, сущностные процессы, лежащие в основе лексикализации, а также глубинные механизмы, обеспечивающие формирование новых (самостоятельных) смыслов существительными во множественном числе, пока не получили исчерпывающего объяснения с точки зрения процессов, протекающих в концептуальной системе человека. Детальный анализ научной литературы по теме исследования позволяет предположить, что дальнейшее изучение заявленной проблемы, на наш взгляд, целесообразно проводить в аспекте взаимодействия когнитивных и языковых единиц. Это с необходимостью предполагает использование основных положений теорий когнитивной семантики, концептуальной деривации и языковой

интерпретации, активно разрабатываемых отечественными лингвистами-когнитологами. Рассмотрим подробнее основные положения этих теорий, релевантные для решения поставленных в исследовании задач.

3. Лексикализация форм множественного числа имени существительного в аспекте взаимодействия ментальных и языковых единиц

Теория когнитивной семантики, как отмечает Н.Н. Болдырев, предполагает «выход за пределы собственно языковых знаний и обращение к знаниям неязыкового, энциклопедического характера и определение роли этих знаний в процессе формирования языковых значений и смысла высказывания» [Болдырев 2004: 24]. Как следствие, в рамках данной теории исследуется, как человек воспринимает и осмысливает окружающий мир, и как его опыт, полученный в процессе познания, отражается в значениях языковых выражений. Отсюда следует, что специфика когнитивной семантики как особой теории значения заключается в том, что первостепенное место в ней отводится антропоцентрическому фактору. Именно человек, являясь субъектом познания, выступает в качестве «концептуализатора» и «категоризатора». По словам Н.Н. Болдырева, «человеку приписывается активная роль в формировании значений языковых единиц: человек формирует значения, а не получает их в готовом виде, – а также активная роль в выборе языковых средств выражения той или иной ситуации и в понимании мотивов этого выбора» [Болдырев 2002: 18]. Вместе с тем, как отмечает О.В. Магировская, «субъект познания не отражает мир в языке, а осуществляет концептуальное преломление различных знаний о нём» [Магировская 2009: 289].

В целом, когнитивная семантика представляет собой общую теорию концептуализации и категоризации. Концептуализация – это «осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и

явлений, которое приводит к образованию определённых представлений о мире в виде концептов (т.е. фиксированных в сознании человека смыслов)» [Болдырев 2002: 22]. Большая часть концептов закрепляется в языке в виде значений, стоящих за конкретными словами. Это, в свою очередь, обеспечивает как хранение знаний, так и их передачу от человека к человеку и от поколения к поколению.

Поскольку концептуализация может рассматриваться как процесс и как результат когнитивной деятельности человека, в качестве важнейшего свойства концептуализации отмечается её динамичность. Обусловлено это тем, что, с одной стороны, концептуализация связана с осмыслением сущностей и явлений окружающего мира, а, с другой стороны, – приводит к формированию концептов (определённых структур знания) об уже осмысленных сущностях и явлениях [Беседина 2006].

Категоризация, по словам Н.Н. Болдырева, представляет собой «деление мира на категории, т.е. выделение в нём групп, классов, категорий аналогичных объектов или событий (включая концептуальные категории как обобщение конкретных смыслов или концептов)» [Болдырев 2002: 23]. Категоризация также предполагает мысленное соотнесение объектов или событий с определённой категорией.

Категоризация может носить не только статический (членение на категории), но и динамический характер. Динамический аспект категоризации можно интерпретировать в узком и широком смысле. В узком смысле категоризация представляет собой «подведение вещи, явления, процесса и любой анализируемой сущности под определённую категорию» [Кубрякова 2004: 307]. В широком смысле категоризация понимается как «сложный процесс формирования и выделения самих категорий по обнаруженным в анализируемых явлениях сходных или аналогичных сущностных признаков или свойств» [там же].

Категоризация слова в момент его использования в речи, т.е. в момент формирования конкретного смысла высказывания представляет собой

функциональную категоризацию слова (подр. о теории см.: [Болдырев 1994; 1995]). Функциональная категоризация, в свою очередь, базируется на таких основных принципах взаимодействия системного значения слова и его функционального осмысления, как актуализация, перекатегоризация и поликатегоризация. Актуализация предполагает реализацию системного, исходного значения слова в неизменном или модифицированном виде. В данном случае формирование смысла обеспечивают те же концептуальные характеристики, что и зафиксированы в словаре. Перекатегоризация заключается в переосмыслении слова в результате его соотнесения с другой категорией за счёт реализации признаков этой категории или концепта. Поликатегоризация – это одновременная реализация нескольких концептуальных характеристик различных концептов, т.е. соотнесение слова с двумя разными категориями [Болдырев 2001].

Применительно к проблеме лексикализации форм множественного числа имени существительного особенно актуально рассмотрение процесса перекатегоризации, поскольку, как показывает предварительный анализ фактического материала, в отдельных случаях лексикализация приводит к перекатегоризации имени существительного, т.е. переосмыслению существительного в форме множественного числа в результате его соотнесения с другой категорией за счёт реализации признаков этой категории или концепта. Например, лексикализованные формы множественного числа некоторых конкретных существительных могут приобретать характеристики абстрактных существительных и наоборот.

Значения языковых форм с точки зрения когнитивной семантики являются контекстуально обусловленными. В связи с этим постулируется, что значение той или иной языковой единицы становится понятным только в контексте конкретных когнитивных структур. При этом вопрос о том, вербализованы ли эти структуры в системе языка отдельными словами или нет, не является первостепенным. Важен сам факт вербализации или иной актуализации данных когнитивных структур. В связи с этим Н.Н. Болдырев

отмечает, что «значения слов в системе языка соотносимы не столько с парадигматическими и синтагматическими контекстами, сколько с определёнными когнитивными контекстами – когнитивными структурами, или блоками знания, которые стоят за этими значениями и обеспечивают их понимание» [Болдырев 2004: 26]. Поэтому существенную роль для реализации поставленных цели и задач настоящего исследования имеет многоуровневая теория значения, в которой последовательно разграничиваются концептуальный и языковой уровни репрезентации знаний, а также детально исследуются те структуры знания и познавательные процессы, которые лежат в основе формирования языковых значений. Тем самым, многоуровневая теория значения обеспечивает «выход за рамки собственно языковой системы» [Болдырев 2012: 17] и позволяет предложить адекватное объяснение многих языковых явлений, в том числе и лексикализации форм множественного числа имени существительного.

Всё сказанное ещё раз подтверждает положение о том, что любые изменения структуры значения обусловлены, прежде всего, изменениями в концептуальной структуре. Как утверждает Н.Н. Болдырев, «именно концепт определяет семантику языковых единиц, используемых для его выражения» [Болдырев 2002: 39]. Вместе с тем, концепты и концептуальные структуры способны взаимодействовать друг с другом, в результате чего образуются новые концептуальные структуры, которые в дальнейшем становятся частью концептуальной системы. Так, А.А. Залевская отмечает, что необходимо признать «наличие синергии взаимных трансформаций между концептами, то есть учитывать не просто связи между концептами как таковыми, но и то, как они влияют друг на друга, вызывая соответствующие трансформации» [Залевская 2001: 82]. Иначе говоря, «взаимодействие концептов является когнитивной основой многих языковых продуктов» [Гольдберг 2012: 159].

Рассмотрение лексикализации форм множественного числа имени существительного с точки зрения когнитивной семантики предполагает анализ концептов и концептуальных структур, стоящих за исходными и

производными формами числа, выявление и сопоставление концептуальных характеристик в их содержании, а также исследование когнитивных механизмов и процессов взаимодействия и взаимовлияния концептов и концептуальных структур, основополагающим из которых является концептуальная деривация.

Основные положения теории концептуальной деривации были разработаны Н.Н. Болдыревым и Л.В. Бабиной. Данная теория нашла применение в связи с изучением вторичных явлений в языке и речи, таких как вторичная репрезентация концептов в языке [Бабина 2003], деривационный потенциал концепта [Балакин 2008], эвфемизация [Алексикова 2010], формирование окказионализмов [Четина 2011], формирование переносных значений фитонимов [Дементьева 2012] и др.

В широком понимании концептуальная деривация, по мнению Н.Н. Болдырева, предстаёт как «формирование нового смысла в результате определённого способа интерпретации исходного вербализованного знания» [Болдырев 2009: 47]. Данный процесс основан на использовании и интерпретации уже вербализованного знания за счёт его сужения, расширения, развития, переструктурирования, генерализации или, напротив, конкретизации. Формирование нового смысла происходит при помощи тех или иных языковых механизмов, при этом связи между новым и исходным концептами могут носить разный характер, подчиняться разным когнитивным схемам и моделям: «часть – целое», «нейтрализация, усиление или ослабление определённой характеристики», «градация степени проявления признака», «изменение перспективы репрезентации концепта». Другими словами, концептуальная деривация представляет собой «языковую модель изменения определённого концептуального содержания с целью формирования нового смысла» [Болдырев 2009: 48].

В более узком смысле применительно к проблеме вторичной репрезентации рассматривает концептуальную деривацию Л.В. Бабина. По её словам, концептуальная деривация – это «когнитивный процесс,

обеспечивающий появление новой структуры знания в концептуальной системе человека на основе уже существующих концептов и концептуальных структур» [Бабина 2007: 86]. При этом отмечается, что после того, как концепты, образующие концептуальную систему человека, уже были поименованы, в языке возникли предпосылки для их дальнейшего объединения в новые концептуальные структуры, в результате чего происходит фиксация самостоятельных лексических значений. Исходные концепты, объединённые в процессе концептуальной деривации в новые концептуальные структуры, согласуются друг с другом по определённым концептуальным характеристикам. Эти концептуальные структуры также становятся «неотъемлемой частью концептуальной системы, создавая, в свою очередь, основу для её дальнейшего развития» [Бабина 2007: 87].

Таким образом, по мнению Л.В. Бабиной, начальным этапом концептуальной деривации является взаимодействие концептов. В связи с этим она пишет: «За словом, значение которого претерпевает в контексте изменение, стоит определённый концепт, который вступает во взаимодействие с концептом, получающим выражение за счёт контекста – словосочетания, предложения, абзаца и т.д. Поэтому исследуемые ранее изменения семантической структуры слова предстают как следствие изменения концептуальной структуры, репрезентируемой словом, под влиянием другой концептуальной структуры, например, передаваемой синтаксической конструкцией» [Бабина 2003: 57].

В контексте сказанного выше, позволим предположить, что концептуальная деривация – это глубинный процесс, обеспечивающий, в том числе и лексикализацию форм множественного числа имён существительных на концептуальном уровне. Это языковая модель изменения концептуального содержания, передаваемого обычной формой множественного числа конкретного существительного или формой единственного числа абстрактного и вещественного существительного, с целью формирования нового смысла, передаваемого лексикализованной формой множественного

числа конкретного, абстрактного и вещественного существительного. Формирование нового смысла, передаваемого лексикализованной формой множественного числа имени существительного, происходит благодаря языковой интерпретации.

В когнитивной лингвистике постулируется мысль о том, что формирование новых концептов и концептуальных структур основано на различных функциях человеческого мышления – схематизации, классификации, категоризации, генерализации, конкретизации и др. Также отмечается, что каждая из этих функций представляет собой особый вид интерпретации и обладает соответствующим интерпретирующим потенциалом. В связи с этим возникла необходимость детального исследования сущности процесса интерпретации. Основные положения теории языковой интерпретации разработаны Н.Н. Болдыревым и развиваются в работах отечественных лингвистов-когнитологов применительно к уровню концептуальной конфигурации знаний [Магировская 2012], морфологическому уровню [Беседина 2013], лексическому уровню [Болдырев, Панасенко 2013; Панасенко 2014], фразеологическому уровню [Бабушкина 2013], дискурсивному стилю [Дубровская 2013], поэтическому тексту [Маслова 2014].

Понятие интерпретации имеет широкое и узкое толкование. В широком смысле интерпретация понимается как «практически любая мыслительная операция, направленная на получение нового знания коллективного уровня, и в этом отношении она шире языковой когнитивной деятельности» [Болдырев 2011: 11]. В узком понимании интерпретация – это «языковая познавательная активность преимущественно отдельного индивида, раскрывающая в своих результатах его субъективное понимание объекта интерпретации» [там же].

В свете теории концептуальной конфигурации рассматривает интерпретативный потенциал языка О.В. Магировская. Прежде чем дать определение самому процессу интерпретации, автор исследует специфику интерпретативности, присущей как языку, так и когниции. По мнению

автора, «интерпретативность 1) является когнитивной потребностью и способностью индивида, 2) стимулирует (активизирует) речемыслительную деятельность, 3) выступает условием и результатом языковой и познавательной деятельности» [Магировская 2012: 79]. Данные особенности позволяют О.В. Магировской дать широкое толкование интерпретативности как «универсальной когнитивной потребности и способности ментального и языкового понимания и конструирования мира» [там же].

В свою очередь, под интерпретацией в узком смысле автор понимает «иерархически наивысший уровень когнитивной деятельности человека, уровень сложной, опосредованной и многомерной индивидуальной концептуально-категориальной конфигурации знаний, в рамках которой осуществляется опора на первичную систему знаний, которая включает в себя эмпирическое (непосредственное) знание и системное языковое знание» [там же]. Из данного определения следует, что важная роль в процессе интерпретации отводится интерпретирующему субъекту, ориентирующемуся на собственные взгляды, интересы, ценности, стереотипы, мировоззрение, социальный статус и т.д. Субъект интерпретации осуществляет своё субъективное видение мира и себя в этом мире, осознанно и специфично «фильтруя» информацию, поступающую к нему по всем каналам. В результате этого субъект интерпретативной деятельности преодолевает барьеры коллективного видения мира и расширяет границы познания, а язык превращается в живую, динамичную систему [Магировская 2012].

Н.Н. Болдырев и Л.А. Панасенко, обращаясь к проблеме интерпретирующего потенциала лексических категорий, уточняют, что языковая интерпретация представляет собой «особый вид когнитивной деятельности, основанный на механизмах концептуальной деривации, предполагающей развитие содержания исходных концептов и концептуальных структур в результате установления соответствующих межконцептуальных связей» [Болдырев, Панасенко 2013: 6].

Сущность интерпретации определяется её важнейшими отличительными характеристиками, образующими диалектическое единство. С одной стороны, исходные, интерпретируемые знания носят коллективный характер. С другой стороны, способ их интерпретации индивидуален, субъективен. Первая особенность интерпретации заключается в том, что она опирается на схемы знаний: фреймы, скрипты, когнитивные модели и т.д. При этом, по словам Н.Н. Болдырева, «интерпретация как процесс вторичного познания избирает своим объектом не сам объективный мир, а коллективные знания о мире, то, как он репрезентирован в коллективном сознании» [Болдырев 2011: 11].

Вторая характеристика интерпретации обусловлена её прямой зависимостью от индивидуальной концептуальной системы человека. Выделяя эту характеристику, Н.Н. Болдырев опирается на точку зрения А.Н. Леонтьева, изучавшего психологические аспекты проблемы формирования сознания. А.Н. Леонтьев различает первичное (понятийное) осмысление, ведущее к формированию значений, которые репрезентируют опыт всего человечества, и вторичное (субъективное) осмысление как обретение значений для себя, ведущее к формированию личностного смысла [Леонтьев 2000: 100-104].

Принимая во внимание характерные особенности интерпретации, Н.Н. Болдырев определяет этот вид когнитивной деятельности как «процесс и результаты субъективного понимания и объяснения человеком мира и себя в этом мире, процесс и результат субъективной репрезентации мира, основанной, с одной стороны, на существующих общечеловеческих представлениях человека о мире и, с другой стороны, на его личном опыте взаимодействия с ним» [Болдырев 2011: 11].

Исходя из этого, Н.Н. Болдырев считает возможным выделить 3 основных типа языковой интерпретации, которые реализуют 3 её главных целевых функции: селекции, классификации и оценки. Данные функции

обеспечивают связь интерпретации с другими аспектами языкового оперирования знанием – репрезентацией и коммуникацией.

Селективная функция интерпретации, являясь частью физического познания мира, способствует концептуализации окружающего мира и реализуется в языковых обозначениях соответствующих концептов. В результате этого образуются индивидуальные концептуальные системы, различающиеся по своей структуре и содержанию способами выборочной (селективной) репрезентации мира. Формирование концептуальной системы каждого человека зависит от окружающей его среды, образа жизни, исторической эпохи, пола, возраста, политических взглядов, уровня образования и т.д. «Концептуальная система отдельного человека, – пишет учёный, – индивидуально ориентирована и служит скорее как система преимущественно неязыковой ориентации в мире, в котором он живёт. Собственно языковая интерпретация внутри этой системы сводится, прежде всего, к обозначению вещей и событий окружающего мира. В то же время эти средства обозначения реалий и понятий также маркируют отличия концептуальных систем разных людей, их разное восприятие мира» [Болдырев 2013а: 26].

Классифицирующая функция интерпретации заключается в классификации объектов и формировании абстрактных понятий и имён для создаваемых классификаций. Данный тип интерпретации имеет отношение к ментальному познанию мира и связан с процессами вторичной концептуализации и вторичной категоризации. В ходе классифицирующей интерпретации язык используется не только для создания абстрактных понятий, но и для обозначения ментальных действий и состояний, чувств и эмоций. В конечном итоге, по утверждению Н.Н. Болдырева, классифицирующая интерпретация приводит к «формированию духовного мира человека на основе вербальной рефлексии о переживаемых внутренних событиях, выработке собственного мировоззрения, системы ценностей,

включая осознание наличия других концептуальных систем и их отличий» [Болдырев 2013а: 27].

Оценивающая функция обеспечивает оценочную интерпретацию, т.е. оценочную концептуализацию и категоризацию. Данная функция присуща именно человеку и заключается в схематизации опыта в соответствии с коллективной и индивидуальной системой норм, характерных для определённой культуры. Как отмечает Н.Н. Болдырев, оценочная интерпретация – это «исключительно языковая система межличностной ориентации в мире, коллективно-индивидуальная модель взаимоотношений» [там же].

Исследование сущности интерпретирующей функции человеческого сознания позволяет автору заключить, что «интерпретация 1) структурирована, 2) опирается на существующие коллективные схемы знаний, 3) ориентирована на концептуальную систему индивида, т.е. индивидуальна, субъективна» [Болдырев 2011: 12].

Поскольку проявления интерпретирующей функции языкового сознания разнообразны, Н.Н. Болдырев и Л.А. Панасенко считают возможным выделить 2 вида интерпретации: 1) идентифицирующую интерпретацию и 2) характеризующую интерпретацию.

По мнению авторов, идентифицирующая интерпретация представляет собой процесс вторичной номинации, когда «языковая единица фиксирует новый фрагмент знания в определённой конфигурации, т.е. происходит освоение знания в заданной языковой единицей концептуальной проекции» [Болдырев, Панасенко 2013: 7]. Другими словами, идентифицирующая интерпретация – это «категоризация объектов и предметов окружающего мира в определённом формате знания» [там же]. Идентифицирующая интерпретация обеспечивается действием различных когнитивных механизмов, таких как концептуальная метафора, концептуальная метонимия, генерализация и сужение концептуального содержания.

Сущность характеризующей интерпретации заключается в передаче не только фрагмента знания, но и мнения индивида об этом знании. Данным фактом обусловлена возможность языковых единиц реализовывать оценочные смыслы в ходе речемыслительной деятельности. Кроме того, авторы отмечают такую особенность характеризующей интерпретации, как её ориентация на моделирование того или иного отношения получателя сообщения к его содержанию. В качестве примера, иллюстрирующего данное утверждение, приводится эвфемизация, которая также рассматривается как способ интерпретации.

Таким образом, Н.Н. Болдырев и Л.А. Панасенко заключают, что «формирование интерпретирующих смыслов в речи основано на механизмах концептуальной деривации и предполагает, что переосмысление исходного вербализованного знания служит транслированию не только собственно онтологического содержания, но и отношения говорящего к объекту интерпретации» [Болдырев, Панасенко 2013: 8]. Что касается интерпретирующего потенциала самих лексических категорий, то его формирование, по утверждению авторов, основывается на принципе концептуального согласования, который заключается в возможности установления межконцептуальных связей между областями интерпретирующего и интерпретируемого знаний.

В логике сказанного позволим предположить, что формирование смыслов, передаваемых лексикализованными формами множественного числа имени существительного, обеспечивается идентифицирующей интерпретацией. В связи с этим идентифицирующая интерпретация применительно к изучаемому материалу может быть представлена как процесс вторичной номинации, в ходе которого лексикализованная форма множественного числа фиксирует новый фрагмент знания в определённой конфигурации, т.е. происходит освоение знания в заданной этой языковой единицей концептуальной проекции. В результате этого лексикализованная форма множественного числа существительного, являющаяся инструментом

такой идентификации, увеличивает свой денотативный потенциал и начинает обозначать новый класс объектов. В качестве основных когнитивных механизмов, обеспечивающих идентифицирующую интерпретацию в процессе лексикализации форм множественного числа имени существительного, выступают концептуальная метонимия и концептуальная метафора.

Итак, рассмотрение лексикализации форм множественного числа имени существительного в аспекте взаимодействия ментальных и языковых единиц позволяет определить её как языковой процесс, основанный на механизмах концептуальной деривации и идентифицирующей интерпретации, в результате которого форма множественного числа имени существительного фиксирует новый фрагмент знания в определённой концептуальной конфигурации. Следующим этапом нашего исследования становится когнитивное моделирование процесса лексикализации форм множественного числа имени существительного.

4. Когнитивное моделирование процесса лексикализации форм множественного числа имени существительного

Когнитивное моделирование различных языковых процессов, в том числе и процесса лексикализации форм множественного числа имени существительного, предполагает построение и описание когнитивных моделей соответствующих языковых единиц. В когнитивной лингвистике понятие модели приобретает особое значение, что обусловлено спецификой самих когнитивных структур, каждая из которых представляет собой определённую модель структурированного знания. Модель, как её определяет Е.Г. Беляевская, есть «некий схематизированный конструкт, который «замещает» более сложный и более труднообозримый объект, позволяя зафиксировать и, тем самым, лучше изучить наиболее важные свойства исходного объекта» [Беляевская 2008: 100].

Моделированию могут подвергаться как целые объекты, так и их отдельные характеристики. Применительно к единицам языка речь может идти о моделировании процессов создания языковых единиц, формирования их семантики и их функционирования в коммуникативно-дискурсивной деятельности. Таким образом, когнитивное моделирование предполагает «построение схематизированного конструкта (модели), объясняющего, каким образом формируется семантика той или иной языковой единицы, какие структуры знания лежат в её основе и какие механизмы обеспечивают её существование, а также, как именно данная единица, языковая структура или категория используется для передачи конкретного смысла в процессе коммуникации» [Беседина 2011: 262].

Построение когнитивных моделей лексикализации форм множественного числа имени существительного позволяет объяснить, как формируется семантика лексикализованных форм множественного числа, как функционируют когнитивные механизмы, обеспечивающие процесс лексикализации, и как исследуемые единицы формируют конкретный смысл в процессе коммуникации. Прежде чем приступить непосредственно к анализу моделей лексикализации форм множественного числа имени существительного, рассмотрим основные когнитивные механизмы, лежащие в их основе.

4.1. Когнитивные механизмы лексикализации форм множественного числа имени существительного

Когнитивными механизмами лексикализации форм множественного числа имени существительного являются концептуальная метонимия, концептуальная метафора, профилирование, конфигурирование и дефокусирование. Однако их роль в процессе формирования новых смыслов различна. Так, концептуальная метонимия и концептуальная метафора выполняют моделеобразующую функцию, т.е. определяют тип модели

лексикализации форм множественного числа имени существительного. Когнитивные механизмы профилирования, конфигурирования и дефокусирования дополняют их в функционировании когнитивных моделей.

4.1.1. Моделеобразующие когнитивные механизмы

Метонимия является одним из базовых механизмов изменения концептуальных структур. Как отмечает Е.С. Кубрякова, «объективным основанием для действия метонимии становится известная неопределённость мира, в котором нет жёстких границ между целым и его частью, между объектом и его признаком» [Кубрякова 1992: 89].

В теории фигуρο-фоновых отношений метонимический сдвиг объясняется такими особенностями когниции, как избирательность восприятия и распределение внимания. Ведущей и исходной при этом считается операция профилирования – выделения активной зоны концептуальной области [Talmy 1985: 17; Langacker 1991: 189-200]. В результате профилирования акцентируются доминантные признаки оцениваемого предмета мысли. Профилированность или акцентный статус признаков является одним из центральных понятий когнитивной семантики, а изменение акцентного статуса рассматривается как универсальное средство порождения многозначности.

По мнению Дж. Лакоффа, метонимия существует в концептуальной системе человека в виде идеализированной когнитивной модели или концептуальной структуры, между отдельными элементами которой существует отношение замещения [Lakoff 1987: 78]. «Нет ничего более обычного для людей, – пишет учёный, – чем взять какой-либо один ясно понимаемый или легко воспринимаемый аспект чего-либо и использовать его для обозначения вещи в целом или какого-либо другого её аспекта или части» [Лакофф 2004: 111].

Дж. Лакофф выделяет следующие характеристики метонимических моделей. Во-первых, есть некий концепт А, который воспринимается в определённом контексте. Во-вторых, есть концепт В, который, как и концепт А, входит в одну и ту же концептуальную структуру. В-третьих, А выступает как часть В, либо тесно с ним связан в пределах этой концептуальной структуры. В-четвёртых, использование В вместо А предполагает, что В либо интуитивно понятнее, конкретнее, известнее, детальнее; либо легче передаётся [Lakoff 1987: 85].

В более широком смысле метонимия представляет собой «модель концептуализации мира и репрезентации знаний о мире в сознании человека» [Козлова 2007: 66]. При этом отмечается интерпретирующий характер данной модели, что представляется весьма существенным в контексте настоящего исследования. Метонимическая модель основана на опыте, то есть на знании существующего порядка вещей, и представляет собой модель перестройки концептуальной структуры, отражающей конвенциональное осмысление определённого фрагмента мира.

Рассматривая сущность метонимии, Г.П. Кузикевич считает возможным интерпретировать её как процесс и как результат этого процесса [Кузикевич 2008]. В первом случае речь идёт о смещении фокуса внимания (динамический аспект), а во втором – о способности какой-либо части концептуального содержания служить средством репрезентации всего концепта (статический аспект). При этом динамический аспект не сводится к простой механической операции замещения целого его отдельной частью или буквальному отражению существующих отношений и зависимостей. Он предполагает ряд ментальных действий, сопровождающихся высвечиванием одних признаков и затушёвыванием других.

Метонимия обычно осуществляется по таким моделям, как «часть – целое», «причина – событие», «следствие – событие», «способ – событие», «сопутствующее событие – событие», «оценка качества – событие», «действие – результат» и т.д.

Предварительный анализ фактического материала позволяет утверждать, что лексикализация форм множественного числа английских и русских имён существительных осуществляется по метонимическим моделям различных типов. Данные модели будут подробно рассмотрены в главе II настоящего исследования.

Концептуальная метафора, наравне с концептуальной метонимией, считается одним из основных когнитивных механизмов, обеспечивающих формирование новых смыслов. Поэтому данное явление не раз оказывалось в центре внимания лингвистов-когнитологов. Результатом многочисленных исследований явились различные теории и концепции метафоры, среди которых особое место занимает теория, разработанная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном и описанная ими в фундаментальном труде «Метафоры, которыми мы живём». По мнению авторов, «метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, причём не только язык, но и мышление и деятельность, поскольку наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [Лакофф, Джонсон 2008: 25]. При этом суть метафоры заключается в «понимании и переживании сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [Лакофф, Джонсон 2008: 27].

Дж. Лакофф и М. Джонсон выделяют 3 типа концептуальных метафор: ориентационные, онтологические и структурные. Ориентационные метафоры связаны с пониманием ориентации в пространстве. Онтологические метафоры возникают в результате переосмысления абстрактных явлений через признаки материальных сущностей. Структурные метафоры основаны на частичном метафорическом структурировании одного концепта в терминах другого, что, в частности, обеспечивает формирование семантики лексикализованных форм множественного числа английских и русских имён существительных.

Теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона получила развитие в работах многих зарубежных и отечественных учёных. В

частности, А.Н. Баранов рассматривает метафоризацию как взаимодействие двух структур знаний – когнитивной структуры «источника» и когнитивной структуры «цели», в результате которого некоторые области цели структурируются по образу источника, то есть происходит «метафорическая проекция» [Баранов 2003: 75]. В таком же ракурсе метафоризация понимается М. Блэком. По его мнению, метафоризация протекает как процесс, в котором взаимодействуют два объекта или две сущности, и две операции, посредством которых осуществляется взаимодействие. Одна из этих сущностей – это тот объект, который обозначается метафорически. Вторая сущность – метафорический объект, который соотносим с обозначаемым уже готового языкового наименования (цит. по: [Телия 1988: 186]). Результатом процесса метафоризации является появление нового знания о мире и оязыковление этого знания.

Н.А. Мишанкина, рассматривая концептуальную метафору как «базовую ментальную модель, основанную на аналогии», обращает внимание на то, что она позволяет осмыслять объекты (явления, сущности) на основе знаний о других объектах (явлениях, сущностях) и получает выражение в языке, дискурсе, тексте в виде целостной системы метафорических выражений [Мишанкина 2010: 41].

Ж.Н. Маслова анализирует метафору в контексте трёх аспектов оперирования знанием, предложенных Н.Н. Болдыревым. По её мнению, «репрезентативный аспект знания, зафиксированный в метафоре, состоит в сопряжении объектов мира на общем основании и генерировании нового смысла» [Маслова 2014: 105]. Семиотический аспект относительно метафоры заключается в том, что она восполняет недостаток слов в языке. Интерпретационный аспект оперирования знанием проявляется в «способности метафоры репрезентировать субъективное видение человека, его эмоционально-эстетический опыт» [Маслова 2014: 106].

В более широком понимании концептуальная метафора представляет собой один из механизмов интерпретации мира и знаний о мире.

Применительно к проблеме лексикализации форм множественного числа имени существительного особую актуальность приобретает интерпретационный потенциал концептуальной метафоры, который, по мнению Н.Н. Болдырева, «определяется двумя ключевыми факторами: 1) природой самой концептуальной метафоры, её внутренним строением, предполагающим установление связей между разными концептами или концептуальными структурами, а также 2) спецификой интерпретации как познавательной активности человека, которая реализуется в трёх основных типах: селективная интерпретация, классифицирующая интерпретация и оценочная интерпретация» [Болдырев 2013: 20].

Лексикализация форм множественного числа английских и русских имён существительных осуществляется по метафорическим моделям различных типов, подробный анализ которых будет представлен в главе II предлагаемого исследования.

Описанные выше когнитивные механизмы метонимии и метафоры лежат в основе соответствующих моделей лексикализации форм множественного числа имени существительного. Формирование смыслов в процессе лексикализации обеспечивается также и дополнительными когнитивными механизмами. Остановимся на данных механизмах подробнее.

4.1.2. Дополнительные когнитивные механизмы

К числу дополнительных когнитивных механизмов лексикализации форм множественного числа имени существительного относятся профилирование, конфигурирование и дефокусирование.

Механизм профилирования был описан ещё в начале прошлого века Ф. Бартлеттом, который на основе многочисленных опытов, целью которых было изучение внимания и памяти, выявил, что человеческий разум не может воспринимать, а тем более запоминать ситуацию или объект целиком. Он

выделяет один аспект или деталь, вокруг которой группирует остальные элементы, тем самым создавая полную картину [Bartlett 1920].

Когнитивный механизм профилирования предполагает наличие определённого концептуального содержания, области осмысления или так называемой «базы», в которой будет профилироваться тот или иной аспект, на котором фокусируется внимание, называемый Р. Лэнкером «профилем» [Langacker 1987; Лэнкер 2006]. Применительно к процессу лексикализации форм множественного числа имени существительного механизм профилирования подразумевает выделение и выдвижение на передний план определённых характеристик концепта, передаваемого исходной формой единственного числа английского и русского существительного.

Конфигурирование, как один из дополнительных когнитивных механизмов лексикализации форм множественного числа имени существительного, представляет собой «процесс придания той или иной формы концептуальному содержанию на основе различных вариантов сочетания концептуальных характеристик» [Беседина 2006: 116]. В результате конфигурирования образуются производные концепты определённой конфигурации, под которой О.В. Магировская понимает «процесс и результат когнитивной деятельности человека, определённый тип знаний, обусловленный особенностями и возможностями их переработки на определённом уровне познания» [Магировская 2009: 9-10].

Когнитивный механизм дефокусирования представляет собой мыслительный процесс, направленный на выведение из фокуса внимания определённых свойств объектов или ситуаций. Как отмечает О.К. Ирисханова, дефокусирование «в контексте языковой деятельности может осознаваться говорящими в разной степени, варьируя от почти полной неосознанности и автоматизма в конвенциональных единицах и языковых выражениях до целенаправленного устранения той или иной информации из сферы внимания слушающего при смене темы, в косвенных просьбах, намёках, уклончивых ответах и других речевых актах, направленных на

эксплицитное или имплицитное манипулирование сознанием собеседника» [Ирисханова 2007: 72]. В контексте настоящего исследования речь идёт о дефокусировании концептуальной характеристики «множество» в содержании производного концепта, лежащего в основе семантики лексикализованной формы множественного числа английского и русского существительного, в результате чего данная форма утрачивает числовое значение.

Всё сказанное позволяет заключить, что когнитивные механизмы профилирования, конфигурирования и дефокусирования, являясь общими для человеческого сознания, играют различную роль в процессе лексикализации форм множественного числа имени существительного. Вместе с тем, все они тесно взаимосвязаны, что обеспечивает формирование множества новых смыслов в коммуникативно-дискурсивной деятельности.

4.2. Модели лексикализации форм множественного числа имени существительного

Изучение процессов формирования смыслов, передаваемых лексикализованными формами множественного числа английских и русских имён существительных, позволяет выделить 2 основные когнитивные модели лексикализации: идентифицирующую метонимическую модель и идентифицирующую метафорическую модель. Они различаются по действию основного когнитивного механизма – метонимии и метафоры. Рассмотрим идентифицирующую метонимическую модель лексикализации форм множественного числа имени существительного.

4.2.1. Идентифицирующая метонимическая модель

Идентифицирующая метонимическая модель служит когнитивной основой формирования семантики лексикализованных форм множественного

числа как конкретных, так абстрактных и вещественных имён существительных в английском и русском языках. Формирование смыслов, передаваемых лексикализованными формами множественного числа имени существительного, по данной модели основано на механизмах концептуальной деривации и идентифицирующей интерпретации. Кроме того, в процессе формирования смыслов существенную роль играют дополнительные лингвистические факторы [Беседина 2006]. В качестве дополнительных лингвистических факторов, влияющих на формирование смыслов, передаваемых лексикализованными формами множественного числа имени существительного, выступают семантический и контекстуальный. Семантический фактор предполагает учёт лексической семантики исходной формы единственного числа имени существительного. Контекстуальный фактор подразумевает ближайший лингвистический контекст, т.е. контекст предложения-высказывания, объединяющий значения и формы единиц, входящих в него.

Семантический фактор определяет количество этапов формирования смыслов в процессе лексикализации форм множественного числа имени существительного. Традиционно в семантической классификации имён существительных принято разграничивать конкретные, абстрактные и вещественные имена существительные (см., например: [Кобрина 1999]). Конкретные существительные, как известно, обозначают существующие в виде отдельных экземпляров или особей явления, объекты или предметы реальной действительности, воспринимаемые органами чувств и подвергающиеся счёту, например: *card, wheel, pin, нота, мешок, ложка*. Семантика конкретных существительных предполагает образование форм множественного числа со значением простого множества.

Абстрактные существительные указывают на отвлечённые понятия, такие как действия, состояния, свойства, качества, воспринимаемые разумом и не подвергающиеся счёту, например: *talk, height, honour, бег, красота, ужас*. Вещественные существительные включают наименования однородных

по составу веществ, материалов и других делимых масс, которые можно не считать, а измерять, например: *iron, leather, sand, шёлк, вода, песок*. Семантика как абстрактных, так и вещественных существительных не предполагает в системе образование форм множественного числа, но в процессе дискурсивной деятельности они могут употребляться в форме множественного числа, получая самостоятельное лексикализованное значение.

С учётом семантического фактора процесс лексикализации по идентифицирующей метонимической модели у конкретных и у абстрактных и вещественных имён существительных протекает по-разному, но в обоих случаях он неразрывно связан с морфологической репрезентацией, под которой понимается «категориальный способ структурирования концептуального содержания посредством морфологических категорий и форм» [Беседина 2006: 114]. Применительно к изучаемому явлению морфологическая репрезентация подразумевает категориальный способ структурирования концептуального содержания посредством морфологической категории и форм числа английских и русских имён существительных.

Рассмотрим основные этапы формирования смыслов в процессе лексикализации по идентифицирующей метонимической модели у конкретных имён существительных. На первом этапе в процессе морфологической репрезентации формируется смысл «дискретная множественность», передаваемый обычной формой множественного числа конкретного существительного. Семантику данной формы определяет морфологически передаваемый концепт ЧИСЛО, в содержании которого присутствует концептуальная характеристика «множество» и концептуальные характеристики, наследуемые от концепта, репрезентируемого исходной формой единственного числа конкретного существительного. Смысл «дискретная множественность» предполагает наличие некоторого дискретного количества однородных предметов,

представляющих незавершённый ряд (подр. см.: [Беседина 2006; 2006а; Беседина, Степаненко 2010]).

В дальнейшем содержание концепта, определяющего семантику обычной формы множественного числа конкретного существительного, подвергается переструктурированию в процессе концептуальной деривации. На начальном этапе концептуальной деривации в содержании анализируемого концепта, передаваемого обычной формой множественного числа, активизируется наиболее репрезентативная концептуальная характеристика, наследуемая от исходного концепта, вербализуемого формой единственного числа конкретного существительного. Далее активизировавшаяся концептуальная характеристика профилируется, попадает в фокус внимания. В результате действия когнитивного механизма метонимии (см. 4.1.1.) активизировавшаяся и спрофилированная концептуальная характеристика замещается смежной концептуальной характеристикой в пределах одной концептуально-тематической области (термин Н.Н. Болдырева).

На заключительном этапе происходит конфигурирование концептуального содержания на основе различных вариантов сочетания замещающей концептуальной характеристики, репрезентируемой лексически, и характеристики «множество», репрезентируемой грамматически, что приводит к образованию производного концепта новой конфигурации. Данный концепт определяет семантику лексикализованной формы множественного числа конкретного существительного. Взаимодействие структур знания, стоящих за лексическим и грамматическим значением имени существительного, обеспечивает появление новой концептуальной структуры, причём грамматическое средство (морфологическая форма числа) выполняет функцию структурирования концептуального содержания, а лексическое – функцию его конкретной репрезентации.

У абстрактных и вещественных существительных процесс лексикализации по идентифицирующей метонимической модели происходит несколько иначе. На начальном этапе концептуальной деривации, осуществляющейся параллельно с морфологической репрезентацией, приводящей к формированию смысла «множественность», в основе которого лежит морфологически передаваемый концепт ЧИСЛО, происходит активизация концептуальной характеристики в содержании исходного концепта, передаваемого формой единственного числа абстрактного или вещественного существительного. На следующем этапе концептуальной деривации активизировавшаяся концептуальная характеристика профилируется, попадает в фокус внимания. Далее в результате действия когнитивного механизма метонимии активизировавшаяся и спрофилированная концептуальная характеристика замещается смежной концептуальной характеристикой в пределах одной концептуально-тематической области.

Конфигурирование концептуального содержания на основе различных вариантов сочетания замещающей концептуальной характеристики и характеристики «множество» морфологически передаваемого концепта ЧИСЛО приводит к образованию производного концепта особой конфигурации, определяющего семантику лексикализованной формы множественного числа абстрактного или вещественного имени существительного.

Лексикализованные формы множественного числа существительных, семантика которых формируется по идентифицирующей метонимической модели, могут передавать различные смыслы, а именно партитивную множественность, пространственную множественность и др. При реализации смысла «партитивная множественность» профилируется идея множества, содержащего один предмет, состоящий из нескольких частей. Указанный смысл передаётся лексикализованными формами множественного числа конкретных существительных, обозначающими парные предметы, например:

trunks, ползунки. Значение множественности, передаваемое данными существительными, конечно. Множественность здесь подразумевает не множественность предметов, а множественность частей данного предмета. Пространственная множественность указывает на неопределённо большое количество массы. Данный смысл передаётся лексикализованными формами множественного числа вещественных существительных, обозначающими уже не вещество как таковое, а неопределённо большое количество массы, например: *sands, waters, снега, воды*.

В отдельных случаях в содержании производного концепта, лежащего в основе семантики лексикализованной формы множественного числа имени существительного, происходит дефокусирование, т.е. выведение из фокуса внимания концептуальной характеристики «множество», в результате чего лексикализованная форма множественного числа существительного утрачивает числовое значение, например: *races, talks, гонки, стрельбы*.

Процесс формирования конкретных смыслов, передаваемых лексикализованными формами множественного числа имени существительного, по идентифицирующей метонимической модели протекает непосредственно на уровне предложения-высказывания в ходе идентифицирующей интерпретации при участии контекстуального фактора. Действие контекстуального фактора будет подробно описано в исследовательской части настоящей работы. В результате процесса идентифицирующей интерпретации, основанного на механизмах концептуальной деривации, форма множественного числа имени существительного увеличивает свой денотативный потенциал, начинает обозначать новый класс объектов и приобретает самостоятельное лексическое значение.

4.2.2. Идентифицирующая метафорическая модель

Идентифицирующая метафорическая модель служит когнитивной основой при формировании значений лексикализованных форм множественного числа конкретных имён существительных в английском и русском языках. Формирование смыслов, передаваемых лексикализованными формами множественного числа имени существительного, по данной модели основано на механизмах концептуальной деривации и идентифицирующей интерпретации. Как и при идентифицирующей метонимической модели, в качестве дополнительных лингвистических факторов, влияющих на формирование смыслов, передаваемых лексикализованными формами множественного числа имени существительного, выступают: лексическая семантика исходной формы единственного числа имени существительного (семантический фактор) и ближайший лингвистический контекст, т.е. контекст предложения-высказывания, объединяющий значения и формы единиц, входящих в него (контекстуальный фактор). Процесс формирования смыслов может быть условно разделен на несколько этапов.

На начальном этапе в процессе морфологической репрезентации формируется смысл «дискретная множественность», передаваемый обычной формой множественного числа конкретного существительного. Семантику данной формы определяет морфологически передаваемый концепт ЧИСЛО, в содержании которого присутствует концептуальная характеристика «множество» и концептуальные характеристики, наследуемые от концепта, репрезентируемого исходной формой единственного числа конкретного существительного.

Далее в ходе концептуальной деривации в содержании концепта, передаваемого обычной формой множественного числа (область-источник), и концепта в пределах другой концептуально-тематической области (область-мишень) одновременно активизируются сходные концептуальные характеристики. На следующем этапе концептуальной деривации

активизировавшиеся концептуальные характеристики профилируются, попадают в фокус внимания. В результате действия когнитивного механизма метафоры (см. 4.1.1.) производный концепт (область-мишень) структурируется по подобию исходного (область-источник). Характеристика «множество» достраивает конфигурацию производного концепта, лежащего в основе семантики лексикализованной формы множественного числа конкретного имени существительного.

Лексикализованные формы множественного числа конкретных существительных, семантика которых формируется по идентифицирующей метафорической модели, могут передавать различные смыслы, а именно партитивную множественность (см. 4.2.1.), двойственную множественность и др. Смысл «двойственная множественность» передаётся лексикализованными формами множественного числа, обозначающими названия парных органов или частей тела человека или животных, например: *bags, мешки*. Как отмечает Н.А. Беседина, «в семантике рассматриваемых слов присутствует оттенок определённой «комплектности», так как, когда говорят о руках, ногах, глазах, имеют в виду тот количественно более или менее определённый комплект, который имеется у людей и животных» [Беседина 2006а: 171].

В отдельных случаях в содержании производного концепта, лежащего в основе семантики лексикализованной формы множественного числа имени существительного, происходит дефокусирование, т.е. выведение из фокуса внимания концептуальной характеристики «множество», в результате чего лексикализованная форма множественного числа существительного утрачивает числовое значение.

Формирование смыслов, передаваемых лексикализованными формами множественного числа имени существительного, по идентифицирующей метафорической модели происходит на уровне предложения-высказывания в ходе идентифицирующей интерпретации при участии контекстуального фактора. В результате лексикализации содержание концепта, стоящего за

формой множественного числа имени существительного, переосмысливается и получает соответствующую интерпретацию, закрепляясь за данной языковой единицей.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

Анализ научной литературы по проблеме исследования позволил уточнить некоторые теоретические положения, существенные для развиваемой в рамках данной работы гипотезы, и наметить основные пути решения поставленных цели и задач исследования.

1. Лексикализация форм множественного числа имени существительного является частным случаем лексикализации, явления, охватывающего все уровни языка – от фонемного до синтаксического. Сущность лексикализации заключается в превращении элемента языка или словоформы в самостоятельное знаменательное слово или словарную единицу.

2. Процесс лексикализации форм множественного числа имени существительного изучался в русле структурно-функционального и когнитивного подходов. С точки зрения структурно-функционального подхода лексикализация форм множественного числа имени существительного представляет собой процесс взаимодействия лексических и грамматических значений в слове, в результате которого формы множественного числа получают самостоятельное лексическое значение, отличное от значения простого множества подобных предметов. Когнитивный аспект исследования лексикализации форм множественного числа имени существительного связан с рассмотрением данного процесса с учётом когнитивных структур, формирующихся в сознании носителей языка.

3. С точки зрения когнитивной семантики значения языковых единиц, в том числе и лексикализованных форм множественного числа имени существительного, являются контекстуально обусловленными, т.е.

становятся понятными только в контексте определённых когнитивных структур.

4. В контексте основных познавательных процессов концептуализации и категоризации специфика лексикализации форм множественного числа имени существительного заключается во взаимодействии структур знания, стоящих за лексическим и грамматическим значением имени существительного, в результате чего образуется новая концептуальная структура, определяющая семантику лексикализованной формы множественного числа имени существительного. При этом грамматическое значение структурирует концептуальное содержание особым образом, а лексическое значение активизирует в нем конкретную содержательную часть.

5. На концептуальном уровне лексикализация форм множественного числа имени существительного обеспечивается концептуальной деривацией, которая представляет собой языковую модель изменения концептуального содержания, передаваемого обычной формой множественного числа конкретного существительного или формой единственного числа абстрактного и вещественного существительного, с целью формирования нового смысла, передаваемого лексикализованной формой множественного числа конкретного, абстрактного и вещественного существительного.

6. В основе формирования смыслов, передаваемых лексикализованными формами множественного числа имени существительного, лежит идентифицирующая интерпретация как процесс вторичной номинации, в ходе которого происходит освоение нового знания в заданной лексикализованной формой множественного числа имени существительного концептуальной проекции.

7. Формирование смыслов в процессе лексикализации форм множественного числа имени существительного происходит по двум когнитивным моделям – идентифицирующей метонимической и идентифицирующей метафорической за счёт действия моделиобразующих

когнитивных механизмов метонимии и метафоры соответственно. В качестве дополнительных когнитивных механизмов лексикализации форм множественного числа имени существительного выступают профилирование, конфигурирование и дефокусирование.

На основе сформулированных теоретических положений в главе II предлагаемого диссертационного исследования проводится подробный анализ выявленных когнитивных моделей лексикализации форм множественного числа английских и русских имён существительных.

ГЛАВА II. КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ ЛЕКСИКАЛИЗАЦИИ ФОРМ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

В ходе анализа фактического материала было выделено 2 основных типа когнитивных моделей лексикализации форм множественного числа английских и русских имён существительных: 1) идентифицирующие метонимические модели; 2) идентифицирующие метафорические модели.

Формирование смыслов при лексикализации форм множественного числа по идентифицирующей метонимической модели происходит у конкретных, абстрактных и вещественных существительных. Формирование смыслов по идентифицирующей метафорической модели лексикализации форм множественного числа характерно для существительных конкретной семантики. Начнём рассмотрение когнитивных моделей лексикализации форм множественного числа английских и русских имён существительных с идентифицирующих метонимических моделей.

1. Идентифицирующие метонимические модели лексикализации

Как отмечалось ранее, существенную роль в процессе формирования смыслов, передаваемых лексикализированными формами множественного числа имени существительного, играет семантика исходной формы единственного числа (семантический фактор). В связи с этим дальнейшее изложение предполагает отдельный анализ идентифицирующих метонимических моделей лексикализации форм множественного числа конкретных и абстрактных, вещественных имён существительных. Начнём подробный анализ с идентифицирующих метонимических моделей лексикализации форм множественного числа английских и русских конкретных имён существительных.

1.1. Идентифицирующие метонимические модели лексикализации форм множественного числа конкретных имён существительных

В ходе анализа фактического материала было установлено, что лексикализация форм множественного числа английских и русских конкретных имён существительных осуществляется по следующим когнитивным метонимическим моделям: «часть – целое», «атрибут действия – действие», «содержимое –местилище (контейнер)», «результат – действие». Рассмотрим данные модели подробнее.

1.1.1. Модель «часть – целое»

Когнитивная метонимическая модель «часть – целое» служит основой при формировании значений лексикализованных форм множественного числа конкретных существительных. Данная модель может быть проиллюстрирована следующими примерами в английском языке: *bead – beads, drop – drops, feature – features, figure – figures, thread – threads, verse – verses, wave – waves, wheel – wheels*; в русском языке: *капля – капли, колесо – колёса, ложка – ложки, нота – ноты, ремень – ремни, ролик – ролики, стих – стихи, цифра – цифры, черта – черты*.

Весь мир, окружающий человека, устроен по принципу «часть – целое». Практически любой объект физической или интеллектуальной природы имеет определённую структуру, в которой можно выделить части, в совокупности образующие целое. Исходные формы единственного числа существительных этой группы обозначают явления или предметы реальной действительности, имеющие отношение к различным сферам материального и духовного мира. Это существительные, обозначающие часть технического устройства (*wheel, колесо, ремень, ролик*); неживую природу (*drop, wave, капля*); характеризующие одежду и внешность человека (*bead, feature, черта*), быт человека (*thread, ложка*); указывающие на результат

интеллектуальной (*figure, цифра*) и творческой (*verse, нота, стих*) деятельности человека. Семантика таких существительных предполагает образование форм множественного числа со значением простого множества подобных предметов или явлений. Например:

1. *If one girl has more than twenty-four **beads**, she has won a hole for each four **beads** on each player's side [BNC].*
2. *If the nest is a hanging one, then the bird will fly round and round the first **threads**, binding more around them to form the walls of the cup [BNC].*
3. *In canoe-surfing year participants compete in twenty minute heats and ride a maximum of ten **waves** [BNC].*
4. *Смазка гребней выручает только первые **колёса** локомотива, надо бы все локомотивы оборудовать гребнесмазывателями, а это накладно [НКРЯ].*
5. *Генерал вспоминал запах раскалённой гальки, когда на неё упали первые **капли** дождя, он слышал особый пляжный шум – приглушённый и как бы далёкий, состоящий из детских криков, ударов по мячу и шуршащего накатывания волн на берег [НКРЯ].*
6. *Так что оставим в покое три **ноты** Шопена, подсказавшие непробудившемуся ещё сердцу подростка, какие страшные и сладостные бездны ждут его впереди [НКРЯ].*

В приведённых примерах формы множественного числа существительных **beads, threads, waves, колёса, капли, ноты** обозначают простое множество подобных предметов – «множество бусин», «множество нитей», «множество волн», «множество колёс», «множество капель», «множество нот», на что указывает их употребление с количественными или порядковыми числительными *twenty-four beads, four beads, the first threads, ten waves, первые колёса, первые капли, три ноты*.

Но в процессе дискурсивной деятельности формы множественного числа указанных существительных способны приобретать самостоятельное

лексическое значение, отличное от значения простого множества подобных предметов или явлений, то есть подвергаться лексикализации.

Рассмотрим процесс формирования значения лексикализованных форм множественного числа, относящихся к этой группе, на примере имён существительных **beads** и **колёса**, демонстрирующих наиболее разнообразные контексты употребления:

7. *She is wearing some **beads** now, hidden for the moment under her clothes [BNC].*
8. *She was draped in a kind of Greek fashion by two of her coloured shawls and she wore round her neck Rachaela's green glass **beads** [BNC].*
9. *Men could and did wear their hair to the shoulders, even wore flowers in it and **beads** round their necks – that got the pink gins spluttering [BNC].*
10. *Some of them had plaited scraps of cloth in their long black hair and all wore **beads** around their necks [BNC].*
11. *За никчемную бабушку дали двенадцать лет. Соседи говорили, что она всю жизнь, смолоду боялась попасть под **колёса** [Токарева 2008: 19].*
12. *Если вы решили путешествовать по Финляндии на **колёсах**, прежде всего надо определиться: делать это на арендованной машине или на своей личной [НКРЯ].*
13. *Хоть и шёл старик аккуратно, но то и дело зыбкость в ногах кидала его по сторонам и могла швырнуть под **колёса** [НКРЯ].*
14. *Полный комплект. Работа любимая. Нервная, но любимая. Квартира хорошая – кухня десять метров. Машина. Пусть «Жигули», но свои **колёса** [Метлицкая 2012: 74].*

Проанализируем содержание концептов, передаваемых исходными формами единственного числа существительных **bead** и **колесо**. Существительное **bead** имеет следующее словарное толкование: «a small piece of hard material with a hole through it used for putting together with others on a string, or for sewing onto material» [Hornby 1995: 89]. Существительное **колесо** имеет словарную дефиницию «круг, вращающийся на оси и

служащий для приведения в движение повозки или механизма» [Ожегов 1986: 775]. Данные словарные толкования позволяют говорить о наличии в содержании концептов, вербализуемых существительными **bead** и **колесо**, такой концептуальной характеристики, как «часть (деталь) предмета».

Словарное толкование лексикализованной формы множественного числа **beads** следующее: «a string of beads worn around the neck» [Hornby 1995: 89]. Лексикализованная форма множественного числа **колёса** имеет словарную дефиницию «автомобиль» [Ожегов 1986: 775]. Приведённые толкования указывают на наличие в содержании концептов, репрезентируемых лексикализованными формами множественного числа **beads** и **колёса**, концептуальной характеристики «предмет». В данном случае речь идёт о предмете, состоящем из множества частей (деталей). Формирование смыслов, передаваемых лексикализованными формами множественного числа **beads** и **колёса**, проходит несколько этапов.

На начальном этапе в процессе морфологической репрезентации формируется смысл «дискретная множественность», передаваемый обычными формами множественного числа **beads** и **колёса**. Семантику данных форм определяет морфологически передаваемый концепт ЧИСЛО, в содержании которого присутствует концептуальная характеристика «множество» и концептуальная характеристика «часть (деталь) предмета», наследуемая от концептов, репрезентируемых исходными формами единственного числа **bead** и **колесо**.

На следующем этапе в ходе концептуальной деривации в содержании концептов, передаваемых обычными формами множественного числа **beads** и **колёса**, активизируется концептуальная характеристика «часть (деталь) предмета», наследуемая от исходных концептов, вербализуемых формами единственного числа **bead** и **колесо**. Далее активизировавшаяся концептуальная характеристика «часть (деталь) предмета» профилируется, попадает в фокус внимания. В результате действия когнитивного механизма метонимии активизировавшаяся и спрофилированная концептуальная

характеристика «часть (деталь) предмета» замещается смежной концептуальной характеристикой «предмет». Конфигурирование концептуального содержания на основе сочетания замещающей концептуальной характеристики «предмет» и характеристики «множество» приводит к образованию производных концептов новой конфигурации. Данные концепты определяют семантику лексикализованных форм множественного числа **beads** и **колёса**.

Формирование новых смыслов «бусы (украшение)» и «автомобиль», передаваемых лексикализованными формами множественного числа **beads** и **колёса**, происходит на уровне предложения-высказывания в ходе идентифицирующей интерпретации при участии контекстуального фактора.

Данный фактор предполагает сочетание лексикализованной формы множественного числа **beads**, выполняющей функцию прямого дополнения, с различными видо-временными формами переходного глагола соответствующей лексической семантики *wear* (to have something on one's body, especially as clothing, as an ornament, etc.) в функции сказуемого. Кроме того, обстоятельства места, выраженные словосочетаниями *round her neck*, *round their necks* и *around their necks*, транслируют информацию о местонахождении предмета (на шее), в результате чего смысл, передаваемый лексикализованной формой множественного числа **beads**, в примерах 7-10 интерпретируется как «надеваемое на шею украшение (бусы)».

В примерах 11, 13 формирование интерпретирующего смысла «автомобиль» происходит под влиянием контекстуального фактора за счёт сочетания существительного **колёса** с пространственным предлогом *под* в составе обстоятельств *под колёса*, поясняющих составные глагольные сказуемые *боялась попасть* и *могла швырнуть*. Использование пространственного предлога *на* с лексикализованной формой множественного числа **колёса** в примере 12 указывает на концептуально-тематическую область «средство передвижения». Кроме того, в примерах 12, 14 действует механизм прямой номинации (*на колёсах* – *на арендованной*

машине или на своей личной, *колёса* – машина «Жигули»), за счёт чего происходит интерпретация смысла «автомобиль», передаваемого лексикализованной формой множественного числа *колёса*.

В результате концептуальной деривации лексикализованные формы множественного числа существительных *beads* и *колёса* фиксируют новый фрагмент знания о единичных предметах, состоящих из множества деталей, в определённой конфигурации. Данная конфигурация закрепляется в системе языка за формами множественного числа *beads* и *колёса* как их вторичное лексикализованное значение. Лексикализованная форма множественного числа *beads* в процессе идентифицирующей интерпретации получает значение предмета, состоящего из множества бусин (бусы), а лексикализованная форма множественного числа *колёса* обозначает предмет (автомобиль), в составе которого присутствуют четыре колеса, обеспечивающие его основную функцию – движение.

1.1.2. Модель «атрибут действия – действие»

Когнитивная метонимическая модель «атрибут действия – действие» служит основой формирования значений лексикализованных форм множественного числа существительных конкретной семантики типа: *card – cards, dart – darts, firework – fireworks, hurdle – hurdles* (в английском языке); *карта – карты, снежок – снежки* (в русском языке). Исходные формы единственного числа существительных этой группы обозначают явления или предметы реальной действительности, используемые в качестве неотъемлемой принадлежности в играх, спортивных соревнованиях, развлечениях. Семантика таких существительных предполагает образование форм множественного числа со значением простого множества подобных предметов. Например:

1. *To progress to the next hole, the player must land three **darts** in that particular number, doubles and trebles counting as two and three respectively* [BNC].
2. *Вскоре на столе перед Психологом остались четыре **карты**: туз, тройка, пятёрка, семёрка* [НКРЯ].

В приведённых примерах формы множественного числа существительных **darts** и **карты** обозначают простое множество подобных предметов – «множество дротиков» и «множество карт», на что указывает их употребление с количественными числительными *three **darts**, четыре **карты***.

Но при употреблении в определённых контекстах формы множественного числа указанных существительных получают новое лексическое значение, отличное от значения простого множества подобных предметов, т.е. подвергаются лексикализации.

Рассмотрим подробнее процесс формирования значения лексикализованных форм множественного числа имён существительных **darts** и **карты**, образованных по когнитивной метонимической модели «атрибут действия – действие». Данные существительные позволяют наиболее наглядно продемонстрировать действие контекстуального фактора. Обратимся к следующим примерам:

3. *Soon Gabrielle learned to leave him alone in his despair, and he spent more time playing **darts** and billiards at a Battersea pub* [BNC].
4. *Robert was the only patient in the hospital at the time, and used to play **darts** and other games with the Matron* [BNC].
5. *The competition involved pupils from schools throughout the area competing in **darts**, dominoes, draughts, chess and table tennis* [BNC].
6. *Рядом с голой головой его лицо казалось неправдашним, нарисованным, будто своё Илья продал или проиграл в **карты** чужому человеку* [Распутин 2011: 39].
7. *На этих вечеринках хозяйка и гости не играли в **карты** и не танцевали, а развлекали себя разными художествами* [Чехов 1964: 182].

8. *Громко крича, играли в карты таксисты; один из бомжей – видимо, профессионал – приволок две пустые драные сумки и лёг на них, с аристократической аккуратностью вытянув на себе ветхое грязное полотенце* [Рубина 2012: 202].

Проанализируем содержание концептов, вербализуемых исходными формами единственного числа **dart** и **карта**. Форма единственного числа **dart** имеет следующее словарное толкование: «a small pointed missile, often with feathers to help it fly, used as a weapon or in the game of darts» [Hornby 1995: 294]. Концепт, определяющий семантику данной формы, обладает концептуальными характеристиками «атрибут действия» (метательный снаряд), «качество» (имеющий перья, летающий), «функция» (используемый в качестве оружия или в игре в дарты). Словарная дефиниция формы единственного числа **карта** следующая: «один из составляющих игральную колоду плотных листков, различающихся по изображённым на них фигурам или очкам и по четырём мастям» [Ожегов 1986: 231]. Данное словарное толкование позволяет говорить о наличии в содержании концепта, репрезентируемого существительным **карта**, концептуальных характеристик «атрибут действия» (листок бумаги), «качество» (плотный), «функция» (используемый в игре в карты).

Лексикализованная форма множественного числа **darts** имеет дефиницию «a game in which darts are thrown at a target marked with numbers for scoring» [Hornby 1995: 294]. Концепт, лежащий в основе значения данной формы, имеет следующие концептуальные характеристики: «действие» (игра), «участники действия» (люди), «атрибут действия» (метательный снаряд). Лексикализованная форма множественного числа **карты** имеет толкование «игра при помощи колоды таких листков» [Ожегов 1986: 231]. Данная дефиниция позволяет говорить о наличии в содержании концепта, передаваемого лексикализованной формой множественного числа **карты**, концептуальных характеристик «действие» (игра), «участники действия» (люди), «атрибут действия» (плотный листок бумаги). Формирование

смыслов, передаваемых лексикализованными формами множественного числа **darts** и **карты**, проходит несколько этапов.

На первом этапе в процессе морфологической репрезентации формируется смысл «дискретная множественность», передаваемый обычными формами множественного числа **darts** и **карты**. Семантику данных форм определяет морфологически передаваемый концепт ЧИСЛО, в содержании которого присутствует концептуальная характеристика «множество» и концептуальные характеристики «атрибут действия», «качество», «функция», наследуемые от концептов, репрезентируемых исходными формами единственного числа **dart** и **карта**.

На следующем этапе в ходе концептуальной деривации в содержании концептов, передаваемых обычными формами множественного числа **darts** и **карты**, активизируется концептуальная характеристика «атрибут действия», наследуемая от исходных концептов, вербализуемых формами единственного числа **dart** и **карта**. Затем активизировавшаяся концептуальная характеристика «атрибут действия» профилируется, попадает в фокус внимания. В результате действия когнитивного механизма метонимии активизировавшаяся и спрофилированная концептуальная характеристика «атрибут действия» замещается смежной концептуальной характеристикой «действие». Конфигурирование концептуального содержания на основе сочетания замещающей концептуальной характеристики «действие» и характеристики «множество» приводит к образованию производных концептов особой конфигурации. Данные концепты определяют семантику лексикализованных форм множественного числа **darts** и **карты**.

На финальном этапе в содержании производных концептов, лежащих в основе семантики лексикализованных форм **darts** и **карты**, происходит дефокусирование, т.е. выведение из фокуса внимания концептуальной характеристики «множество». В результате лексикализации формы множественного числа конкретных существительных **darts** и **карты**

утрачивают значение числа и приобретают характеристики абстрактных существительных, что свидетельствует о перекатегоризации анализируемых имён существительных.

Формирование новых смыслов «игра в дарты» и «игра в карты», передаваемых лексикализованными формами множественного числа **darts** и **карты**, происходит на уровне предложения-высказывания в ходе идентифицирующей интерпретации под влиянием контекстуального фактора.

В качестве средств ближайшего контекста, способствующих формированию смысла «игра в дарты», в примерах 3 и 4 выступают неличные формы глагола соответствующей семантики *play* (причастие I *playing* и инфинитив *to play*), используемые с лексикализованной формой **darts**. Кроме того, в примере 3 существительное **darts** выполняет функцию однородного дополнения, соединённого сочинительным союзом *and* с существительным *billiards*, что указывает на виды игр – игру в дарты и бильярд. В примере 4 дополнительно действует механизм прямой номинации (*darts – games*).

Формирование смысла «игра в дарты», передаваемого формой множественного числа **darts**, в примере 5 происходит благодаря использованию причастия I *competing* соответствующей лексической семантики (*compete – try to win something by defeating others who are trying to do the same*) и предлога *in*. Однородные члены предложения, выраженные существительными, номинирующими другие виды игр (*dominoes, draughts, chess and table tennis*), также указывают на то, что речь в данном случае идёт об игре (игре в дарты).

В примерах 6, 7, 8 лексикализованная форма **карты** употребляется с предлогом *в* и глаголами соответствующей лексической семантики *проиграл, не играли, играли*, в результате чего возможна интерпретация смысла «игра в карты».

Результатом концептуальной деривации являются новые структуры знания о разновидностях игр как действий, предполагающих наличие

соответствующих атрибутов, фиксируемые лексикализованными формами множественного числа **darts** и **карты** в определённой концептуальной проекции.

1.1.3. Модель «содержимое – вместилище (контейнер)»

Когнитивная метонимическая модель «содержимое – вместилище (контейнер)» служит основой при формировании лексикализованных значений форм множественного числа конкретных имён существительных. Данная модель может быть проиллюстрирована следующими примерами: *trunk* – *trunks* в английском языке, *ползунок* – *ползунки* в русском языке. Исходные формы единственного числа указанных существительных обозначают человека (*ползунок*) и части его тела (*trunk*). Такие существительные образуют формы множественного числа со значением простого множества идентичных объектов, например:

1. *Several human limbs, heads and **trunks** lay scattered over a wide area; other human remains, accompanied by tattered shreds of uniform, hung grotesquely from the remaining tree branches* [BNC].
2. ***Ползунки** и те, взволнованные собранием, задирали головы и застывали* [НКРЯ].

Однако в процессе дискурсивной деятельности формы множественного числа **trunks** и **ползунки** могут получать самостоятельное лексическое значение, отличное от значения простого множества идентичных объектов, то есть подвергаться лексикализации.

Рассмотрим процесс формирования значения лексикализованных форм множественного числа имён существительных **trunks** и **ползунки**, относящихся к этой группе, на конкретных примерах:

3. *Stanford Blatch is sitting out by the pool in a paisley Armani cabana suit. A short-sleeved jacket and tight-fitting **trunks**. He's on the phone again to Robert Morriskin* [Bushnell 2008: 118].

4. *He was in bathing **trunks**, more tanned than he was in real life, his body glistening with suntan oil, and she was aware that she, although she dared not picture herself, was in a bikini [BNC].*
5. *И никто не страдал оттого, что коляски у всех были одинаково оранжевые, **ползунки** – голубые, махровые, погремушки – с одинаковыми трёхцветными бубенчиками [НКРЯ].*
6. *А я стирала **ползунки** и радовалась: вот вырастет глубокий, цельный человек [НКРЯ].*

Проанализируем содержание концептов, передаваемых формами единственного числа существительных **trunk** и **ползунки**. Исходная форма единственного числа **trunk** имеет дефиницию «the main part of the human body apart from the head, arms and legs» [Hornby 1995: 1281]. Толкование исходной формы единственного числа **ползунки** следующее: «ребёнок (или детёныш), который ещё не умеет ходить, а только ползает» [Ожегов 1986: 477]. Данные словарные толкования позволяют говорить о наличии в содержании концептов, вербализуемых существительными **trunk** и **ползунки**, общей концептуальной характеристики «содержимое» (тело человека, которое обычно покрывают одеждой).

Лексикализованная форма множественного числа **trunks** имеет следующее толкование: «shorts worn by men or boys for swimming, boxing, etc.» [Hornby 1995: 1281]. Дефиниция лексикализованной формы множественного числа **ползунки** – «специальный костюм для детей, которые ещё не умеют ходить, а только ползают» [Ожегов 1986: 477]. Данные словарные толкования указывают на наличие в содержании концептов, определяющих семантику лексикализованных форм множественного числа **trunks** и **ползунки**, общей концептуальной характеристики «вместилище (контейнер)» (одежда, которой обычно покрывают тело человека). Формирование смыслов, передаваемых лексикализованными формами множественного числа **trunks** и **ползунки**, происходит следующим образом.

На начальном этапе в процессе морфологической репрезентации формируется смысл «дискретная множественность», передаваемый обычными формами множественного числа **trunks** и **ползунки**. Семантику данных форм определяет морфологически передаваемый концепт ЧИСЛО, в содержании которого присутствует концептуальная характеристика «множество» и концептуальная характеристика «содержимое», наследуемая от концептов, репрезентируемых исходными формами единственного числа **trunk** и **ползенок**.

На следующем этапе в ходе концептуальной деривации в содержании концептов, передаваемых обычными формами множественного числа **trunks** и **ползунки**, активизируется концептуальная характеристика «содержимое», наследуемая от исходных концептов, вербализуемых формами единственного числа **trunk** и **ползенок**. Далее активизировавшаяся концептуальная характеристика «содержимое» профилируется, попадает в фокус внимания. В результате действия когнитивного механизма метонимии активизировавшаяся и спрофилированная концептуальная характеристика «содержимое» замещается смежной концептуальной характеристикой «вместилище (контейнер)». Конфигурирование концептуального содержания на основе сочетания замещающей концептуальной характеристики «вместилище (контейнер)» и характеристики «множество» приводит к образованию производных концептов новой конфигурации. Данные концепты определяют семантику лексикализованных форм множественного числа **trunks** и **ползунки**.

Формирование новых смыслов «спортивные трусы, плавки» и «специальный детский костюм», передаваемых лексикализованными формами множественного числа **trunks** и **ползунки**, происходит на уровне предложения-высказывания в ходе идентифицирующей интерпретации под влиянием контекстуального фактора.

Интерпретация смыслов «спортивные трусы, плавки» и «специальный детский костюм» осуществляется за счёт различных средств контекста. В

примере 3 смысл «спортивные трусы, плавки», передаваемый лексикализованной формой множественного числа **trunks**, получает интерпретацию благодаря действию механизма прямой номинации (*a cabana suit – a jacket and trunks*) и использованию препозитивного определения, выраженного прилагательным соответствующей семантики *tight-fitting* ((of a garment) fitting close to and showing the contours of the body).

В примере 4 использование предлога *in*, одним из значений которого является указание на одежду, а также препозитивное определение, выраженное существительным *bathing*, подтверждают, что в данном случае речь идёт о плавках.

Интерпретация смысла «специальный детский костюм» в примере 5 происходит благодаря использованию в качестве именной части составного именного сказуемого прилагательных *голубые, махровые*, семантика которых в данном случае указывает на цвет и качество ткани, из которой изготовлена детская одежда (ползунки). Кроме того, существительные *коляски* и *погремушки*, являющиеся однородными подлежащими, как и лексикализованная форма множественного числа **ползунки**, номинируют предметы, предназначенные для ухода за маленькими детьми.

В примере 6 лексикализованная форма множественного числа **ползунки**, выполняющая синтаксическую функцию прямого дополнения, сочетается с переходным глаголом соответствующей лексической семантики *стирала* (стирать – мыть (одежду, изделия из ткани)) в функции сказуемого, что позволяет заключить, что имеется в виду детская одежда.

Как видно из анализа, лексикализованные формы **trunks** и **ползунки** передают смысл «партитивная множественность», обозначая единичный предмет, состоящий из двух частей, то есть предмет парного состава. При этом значение множественности сохраняется, но множественность подразумевает не множество предметов, а множество частей данного предмета.

В результате концептуальной деривации происходит фиксация лексикализованными формами множественного числа **trunks** и **ползунки** нового фрагмента знания в определённой конфигурации, а именно знания о предмете одежды, состоящем из двух частей. Как следствие, наблюдается увеличение денотативного потенциала данных форм, и они начинают обозначать новый класс объектов: спортивные плавки (**trunks**) и специальный детский костюм (**ползунки**).

1.1.4. Модель «результат – действие»

Когнитивная метонимическая модель «результат – действие» служит основой при формировании лексикализованных значений форм множественного числа конкретных существительных в русском языке. К данной модели относятся следующие существительные: *заработок – заработки, этюд – этюды*. Исходные формы единственного числа существительных *заработок* и *этюд* обозначают результат деятельности человека. Как правило, при употреблении в форме множественного числа указанные существительные обозначают простое множество подобных предметов, что подтверждается примерами, в которых формы множественного числа *заработки* и *этюды* сочетаются с количественными и порядковыми числительными. Например:

1. *Когда-то сыновья, повзрослев, на первые **заработки** купили и подарили отцу приёмник, им тоже казалось, что день-деньской в одиночестве в степи скучно [НКРЯ].*
2. *А между прочим, в продолжение лета мы с Йохимом несколько раз посещали на Крестовском острове старика Кольмана, и под его руководством я сделал три **этюда**: две ели и одну берёзу [НКРЯ].*
3. *После этой сделки клиент уступил Касторскому за бесценок два **этюда** Родченко и одну совершенно прелестную картину кисти Борисова-Мусатова [НКРЯ].*

Однако в процессе коммуникации формы множественного числа *заработки* и *этюды* получают самостоятельное лексическое значение, отличное от значения простого множества подобных предметов, т.е. подвергаются лексикализации.

Рассмотрим процесс формирования значения лексикализованных форм множественного числа имён существительных *этюды* и *заработки*, образованных по когнитивной метонимической модели «результат – действие», на конкретных примерах:

4. *Однажды, прокрутившись на базаре часа три, Верка заработала почти целый рубль и немедленно ринулась к старухе-старьевщице... Та сидела на своём брезентовом складном стуле (позже, когда Вера стала выезжать на этюды, она купила себе такой в художественном салоне), гоняла мух и, подпирая обеими ладонями свой толстый живот, лениво оглядывала базарную площадь перед собой [Рубина 2012а: 293-294].*
5. *В то лето мы приехали на этюды – рисовать передовиков сельского хозяйства [НКРЯ].*
6. *Я обещала тебе наброски Стамбула, да никак не соберусь, весь день занята, работаю у Гордеева, он рисует меня, или ездим на этюды [НКРЯ].*
7. *Хорошо ещё, что дома он находился мало: то уходил на охоту, то уезжал на заработки, то на зиму устраивался возить из города в сельпо грузы, а тогда, до войны, их возили на конях, ездили подолгу [Распутин 2011: 157].*
8. *Он и пришёл переполненный, а на платформе в Харькове осадил его новая несметная орда ехавших на юг на заработки, со всеми своими мешками, котомками и привязанными к ним лаптями и онучами, с чайниками и вонючими съестными запасами: ржавыми таранками, печёными яйцами [Бунин 1988: 150].*

9. *Деревня заперла свои хаты и вышла двумя отрядами на большак – один отряд пошёл побираться к Киеву, другой – на Луганск на **заработки**; некоторые же повернули в лес и в заросшие балки, стали есть сырую траву, глину и кору и одичали* [Платонов 1988: 24].

Проанализируем содержание концептов, передаваемых исходными формами единственного числа **этюд** и **заработок**. Форма единственного числа **этюд** имеет следующее словарное толкование: «рисунок, картина или скульптура, выполненные с натуры и обычно представляющие собой часть будущего произведения» [Ожегов 1986: 792]. Данное толкование позволяет говорить о наличии в содержании концепта, передаваемого данной формой, концептуальной характеристики «результат действия» (рисования). Форма единственного числа **заработок** имеет словарную дефиницию «плата за работу» [Ожегов 1986: 188]. Данное толкование позволяет говорить о наличии в содержании концепта, вербализуемого формой единственного числа **заработок**, концептуальной характеристики «результат действия» (работы).

Лексикализованная форма множественного числа **этюды** имеет дефиницию «рисование, писание красками с натуры для упражнения, заготовки эскизов» [Ожегов 1986: 792]. Таким образом, концепт, определяющий семантику лексикализованной формы множественного числа **этюды**, обладает концептуальной характеристикой «действие» (рисование). Толкование лексикализованной формы множественного числа **заработки** следующее: «работа по найму, обычно временная, вне места постоянного жительства» [Ожегов 1986: 188]. Следовательно, концепт, определяющий семантику лексикализованной формы множественного числа **заработки**, обладает концептуальной характеристикой «действие» (работа). Процесс формирования смыслов, передаваемых лексикализованными формами множественного числа **этюды** и **заработки**, проходит несколько этапов.

На первом этапе в процессе морфологической репрезентации формируется смысл «множественность», передаваемый обычными формами

множественного числа **этюды** и **заработки**. Семантику данных форм определяет морфологически передаваемый концепт ЧИСЛО, в содержании которого присутствует концептуальная характеристика «множество» и концептуальная характеристика «результат действия», наследуемая от концептов, репрезентируемых исходными формами единственного числа **этиод** и **заработок**.

На следующем этапе в ходе концептуальной деривации в содержании концептов, передаваемых обычными формами множественного числа **этюды** и **заработки**, активизируется концептуальная характеристика «результат действия», наследуемая от исходных концептов, вербализуемых формами единственного числа **этиод** и **заработок**. Затем активизировавшаяся концептуальная характеристика «результат действия» профилируется, попадает в фокус внимания. В результате действия когнитивного механизма метонимии активизировавшаяся и спрофилированная концептуальная характеристика «результат действия» замещается смежной концептуальной характеристикой «действие». Конфигурирование концептуального содержания на основе сочетания замещающей концептуальной характеристики «действие» и характеристики «множество» приводит к образованию производных концептов особой конфигурации. Данные концепты определяют семантику лексикализованных форм множественного числа **этюды** и **заработки**.

На финальном этапе в содержании производных концептов, лежащих в основе семантики лексикализованных форм множественного числа существительных **этюды** и **заработки**, происходит дефокусирование, т.е. выведение из фокуса внимания концептуальной характеристики «множество». В результате лексикализации формы множественного числа конкретных существительных **этюды** и **заработки**, образованные по метонимической модели «результат – действие», утрачивают значение числа и приобретают признаки абстрактных существительных, что свидетельствует о перекатегоризации данных существительных.

Формирование новых смыслов «рисование» и «работа по найму», передаваемых лексикализованными формами множественного числа **этюды** и **зарботки**, происходит на уровне предложения-высказывания в ходе идентифицирующей интерпретации при участии контекстуального фактора.

Интерпретация смыслов «рисование» и «работа по найму» в примерах 4-9 происходит под влиянием контекстуального фактора за счёт использования различных форм глаголов движения или форм, образованных от глаголов движения (*выезжать, приехали, едем, уезжал, ехавших, пошёл*), и предлога *на* с формами множественного числа **этюды** и **зарботки**. В примере 5 смысл «рисование» формируется за счёт механизма прямой номинации (*приехали на **этюды** – рисовать*).

В результате концептуальной деривации лексикализованные формы множественного числа существительных **этюды** и **зарботки** фиксируют новый фрагмент знания в определённой конфигурации, а именно знания о выполняемом человеком действии, имеющем материальный результат. Данная конфигурация закрепляется в системе языка за формами множественного числа **этюды** и **зарботки** как их вторичное лексикализованное значение. Лексикализованная форма множественного числа **этюды** получает значение творческой деятельности человека, а лексикализованная форма множественного числа **зарботки** обозначает физическую деятельность, как правило, не требующую особой квалификации.

1.2. Идентифицирующие метонимические модели лексикализации форм множественного числа абстрактных и вещественных имён существительных

В ходе анализа фактического материала было установлено, что лексикализация форм множественного числа английских и русских абстрактных и вещественных имён существительных осуществляется по

следующим когнитивным метонимическим моделям: «материал – изделие из этого материала», «действие – событие», «качество – предмет», «действие – результат», «качество – лицо», «следствие – причина», «погодное явление – период времени», «вещество – пространство», «чувство – способ выражения чувства». Перейдём к подробному рассмотрению данных моделей.

1.2.1. Модель «материал – изделие из этого материала»

Когнитивная метонимическая модель «материал – изделие из этого материала» служит основой формирования семантики лексикализованных форм множественного числа вещественных существительных и может быть проиллюстрирована многими примерами: *cord – cords, corduroy – corduroys, flannel – flannels, iron – irons, leather – leathers, nylon – nylons, oilskin – oilskins, Polaroid – Polaroids, silk – silks, tweed – tweeds* (в английском языке); *бобёр – бобры, лосина – лосины, мех – меха, соболь – соболя, шёлк – шелка* (в русском языке).

Исходные формы единственного числа существительных этой группы обозначают однородные материалы, которые делятся на части, сохраняющие свойства целого, и которые можно не считать, а измерять. Отличительным грамматическим признаком существительных данного типа является то, что они не допускают счёта и не сочетаются с количественными числительными. Но в процессе дискурсивной деятельности существительные, обозначающие материалы, могут употребляться в форме множественного числа, обозначая не простое множество подобных предметов как в случае предметных существительных, а изделие, изготовленное из определённого материала.

Рассмотрим подробнее процесс формирования значения лексикализованных форм множественного числа имён существительных **tweeds** и **шелка**, образованных по когнитивной метонимической модели «материал – изделие из этого материала». Контексты употребления

указанных существительных наиболее вариативны. Обратимся к конкретным примерам:

1. *On Saturdays and Sundays she grew more sanguine, but the mood was dispersed on Monday morning with the prospect of enduring that place for another week right through till Friday when all the managers wore **tweeds*** [BNC].
2. *He wore casual country **tweeds** and checked shirt which was unusual on Old Year's Night* [BNC].
3. *Instead he was in **tweeds** and brogues, his idea of a country outfit* [BNC].
4. *Тётя Броня говорила: «Когда у тебя в шкафу одни вечерние **шелка**, всё отдашь за фланелевый халатик»* [НКРЯ].
5. *Явной слабостью её была только хорошая одежда, бархат, **шелка**, дорогой мех* [Бунин 1988: 461].
6. *Они выходят на охоту друг за другом, одетые в цветные **шелка*** [НКРЯ].
7. *Только в замке печали принцессы одеты в **шелка*** [НКРЯ].

Проанализируем содержание концептов, определяющих семантику исходных форм единственного числа существительных **tweed** и **шёлк**. Существительное **tweed** имеет следующее словарное толкование: «woolen cloth with a rough surface, often woven with mixed colours» [Hornby 1995: 1287]. Исходная форма единственного числа **шёлк** имеет дефиницию «нити, изготавливаемые из выделений гусеницы шелкопряда; ткань из таких нитей, а также из искусственного, синтетического волокна» [Ожегов 1986: 775]. Данные словарные толкования позволяют говорить о наличии в содержании концептов, вербализуемых существительными **tweed** и **шёлк**, концептуальной характеристики «материал» (ткань).

Словарное толкование лексикализованной формы множественного числа **tweeds** следующее: «clothes made of tweed» [Hornby 1995: 1287]. Лексикализованная форма множественного числа **шелка** имеет словарную дефиницию «одежда из шёлка» [Ожегов 1986: 775]. Данные толкования

говорят о наличии в содержании концептов, репрезентируемых лексикализованными формами множественного числа **tweeds** и **шелка**, концептуальной характеристики «изделие из материала» (одежда из ткани). Процесс формирования смыслов, передаваемых лексикализованными формами множественного числа **tweeds** и **шелка**, можно условно разделить на следующие этапы.

На начальном этапе концептуальной деривации, осуществляющейся параллельно с морфологической репрезентацией, приводящей к формированию смысла «множественность», в основе которого лежит морфологически передаваемый концепт ЧИСЛО, происходит активизация концептуальной характеристики «материал» в содержании исходных концептов, вербализуемых формами единственного числа **tweed** и **шёлк**. На следующем этапе концептуальной деривации активизировавшаяся концептуальная характеристика «материал» профилируется, попадает в фокус внимания.

Далее в результате действия когнитивного механизма метонимии активизировавшаяся и спрофилированная концептуальная характеристика «материал» замещается смежной концептуальной характеристикой «изделие из материала». Конфигурирование концептуального содержания на основе сочетания замещающей концептуальной характеристики «изделие из материала» и концептуальной характеристики «множество» морфологически передаваемого концепта ЧИСЛО приводит к образованию производных концептов соответствующей конфигурации. Данные концепты определяют семантику лексикализованных форм множественного числа **tweeds** и **шелка**.

Формирование новых смыслов «одежда из твида» и «одежда из шёлка», передаваемых лексикализованными формами множественного числа **tweeds** и **шелка**, происходит на уровне предложения-высказывания в ходе идентифицирующей интерпретации при участии контекстуального фактора.

Интерпретация смысла «одежда из твида» в примерах 1, 2 происходит под влиянием контекстуального фактора за счёт сочетания

лексикализованной формы множественного числа **tweeds**, выполняющей синтаксическую функцию прямого дополнения, с переходным глаголом соответствующей лексической семантики *wore* (to wear – to have something on one's body, especially as clothing, as an ornament, etc.), выполняющим синтаксическую функцию сказуемого.

В примерах 3 и 5 смыслы, передаваемые лексикализованными формами множественного числа **tweeds** и **шелка**, интерпретируются как «одежда из твида» и «одежда из шёлка» благодаря действию механизма прямой номинации (*tweeds and brogues – a country outfit, хорошая одежда – шелка*).

В примере 4 препозитивное определение, выраженное прилагательным *вечерние*, указывает на одежду (вечерняя – выходная, нарядная).

Формирование интерпретирующего смысла «одежда из шёлка» в примерах 6, 7 произошло за счёт ближайшего контекста – использования причастий *одетые, одеты* соответствующей семантики (одетый – имеющий на себе одежду) и предлога *в* с лексикализованной формой множественного числа **шелка**.

Как видно из анализа, лексикализованные формы множественного числа **tweeds** и **шелка** уже нельзя отнести к вещественным существительным, указывающим на вещество или материал. Они приобретают статус собирательных существительных, обозначая совокупность предметов как неделимое целое, что позволяет говорить о перекатегоризации существительных **tweeds** и **шелка**.

В результате концептуальной деривации лексикализованные формы множественного числа существительных **tweeds** и **шелка** фиксируют новый фрагмент знания об одежде из конкретного материала в определённой конфигурации. Данная конфигурация закрепляется в системе языка за формами множественного числа **tweeds** и **шелка** как их лексикализованное значение.

1.2.2. Модель «действие – событие»

Когнитивная метонимическая модель «действие – событие» служит основой при формировании значений лексикализованных форм множественного числа абстрактных существительных. Данная модель может быть проиллюстрирована следующими примерами: *excavation – excavations, game – games, manoeuvre – manoeuvres, prayer – prayers, race – races, study – studies, talk – talks, travel – travels, work – works* (в английском языке); *бег – бега, выбор – выборы, гонка – гонки, манёвр – манёвры, работа – работы, раскопка – раскопки, сбор – сборы, стрельба – стрельбы, танец – танцы, чтение – чтения* (в русском языке).

Исходные формы единственного числа указанных существительных обозначают отвлечённое понятие – действие. Семантика абстрактных существительных, как известно, не допускает представления о счёте, поэтому, как правило, они употребляются только в единственном числе. Но в определённых контекстах существительные данной группы могут употребляться в форме множественного числа, обозначая определённое событие как важное явление общественной или личной жизни.

Рассмотрим подробнее процесс формирования значения лексикализованных форм множественного числа имён существительных **talks** и **гонки**, образованных по когнитивной метонимической модели «действие – событие» и демонстрирующих наиболее вариативные контексты употребления. Обратимся к следующим примерам:

1. *About 50 000 people packed Sofia's Alexander Nevsky Cathedral square yesterday to demand round-table **talks** between the Bulgarian Government and the new opposition grouping, the Union of Democratic Forces, to solve the country's economic and social crisis [BNC].*
2. *The **talks**, held in Washington and originally scheduled for April 2-3, were extended by two further days as the two countries discussed broader issues [BNC].*

3. *Mugabe held **talks** with President Suharto of Indonesia in June 1990* [BNC].
4. *Молчаливый, замкнутый, всё вымещал в мотоциклетных **гонках** и окончательно разбился в то лето, когда Захар с Андрюшей поступали в академию* [Рубина 2012: 334].
5. *В картинге существует два вида соревнований – кольцевые **гонки** и зимние трековые **гонки** по льду* [НКРЯ].
6. *А это не самая опасная профессия. Самое опасное – автомобильные **гонки** и скачки. У космонавтов риск меньше, чем у лётчиков-испытателей* [НКРЯ].

Проанализируем содержание концептов, вербализуемых существительными **talk** и **гонка**. Форма единственного числа существительного **talk** имеет дефиницию «conversation or discussion» [Hornby 1995: 1220]. Форма единственного числа **гонка** имеет следующее толкование: «быстрое движение, езда» [Ожегов 1986: 119]. Данные словарные толкования позволяют говорить о наличии в содержании концептов, передаваемых существительными **talk** и **гонка**, концептуальной характеристики «действие» (езда и разговор (обсуждение)).

Лексикализованная форма множественного числа **talks** имеет дефиницию «formal discussions or negotiations» [Hornby 1995: 1220]. Таким образом, в содержании концепта, репрезентируемого лексикализованной формой множественного числа **talks**, присутствует концептуальная характеристика «событие» (официальная дискуссия или переговоры). Лексикализованная форма множественного числа **гонки** имеет следующее словарное толкование: «состязание в скорости езды на автомобиле, велосипеде и т.п.» [Ожегов 1986: 119]. Следовательно, в содержании концепта, репрезентируемого лексикализованной формой множественного числа **гонки**, присутствует концептуальная характеристика «событие» (состязание в скорости езды на транспортном средстве). Процесс формирования смыслов, передаваемых лексикализованными формами множественного числа **talks** и **гонки**, проходит следующие этапы.

На начальном этапе концептуальной деривации, осуществляющейся параллельно с морфологической репрезентацией, приводящей к формированию смысла «множественность», в основе которого лежит морфологически передаваемый концепт ЧИСЛО, происходит активизация концептуальной характеристики «действие» в содержании исходных концептов, репрезентируемых формами единственного числа **talk** и **гонка**. На следующем этапе концептуальной деривации активизировавшаяся концептуальная характеристика «действие» профилируется, попадает в фокус внимания.

Далее в результате действия когнитивного механизма метонимии активизировавшаяся и спрофилированная концептуальная характеристика «действие» замещается смежной концептуальной характеристикой «событие». Конфигурирование концептуального содержания на основе сочетания замещающей концептуальной характеристики «событие» и концептуальной характеристики «множество» морфологически передаваемого концепта ЧИСЛО приводит к образованию производных концептов особой конфигурации. Данные концепты определяют семантику лексикализованных форм множественного числа **talks** и **гонки**.

На заключительном этапе в содержании производных концептов, лежащих в основе семантики лексикализованных форм множественного числа существительных **talks** и **гонки**, происходит дефокусирование, т.е. выведение из фокуса внимания концептуальной характеристики «множество». В результате лексикализации форм множественного числа указанных существительных утрачивается идея числа.

Формирование новых смыслов «переговоры» и «состяжание в скорости езды на транспортном средстве», передаваемых лексикализованными формами множественного числа **talks** и **гонки**, происходит на уровне предложения-высказывания в ходе идентифицирующей интерпретации при участии контекстуального фактора.

Интерпретация смыслов «переговоры» и «состязание в скорости езды на транспортном средстве» происходит под влиянием различных средств контекста. В примере 1 смысл, передаваемый лексикализованной формой множественного числа **talks**, интерпретируется как «переговоры» за счет использования препозитивного определения, выраженного прилагательным соответствующей семантики *round-table* ((of a meeting, etc.) in which those present have equal status and rights), и словосочетаний *the Bulgarian Government* и *the new opposition grouping*, транслирующих информацию о том, кто именно принимал участие в переговорах – болгарское правительство и новая оппозиционная группировка.

В примерах 2, 3 использование различных форм переходного глагола соответствующей лексической семантики *hold* (to cause a meeting, conference, etc. to happen) позволяет интерпретировать смысл, передаваемый лексикализованной формой множественного числа **talks**, как «переговоры».

В примерах 4, 6 форма множественного числа **гонки** передаёт смысл «состязание в скорости езды», на что указывают препозитивные определения, выраженные прилагательными *мотоциклетных* и *автомобильные*. Данные определения уточняют, какой именно вид транспортного средства был задействован в гонках – мотоциклы и автомобили.

Формирование смысла «состязание в скорости езды», передаваемого лексикализованной формой множественного числа **гонки**, в примере 5 происходит за счёт действия механизма прямой номинации (*два вида соревнований – кольцевые гонки и зимние трековые гонки по льду*).

В результате концептуальной деривации лексикализованные формы множественного числа существительных **talks** и **гонки** фиксируют новый фрагмент знания о конкретном событии, сопровождаемом соответствующим действием, в определённой конфигурации. Данная конфигурация закрепляется в системе языка за формами множественного числа **talks** и **гонки** как их самостоятельное значение.

1.2.3. Модель «качество – предмет»

Когнитивная метонимическая модель «качество – предмет» служит основой при формировании значений лексикализованных форм множественного числа абстрактных существительных. Данная модель представлена такими английскими существительными, как *colour – colours, flat – flats, green – greens, height – heights, latitude – latitudes, scale – scales, shallow – shallows, splendour – splendours, white – whites, wild – wilds*; и русскими существительными *древность – древности, ёмкость – ёмкости, красота – красоты, мощь – мощности, нечистота – нечистоты, прелесть – прелести, сладость – сладости, тяжесть – тяжести, удобство – удобства, ценность – ценности*.

Исходные формы единственного числа существительных данной группы обозначают отвлечённое понятие – качество. Семантика подобных существительных не допускает представления о счёте, поэтому, как правило, они употребляются только в единственном числе. Но в процессе коммуникации вышеназванные абстрактные существительные могут употребляться в форме множественного числа, обозначая при этом конкретные проявления отвлечённых качеств, например, предмет, наделённый качеством.

Контексты употребления английского существительного **greens** и русского существительного **сладости** проявляют наибольшую вариативность, поэтому будет целесообразно рассмотреть процесс формирования значения лексикализованных форм множественного числа, образованных по когнитивной метонимической модели «качество – предмет», на примере существительных **greens** и **сладости**:

1. *That spring when we found a crockersack full of turnip greens, Atticus said Mr. Cunningham had more than paid him [Lee 2010: 27].*

2. *Yellow-green fruit and vegetables such as carrots, apricots and water melon, broccoli and other leafy **greens**, are rich in beta-carotene, which is converted to vitamin A by the body [BNC].*
3. *A salad certainly doesn't have to be made of lettuce; but it should be mainly composed of vegetables or **greens** dressed with a complimentary sauce [BNC].*
4. *Пришли в маленький двор – всего-то три столика. Пахло сахарной пудрой. Заказали кофе и **сладости**. **Сладости** были ещё тёплые [Метлицкая 2012: 60].*
5. *Семипалый открыл шкаф, достал тарелки и какие-то свёртки. – Знаешь, - сказал он, - **сладости** люблю. Даже стыдно – взрослый мужик к конфеткам тянется [Рубина 2012а: 137].*
6. *У меня в ушах всё ещё звучат гнусавые голоса всех этих невидимых исполнителей посвящённых ей серенад, всех этих Самми, и Джо, и Эдди, и Тони, и Пэгги, и Гай, и Рекс, с их модными романсиками, столь же на слух неразличимыми, как неразличимы были на мой вкус разноимённые сорта поглощаемых ею **сладостей** [Набоков 2013: 188].*

Проанализируем содержание концептов, вербализуемых существительными **green** и **сладость**. Исходная форма единственного числа **green** имеет словарную дефиницию «a green colour» [Hornby 1995: 521]. Толкование формы единственного числа **сладость** следующее: «приятный вкус, свойственный сахару или мёду» [Ожегов 1986: 632]. Таким образом, в содержании концептов, определяющих семантику данных форм, присутствует концептуальная характеристика «качество» (зелёный цвет и сладкий вкус).

Лексикализованная форма множественного числа **greens** имеет следующую словарную дефиницию: «green vegetables» [Hornby 1995: 521]. Лексикализованная форма множественного числа **сладости** имеет словарное толкование «кондитерские изделия» [Ожегов 1986: 632]. Данные словарные толкования позволяют говорить о наличии концептуальной характеристики

«предмет, наделённый качеством» (зелёные овощи и сладкие продукты) в содержании концептов, передаваемых лексикализованными формами множественного числа **greens** и **сладости**. Процесс формирования смыслов, передаваемых лексикализованными формами множественного числа **greens** и **сладости**, происходит следующим образом.

На первом этапе концептуальной деривации, осуществляющейся параллельно с морфологической репрезентацией, приводящей к формированию смысла «множественность», в основе которого лежит морфологически передаваемый концепт ЧИСЛО, происходит активизация концептуальной характеристики «качество» в содержании исходных концептов, передаваемых формами единственного числа **green** и **сладость**. На следующем этапе концептуальной деривации активизировавшаяся концептуальная характеристика «качество» профилируется, попадает в фокус внимания.

Далее в результате действия когнитивного механизма метонимии активизировавшаяся и спрофилированная концептуальная характеристика «качество» замещается смежной концептуальной характеристикой «предмет, наделённый качеством». На финальном этапе происходит конфигурирование концептуального содержания на основе сочетания замещающей концептуальной характеристики «предмет, наделённый качеством» и концептуальной характеристики «множество» морфологически передаваемого концепта ЧИСЛО, что приводит к образованию производных концептов соответствующей конфигурации. Данные концепты определяют семантику лексикализованных форм множественного числа **greens** и **сладости**.

Формирование новых смыслов «зелёные овощи» и «сладкие кондитерские изделия», передаваемых лексикализованными формами множественного числа **greens** и **сладости**, происходит на уровне предложения-высказывания в ходе идентифицирующей интерпретации под влиянием контекстуального фактора.

Интерпретация смыслов «зелёные овощи, зелень» и «сладкие кондитерские изделия» происходит под влиянием различных средств контекста. В примере 1 смысл, передаваемый лексикализованной формой множественного числа **greens**, интерпретируется как «зелёные овощи» за счёт употребления препозитивного определения, выраженного существительным *turnip*, указывающим на конкретный вид овоща – репу.

В примерах 2 и 5 используется механизм прямой номинации (*vegetables* – *leafy greens*, *сладости* – *конфетки*).

В результате употребления существительных, указывающих на продукты питания – ингредиенты салата (*lettuce*, *vegetables*), в примере 3 формируется смысл «зелёные овощи, зелень», передаваемый формой множественного числа **greens**.

В примере 4 употребление формы множественного числа **сладости** в функции подлежащего в сочетании с составным именным сказуемым *были тёплые* и в функции прямого дополнения с простым сказуемым, выраженным переходным глаголом *заказали*, указывает не на качество (сладость), а на предмет, обладающий этим качеством (кондитерские изделия, в приготовлении которых используется сахар или мёд, придающие сладость). Кроме того, сказуемое *были тёплые* уточняет, какой именно сорт кондитерских изделий имеется в виду – свежая выпечка.

В примере 6 смысл «кондитерские изделия», передаваемый формой множественного числа **сладости**, формируется за счёт использования препозитивного определения *поглощаемых ею* (съедаемых ею).

Как видно из анализа, лексикализованные формы множественного числа абстрактных существительных **greens** и **сладости**, образованные по метонимической модели «качество – предмет», приобретают характеристики конкретных существительных, что позволяет говорить об их перекатегоризации.

Результатом конфигурирования в процессе концептуальной деривации являются новые структуры знания о предмете, наделенном определённым

качеством, фиксируемые лексикализованными формами множественного числа **greens** и **сладости** в определённой концептуальной проекции.

1.2.4. Модель «действие – результат»

Когнитивная метонимическая модель «действие – результат», служащая основой формирования семантики лексикализованных форм множественного числа абстрактных имён существительных, может быть представлена следующими примерами: *foundation – foundations, manufacture – manufactures, reminiscence – reminiscences, sale – sales, writing – writings* (в английском языке); *воспоминание – воспоминания, выборка – выборки, выкладка – выкладки, зарисовка – зарисовки, копчение – копчения, познание – познания, посадка – посадки* (в русском языке).

Исходные формы единственного числа существительных этой группы обозначают отвлечённое понятие – действие. Семантика существительных данного типа не допускает представления о счёте, поэтому, как правило, они употребляются только в единственном числе. Но в процессе дискурсивной деятельности абстрактные существительные, обозначающие действие, могут употребляться в форме множественного числа, получая значение конкретных проявлений отвлечённых действий, например, результата действия.

Рассмотрим процесс формирования значения лексикализованных форм множественного числа имён существительных **manufactures** и **посадки**, образованных по когнитивной метонимической модели «действие – результат» и позволяющих наиболее наглядно продемонстрировать действие контекстуального фактора. Обратимся к конкретным примерам:

1. *In 1950 the USA produced seven times as many **manufactures** as Germany and over 20 times as many as Japan; in 1953 it exported five times as many **manufactures** as Germany and 17 times as many as Japan [BNC].*
2. *However, the level of total exports and of exports of **manufactures** rose throughout the long boom and the 1970s [BNC].*

3. *British purchases of European **manufactures** and other products were paid for with cash, with British manufactures, and with overseas produce [BNC].*
4. *Зеленела трава, зеленели **посадки** в оголённых ещё огородах, и всё было так углублено в себя, так занято собою, так глубоко погружено в молчаливую творческую думу, что, если бы у травы и деревьев было лицо, все лица были бы обращены к земле, все лица были бы задумчивы и чужды, все уста были бы скованы огромным бездонным молчанием [НКРЯ].*
5. *По мере роста **посадки** необходимо прореживать, причём сначала убирают более крупные и пригодные к употреблению экземпляры, оставляя другим возможность подрасти [НКРЯ].*

Проанализируем содержание концептов, вербализуемых существительными **manufacture** и **посадка**. Форма единственного числа **manufacture** имеет словарное толкование «the activity of manufacturing something» [Hornby 1995: 715]. Дефиниция исходной формы единственного числа **посадка** следующая: «закапывание корнями в землю или сеяние для выращивания» [Ожегов 1986: 489]. Таким образом, концепты, определяющие семантику данных форм единственного числа, обладают концептуальной характеристикой «действие» (производство чего-либо и закапывание (сеяние)).

Лексикализованная форма множественного числа **manufactures** имеет дефиницию «manufactured goods or articles» [Hornby 1995: 715]. Лексикализованная форма множественного числа **посадки** имеет словарное толкование «место, на котором посажены растения, а также сами посаженные растения» [Ожегов 1986: 489]. Данные толкования позволяют говорить о наличии в содержании концептов, передаваемых лексикализованными формами множественного числа **manufactures** и **посадки**, концептуальной характеристики «результат действия» (произведённые товары и посаженные растения). Процесс формирования смыслов, передаваемых

лексикализированными формами множественного числа **manufactures** и **посадки**, происходит следующим образом.

На начальном этапе концептуальной деривации, осуществляющейся параллельно с морфологической репрезентацией, приводящей к формированию смысла «множественность», в основе которого лежит морфологически передаваемый концепт ЧИСЛО, происходит активизация концептуальной характеристики «действие» в содержании исходных концептов, репрезентируемых формами единственного числа **manufacture** и **посадка**. На следующем этапе концептуальной деривации активизировавшаяся концептуальная характеристика «действие» профилируется, попадает в фокус внимания.

Далее в результате действия когнитивного механизма метонимии активизировавшаяся и спрофилированная концептуальная характеристика «действие» замещается смежной концептуальной характеристикой «результат действия». Конфигурирование концептуального содержания на основе сочетания замещающей концептуальной характеристики «результат действия» и концептуальной характеристики «множество» морфологически передаваемого концепта ЧИСЛО приводит к образованию производных концептов определённой конфигурации. Данные концепты определяют семантику лексикализированных форм множественного числа **manufactures** и **посадки**.

Формирование новых смыслов «произведённые товары» и «посаженные растения», передаваемых лексикализированными формами множественного числа **manufactures** и **посадки**, происходит на уровне предложения-высказывания в ходе идентифицирующей интерпретации при участии контекстуального фактора.

Интерпретация смыслов «произведённые товары» и «посаженные растения» происходит под влиянием различных средств контекста. В примере 1 формирование интерпретирующего смысла «произведённые товары» происходит благодаря сочетанию формы множественного числа

manufactures, выполняющей синтаксическую функцию прямого дополнения, с переходным глаголом соответствующей семантики *produced* (to produce – to make or manufacture something, especially in large quantities), выполняющим синтаксическую функцию сказуемого. Таким образом, речь может идти только о произведённых товарах, а не процессе их производства.

Использование лексикализованной формы множественного числа **manufactures** в составе словосочетания *exports of manufactures* в примере 2 служит транслированию смысла «произведённые товары».

В примере 3 смысл «произведённые товары», передаваемый лексикализованной формой множественного числа **manufactures**, формируется при помощи механизма прямой номинации (*manufactures – products*).

В примере 5 лексикализованная форма множественного числа **посадки**, выполняющая синтаксическую функцию прямого дополнения, сочетается с инфинитивом переходного глагола *прореживать* (проредить – прополоть), что указывает на сельскохозяйственные работы, проводимые с посаженными растениями.

В примере 4 форма множественного числа **посадки** является подлежащим, связанным со сказуемым, выраженным непереходным глаголом *зеленели*, т.е. были зелёного цвета, в результате чего формируется смысл «посаженные растения». Кроме того, обстоятельство *в огородах* дополнительно поясняет, в каком именно месте были посажены указанные растения.

Как видно из анализа, лексикализованные формы множественного числа абстрактных существительных **manufactures** и **посадки**, образованные по метонимической модели «действие – результат», приобретают признаки конкретных существительных, что свидетельствует о перекатегоризации данных имён существительных.

Результатом концептуальной деривации являются новые структуры знания о материальном результате действия, фиксируемые

лексикализованными формами множественного числа **manufactures** и **посадки** в определённой концептуальной проекции.

1.2.5. Модель «качество – лицо»

Когнитивная метонимическая модель «качество – лицо» служит основой при формировании лексикализованных значений форм множественного числа английских и русских абстрактных существительных типа: *authority – authorities, власть – власти*. Исходные формы единственного числа существительных этой группы относятся к разряду существительных, обозначающих отвлечённое понятие – качество, и, как правило, употребляются только в единственном числе. Однако, попадая в определённый контекст, данные существительные могут употребляться в форме множественного числа, обозначая конкретные проявления отвлечённых качеств, например, *лицо, обладающее качеством*.

Рассмотрим подробнее процесс формирования значения лексикализованных форм множественного числа имён существительных **authorities** и **власти**, образованных по когнитивной метонимической модели «качество – лицо». Обратимся к следующим примерам:

1. *He had walked ten or eleven of the fourteen miles to Maycomb, off the highway in the scrub bushes lest the **authorities** be seeking him, and had ridden the remainder of the way clinging to the backboard of a cotton wagon [Lee 2010: 187].*
2. *Maradona labelled the **authorities** of the International Federation of Association Football who tried to enforce his suspension “inhuman robots” [BNC].*
3. *Можно даже сказать, что была у Митрофаня настоящая страсть к подобного рода умственной гимнастике, и не раз случалось, что полицейские **власти**, даже из сопредельных губерний, почтительно*

испрашивали у него совета в каком-нибудь запутанном расследовании [Акунин 2012: 19].

4. *Вчера на Всероссийском форуме по малому и среднему предпринимательству **власти** пообещали малому бизнесу беспрецедентные меры поддержки, начиная с налоговых послаблений и максимально открытого доступа к аукционам и заканчивая намерением устранить все административные барьеры* [НКРЯ].

Проанализируем содержание концептов, вербализуемых языковыми единицами **authority** и **власть**. Толкование формы единственного числа **authority** следующее: «the power to give orders and make others obey» [Hornby 1995: 68]. Форма единственного числа **власть** имеет словарную дефиницию «право и возможность распоряжаться кем-нибудь или чем-нибудь, подчинять своей воле» [Ожегов 1986: 74]. Таким образом, концепты, определяющие семантику этих форм, обладают концептуальной характеристикой «качество».

Лексикализованная форма множественного числа **authorities** имеет дефиницию «a person or group having the power to make decisions or take actions» [Hornby 1995: 68]. Толкование лексикализованной формы множественного числа **власти** следующее: «лица, обеспеченные правительственными, административными полномочиями» [Ожегов 1986: 74]. В данных дефинициях отражена концептуальная характеристика «лицо(а), обладающее(ие) качеством». Процесс формирования смыслов, передаваемых лексикализованными формами множественного числа **authorities** и **власти**, происходит следующим образом.

На начальном этапе концептуальной деривации, осуществляющейся параллельно с морфологической репрезентацией, приводящей к формированию смысла «множественность», в основе которого лежит морфологически передаваемый концепт ЧИСЛО, происходит активизация концептуальной характеристики «качество» в содержании исходных концептов, передаваемых формами единственного числа **authority** и **власть**.

На следующем этапе концептуальной деривации активизировавшаяся концептуальная характеристика «качество» профилируется, попадает в фокус внимания.

Далее в результате действия когнитивного механизма метонимии активизировавшаяся и спрофилированная концептуальная характеристика «качество» замещается смежной концептуальной характеристикой «лицо(а), обладающее(ие) качеством». Конфигурирование концептуального содержания на основе сочетания замещающей концептуальной характеристики «лицо(а), обладающее(ие) качеством» и концептуальной характеристики «множество» морфологически передаваемого концепта ЧИСЛО приводит к образованию производных концептов новой конфигурации. Данные концепты определяют семантику лексикализованных форм множественного числа **authorities** и **власти**.

Формирование нового смысла «лицо(а), обладающее(ие) властью», передаваемого лексикализованными формами множественного числа **authorities** и **власти**, происходит на уровне предложения-высказывания в ходе идентифицирующей интерпретации при участии контекстуального фактора.

Интерпретация смысла «лицо(а), обладающее(ие) властью» осуществляется за счёт различных средств контекста. В примере 1 смысл «лицо(а), обладающее(ие) властью» получает интерпретацию за счёт использования инфинитива *be seeking*, указывающего на то, что форма множественного числа существительного **authorities** обозначает одушевлённые объекты.

В примерах 3, 4 лексикализованная форма множественного числа **власти** выполняет функцию подлежащего, а соотносимые с ним сказуемые выражены глаголами *испрашивали* и *пообещали*, что также указывает на то, что существительное **власти** обозначает одушевлённые объекты. Отсюда следует, что речь идёт не о самой власти, а о представителях власти.

В примере 2 интерпретация смысла «лицо(а), обладающее(ие) властью», передаваемого формой множественного числа **authorities**, в данном контексте происходит благодаря использованию союзного слова *who*, вводящего придаточное определительное предложение *who tried to enforce his suspension*.

Как видно из проанализированных контекстов, в результате лексикализации формы множественного числа абстрактных существительных **authorities** и **власти**, образованные по метонимической модели «качество – лицо», приобретают статус конкретных существительных, что позволяет говорить об их перекатегоризации.

Результатом концептуальной деривации являются новые структуры знания о лице или лицах, обладающих качеством (властью), фиксируемые лексикализованными формами множественного числа **authorities** и **власти** в определённой концептуальной проекции.

1.2.6. Модель «следствие – причина»

Когнитивная метонимическая модель «следствие – причина» служит основой при формировании лексикализованных значений форм множественного числа английских и русских абстрактных существительных и может быть проиллюстрирована следующими примерами: *woe – woes*, *благо – блага*, *страх – страхи*, *ужас – ужасы*.

Исходные формы единственного числа существительных этой группы относятся к разряду существительных, обозначающих абстрактные понятия – чувства и состояния. В большинстве случаев данные существительные употребляются только в единственном числе. Но в процессе коммуникации они могут употребляться в форме множественного числа, обозначая события и явления, вызывающие определённые чувства и состояния.

Английское существительное **woes** и русское существительное **ужасы** демонстрируют наиболее разнообразные контексты употребления, поэтому

будет целесообразно рассмотреть процесс формирования семантики лексикализованных форм множественного числа, образованных по когнитивной метонимической модели «следствие – причина», на примере существительных **woes** и **ужасы**:

1. *Any doctor or insurer will tell you that the cause of America's medical **woes** is government procedures and regulations [BNC].*
2. *To win again in 1996 the Clintons must address the country's economic **woes** first [BNC].*
3. *Despite its own financial **woes**, IBM is expected to provide 60 days' redundancy pay for each of the employees [BNC].*
4. *Потому что, когда один хранит, а другой кушает мясную тушёнку, а третий рассказывает про какую-нибудь там деревню на Тамбовщине, про яблоки и пироги, а четвёртый пишет письмо какой-нибудь невесте, а приёмник трещит и мигает индикатор, - кажется, что вот он здесь, весь мир, и никакие нам беды не страшны, разные там атомные **ужасы** и стронций-90 [Аксёнов 2012: 23].*
5. *Верка рассказывала **ужасы**: пришли боевики, пытали, вырывали зубы. Марина слушала и холодела [Токарева 2008: 226].*
6. *Рейчел Зайферт описывает **ужасы** Второй мировой войны с точки зрения рядовых немцев, чьи отцы и деды были нацистами [НКРЯ].*

Проанализируем содержание концептов, передаваемых существительными **woe** и **ужас**, обратившись к их словарным толкованиям. Дефиниция формы единственного числа **woe** следующая: «great sorrow or distress» [Hornby 1995: 1372]. Форма единственного числа **ужас** имеет толкование «чувство сильного страха, доходящее до подавленности, оцепенения» [Ожегов 1986: 718]. Таким образом, в содержании концептов, определяющих семантику данных форм, присутствует концептуальная характеристика «следствие» (чувство страха или печали).

Лексикализованная форма множественного числа **woes** имеет дефиницию «things that cause sorrow or distress» [Hornby 1995: 1372].

Лексикализованная форма множественного числа **ужасы** имеет следующее словарное толкование: «явление, положение, вызывающее такое чувство» [Ожегов 1986: 718]. Данные толкования позволяют говорить о наличии в содержании концептов, вербализуемых лексикализованными формам множественного числа **woes** и **ужасы**, концептуальной характеристики «причина» (явление, положение, вызывающее чувство страха или печали). Процесс формирования смыслов, передаваемых лексикализованными формами множественного числа **woes** и **ужасы**, происходит следующим образом.

На начальном этапе концептуальной деривации, осуществляющейся одновременно с морфологической репрезентацией, приводящей к формированию смысла «множественность», в основе которого лежит морфологически передаваемый концепт ЧИСЛО, происходит активизация концептуальной характеристики «следствие» в содержании исходных концептов, вербализуемых формами единственного числа **woe** и **ужас**. На следующем этапе концептуальной деривации активизировавшаяся концептуальная характеристика «следствие» профилируется, попадает в фокус внимания.

Затем в результате действия когнитивного механизма метонимии активизировавшаяся и спрофилированная концептуальная характеристика «следствие» замещается смежной концептуальной характеристикой «причина». Конфигурирование концептуального содержания на основе сочетания замещающей концептуальной характеристики «причина» и концептуальной характеристики «множество» морфологически передаваемого концепта ЧИСЛО приводит к образованию производных концептов особой конфигурации. Данные концепты определяют семантику лексикализованных форм множественного числа **woes** и **ужасы**.

Формирование нового смысла «событие(я), вызывающее(ие) чувство страха или печали», передаваемого лексикализованными формами множественного числа **woes** и **ужасы**, происходит на уровне предложения-

высказывания в ходе идентифицирующей интерпретации при участии контекстуального фактора.

В примерах 1-3 смысл, передаваемый лексикализованной формой множественного числа **woes**, интерпретируется как «событие(я), вызывающее(ие) чувство страха или печали» за счёт препозитивных определений *medical*, *economic*, *financial*, указывающих на ту сферу деятельности, в которой возникли проблемы – медицину, экономику, финансы.

В примере 4 информация, транслируемая препозитивным определением *атомные* и названием химического элемента *стронций-90*, который попадает в окружающую среду при ядерных взрывах и выбросах с АЭС, отсылает к страшным событиям, происходящим в результате ядерного взрыва. Кроме того, дополнительно действует механизм прямой номинации (*беды – ужасы*), в результате чего происходит интерпретация смысла «событие(я), вызывающее(ие) чувство страха или печали», передаваемого лексикализованной формой множественного числа **ужасы**.

В примере 5 смысл «событие(я), вызывающее(ие) чувство страха или печали», передаваемый лексикализованной формой множественного числа **ужасы**, интерпретируется благодаря второй части предложения *пришли боевики, пытали, вырывали зубы*, разъясняющей и раскрывающей первую часть. Очевидно, что в данном случае речь идёт не о чувстве ужаса, а об ужасных событиях, которые это чувство вызывают.

В примере 6 формирование смысла «событие(я), вызывающее(ие) чувство страха или печали», передаваемого лексикализованной формой множественного числа **ужасы**, происходит за счёт использования постпозитивного определения, выраженного словосочетанием *Второй мировой войны*, указывающим, в какой исторический период имели место данные события.

Результатом конфигурирования в процессе концептуальной деривации является новый фрагмент знания о негативном событии или событиях,

вызывающих у человека соответствующие чувства, фиксируемый лексикализованными формами множественного числа **woes** и **ужасы** в определённой концептуальной проекции. Как следствие лексикализации, формы множественного числа абстрактных существительных **woes** и **ужасы**, образованные по метонимической модели «следствие – причина», получают самостоятельное лексическое значение.

1.2.7. Модель «погодное явление – период времени»

Когнитивная метонимическая модель «погодное явление – период времени» служит основой при формировании значений лексикализованных форм множественного числа абстрактных существительных в английском и русском языках. Данная модель может быть проиллюстрирована следующими примерами: *rain – rains, мороз – морозы, холод – холода*.

Исходные формы единственного числа существительных этой группы относятся к разряду существительных, обозначающих абстрактное понятие – погодное явление. Абстрактные существительные, как правило, употребляются только в единственном числе. Но в процессе дискурсивной деятельности они могут употребляться в форме множественного числа, обозначая конкретные проявления отвлечённых качеств, действий, чувств, состояний и т.д. Так, существительные, обозначающие погодное явление, при употреблении в форме множественного числа могут получать значение периода времени, в течение которого наблюдается данное погодное явление.

Рассмотрим подробнее процесс формирования значения лексикализованных форм множественного числа имён существительных **rains** и **морозы**, образованных по когнитивной метонимической модели «погодное явление – период времени». Обратимся к следующим примерам:

1. *The monsoon rains broke early that year and with exceptional force [BNC].*
2. *We had only three days more because the rains were moving north each day from Rhodesia and unless we were prepared to stay where we were through*

the rains we must be out as far as Handeni before they came [Hemingway 2010: 101].

3. *Once the winter rains have passed, Delhi experiences two months of weather so perfect and blissful that they almost compensate for the climatic extremes of the other ten months of the year* [BNC].
4. *Как назло, через три дня ударили морозы. И конечно, муж поинтересовался, почему Лена не носит шубу* [Метлицкая 2012: 191].
5. *С ноябрьских праздников в Ленинграде установились морозы* [НКРЯ].
6. *К концу января зима всё-таки вступила в свои права – выпал снег, ударили морозы* [НКРЯ].

Проанализируем содержание концептов, передаваемых существительными **rain** и **мороз**, обратившись к их словарным толкованиям. Исходная форма единственного числа существительного **rain** имеет следующее словарное толкование: «water that falls from the clouds in separate drops; a fall of these drops» [Hornby 1995: 959]. Дефиниция исходной формы единственного числа существительного **мороз** следующая: «то же, что холод (низкая температура воздуха)» [Ожегов 1986: 310]. Данные словарные толкования позволяют говорить о наличии в содержании концептов, определяющих семантику существительных **rain** и **мороз**, концептуальной характеристики «погодное явление».

Лексикализованная форма множественного числа **rains** имеет словарную дефиницию «the season of heavy continuous rain in tropical countries» [Hornby 1995: 959]. Лексикализованная форма множественного числа **морозы** имеет толкование «очень холодная погода» [Ожегов 1986: 310]. Данные толкования позволяют говорить о наличии в содержании концептов, вербализуемых лексикализованными формами множественного числа **rains** и **морозы**, концептуальной характеристики «период времени, характеризующийся определённым погодным явлением». Процесс формирования смыслов, передаваемых лексикализованными формами

множественного числа **rains** и **морозы**, можно условно разделить на следующие этапы.

На первом этапе концептуальной деривации, осуществляющейся одновременно с морфологической репрезентацией, приводящей к формированию смысла «множественность», в основе которого лежит морфологически передаваемый концепт ЧИСЛО, происходит активизация концептуальной характеристики «погодное явление» в содержании исходных концептов, передаваемых формами единственного числа **rain** и **мороз**. На следующем этапе концептуальной деривации активизировавшаяся концептуальная характеристика «погодное явление» профилируется, попадает в фокус внимания.

Затем в результате действия когнитивного механизма метонимии активизировавшаяся и спрофилированная концептуальная характеристика «погодное явление» замещается смежной концептуальной характеристикой «период времени». Конфигурирование концептуального содержания на основе сочетания замещающей концептуальной характеристики «период времени» и концептуальной характеристики «множество» морфологически передаваемого концепта ЧИСЛО приводит к образованию производных концептов особой конфигурации. Данные концепты определяют семантику лексикализованных форм множественного числа **rains** и **морозы**.

Формирование новых смыслов «сезон дождей» и «период очень холодной погоды», передаваемых лексикализованными формами множественного числа **rains** и **морозы**, происходит на уровне предложения-высказывания в ходе идентифицирующей интерпретации при участии контекстуального фактора.

Данные смыслы интерпретируются за счёт различных средств контекста. Интерпретация смысла «сезон дождей», передаваемого формой множественного числа **rains**, в примерах 1, 3 происходит благодаря использованию в данных контекстах препозитивных определений *monsoon*,

winter, указывающих на причину длительных дождей – муссон и на время года, когда выпадают дожди в странах с тропическим климатом – зиму.

В примере 1 обстоятельство *that year*, выраженное указательным местоимением *that* и существительным *year*, сообщает информацию о том, что данное погодное явление является регулярным и привычным для определённой местности. Кроме того, в примере 3 подлежащее выражено собственным именем существительным *Delhi*, названием города в Индии, страной с тропическим климатом, для которого характерны сезоны дождей.

Формирование интерпретирующего смысла «сезон дождей», передаваемого формой множественного числа **rains**, в примере 2 происходит за счёт использования данной формы в функции подлежащего со сказуемым *were moving* и обстоятельствами *north, each day*. Сказуемое *were moving* указывает на перемещение пояса дождей, обстоятельство *north* – на направление движения, а обстоятельство *each day* – на продолжительность дождей.

В примерах 4-6 интерпретация смысла «период очень холодной погоды», передаваемого лексикализованной формой множественного числа **морозы**, происходит в результате употребления существительного **морозы** в функции подлежащего со сказуемым, выраженным глаголами *ударили* (ударить – внезапно, с силой наступить) и *установились* (установиться – закрепиться, стать устойчивым, без колебаний и перемен). Глагол *ударили* указывает на очень низкую температуру, а глагол *установились* – на продолжительность периода холодной погоды.

В результате концептуальной деривации лексикализованные формы множественного числа существительных **rains** и **морозы** фиксируют новый фрагмент знания в определённой конфигурации, а именно знания о сопровождаемом погодным явлением периоде времени. Данная конфигурация закрепляется в системе языка за формами множественного числа **rains** и **морозы** как их самостоятельное значение.

1.2.8. Модель «вещество – пространство»

Когнитивная метонимическая модель «вещество – пространство» служит основой формирования семантики лексикализованных форм множественного числа вещественных имён существительных. Данная модель может быть проиллюстрирована следующими примерами: *sand – sands, snow – snows, water – waters* (в английском языке); *вода – воды, песок – пески, снег – снега* (в русском языке).

Вещественные существительные, как известно, обозначают однородные по составу вещества, однородную массу чего-либо, материалы, которые делятся на части, сохраняющие свойства целого, и которые можно не считать, а измерять. Отличительным грамматическим признаком вещественных существительных является то, что они не допускают счёта и не сочетаются с количественными числительными. Но в процессе коммуникации существительные, обозначающие вещество, могут употребляться в форме множественного числа, но не со значением простого множества подобных предметов как в случае предметных существительных, а со значением пространства, заполненного определённым веществом.

Контексты употребления лексикализованных форм **waters** и **воды** проявляют наибольшую вариативность. Обратимся к некоторым из них, чтобы продемонстрировать процесс формирования значения лексикализованных форм множественного числа имён существительных, образованных по когнитивной метонимической модели «вещество – пространство»:

1. *Again she ignored him, doing amazingly well at steering the canoe out into the still **waters** of the lake* [BNC].
2. *The ferry turned into the sluggish **waters** of the Channel* [BNC].
3. *They sat in the middle of a small lake fed by the **waters** of Brices Creek* [Sparks 2011: 97].

4. *А она, легко улыбаясь, продолжала рассказывать, как вмиг пронеслась в её голове библейская сцена гибели фараоновой конницы, на которую обрушились **воды** этого моря и, возможно, именно в этом месте [Рубина 2012а: 437].*
5. *Ведь они уже прокричали, что через несколько месяцев в океане, на берегу которого мы стоим, в тёплых тропических **водах**, их мозговики дадут команду и начнутся очередные упражнения игрушечками класса «Земля – смерть» [Аксёнов 2012: 193].*
6. *Стол был накрыт на просторной веранде, обращённой балюстрадой и лестницей в сад, за деревьями которого угадывался простор Реки, пронесившей свои **воды** мимо высокого дроздовского берега [Акунин 2012: 92].*

Проанализируем содержание концептов, передаваемых существительными **water** и **вода**, обратившись к их словарным толкованиям. Исходная форма единственного числа **water** имеет следующее словарное толкование: «a liquid without colour, smell or taste that falls as rain, is in lakes, rivers and seas, and is used for drinking, washing, etc.» [Hornby 1995: 1344]. Толкование исходной формы единственного числа **вода** следующее: «прозрачная бесцветная жидкость, представляющая собой в чистом виде химическое соединение водорода и кислорода» [Ожегов 1986: 76]. Данные словарные толкования говорят о наличии в содержании концептов, вербализуемых формами единственного числа **water** и **вода**, концептуальной характеристики «вещество» (жидкость).

Лексикализованная форма множественного числа **waters** имеет дефиницию «the mass of water in a lake, river, etc.» [Hornby 1995: 1344]. Словарное толкование лексикализованной формы множественного числа **воды** следующее: «водное пространство какого-нибудь района; потоки, струи, волны, водная масса» [Ожегов 1986: 76]. Таким образом, в содержании концептов, определяющих семантику лексикализованных форм множественного числа **waters** и **воды**, присутствует концептуальная

характеристика «водное пространство». Процесс формирования смыслов, передаваемых лексикализованными формами множественного числа **waters** и **воды**, можно условно разделить на следующие этапы.

На начальном этапе концептуальной деривации, осуществляющейся параллельно с морфологической репрезентацией, приводящей к формированию смысла «множественность», в основе которого лежит морфологически передаваемый концепт ЧИСЛО, происходит активизация концептуальной характеристики «вещество» в содержании исходных концептов, вербализуемых формами единственного числа **water** и **вода**. На следующем этапе концептуальной деривации активизировавшаяся концептуальная характеристика «вещество» профилируется, попадает в фокус внимания.

Далее в результате действия когнитивного механизма метонимии активизировавшаяся и спрофилированная концептуальная характеристика «вещество» замещается смежной концептуальной характеристикой «пространство». Конфигурирование концептуального содержания на основе сочетания замещающей концептуальной характеристики «пространство» и концептуальной характеристики «множество» морфологически передаваемого концепта ЧИСЛО приводит к образованию производных концептов соответствующей конфигурации. Данные концепты определяют семантику лексикализованных форм множественного числа **waters** и **воды**.

Формирование нового смысла «водное пространство», передаваемого лексикализованными формами множественного числа **waters** и **воды**, происходит на уровне предложения-высказывания в ходе идентифицирующей интерпретации при участии контекстуального фактора.

Данный фактор предполагает наличие в составе предложения-высказывания нарицательных или собственных имён существительных, указывающих на различные водные объекты. В примере 1 – это озеро (*lake*), в примере 2 – пролив (*the Channel*), в примере 3 – бухта, залив (*Brices Creek*), в примере 4 – море, в примере 5 – океан, в примере 6 – река.

Как видно из проанализированных контекстов, лексикализованные формы множественного числа **waters** и **воды** обозначают уже не само вещество как таковое, а неопределённо большое количество массы, т.е. передают смысл «пространственная множественность».

В результате концептуальной деривации лексикализованные формы множественного числа существительных **waters** и **воды** фиксируют новый фрагмент знания в определённой конфигурации, а именно знания о пространстве, заполненном веществом (водой). Данная конфигурация закрепляется в системе языка за формами множественного числа **waters** и **воды** как их самостоятельное значение.

1.2.9. Модель «чувство – способ выражения чувства»

Когнитивная метонимическая модель «чувство – способ выражения чувства» служит основой при формировании значений лексикализованных форм множественного числа абстрактных существительных в английском и русском языках. Данная модель представлена следующими существительными: *honour – honours, rejoicing – rejoicings, respect – respects, благодарность – благодарности*.

Исходные формы единственного числа существительных этой группы относятся к разряду существительных, обозначающих абстрактное понятие – чувство. Семантика абстрактных существительных данного типа не допускает представления о счёте, поэтому, как правило, они употребляются только в единственном числе. Но в определённых контекстах абстрактные существительные, обозначающие чувство, могут употребляться в форме множественного числа, приобретая значение способа выражения чувства.

Рассмотрим подробнее процесс формирования значения лексикализованных форм множественного числа имён существительных **honours** и **благодарности**, образованных по когнитивной метонимической модели «чувство – способ выражения чувства» и демонстрирующих

наиболее разнообразные контексты употребления. Обратимся к следующим примерам:

1. *He has gained numerous **honours** and awards, most notably the Nobel Peace prize in 1989, as well as the Albert Schweitzer Humanitarian Award and the Lincoln Award for leadership in the service of freedom* [BNC].
2. *Mr Major told MPs that the awarding of **honours** had been a valued part of British life for centuries but the system must from time to time be reviewed* [BNC].
3. *He was recognised as an excellent judge of Clydesdales and within ten years his horses were winning the breed's major **honours*** [BNC].
4. *Рахиль вышла проводить Риту, всё причитая **благодарности**, и потом повторила ещё и Боре, какая у него золотая жена* [НКРЯ].
5. *Трудно человеку в девятнадцать лет, да ещё застенчивому по природе, слушать восторженные **благодарности**, граничащие с поклонением* [НКРЯ].
6. *Он снова махнул рукой, пошёл вдоль стола и круто повернулся спиной: выслушивать **благодарности** было не в его привычке* [НКРЯ].

Проанализируем содержание концептов, передаваемых языковыми единицами **honour** и **благодарность**. Форма единственного числа **honour** имеет следующее толкование: «great respect for somebody; high public regard for somebody» [Hornby 1995: 571]. Дефиниция формы единственного числа **благодарность** следующая: «чувство признательности к кому-нибудь за оказанное добро, внимание» [Ожегов 1986: 44]. Из данных словарных толкований следует, что в содержании концептов, передаваемых существительными **honour** и **благодарность**, присутствует концептуальная характеристика «чувство» (уважение и признательность).

Лексикализованная форма множественного числа **honours** имеет следующее словарное толкование: «a thing given as a distinction or mark of respect, especially an official reward for achievement or courage» [Hornby 1995: 571]. Лексикализованная форма множественного числа **благодарности** имеет

дефиницию «слова, выражающие эти чувства» [Ожегов 1986: 44]. Таким образом, в содержании концептов, определяющих семантику лексикализованных форм множественного числа **honours** и **благодарности**, присутствует концептуальная характеристика «способ выражения чувства» (знак уважения и слова признательности). Процесс формирования смыслов, передаваемых лексикализованными формами множественного числа **honours** и **благодарности**, можно условно разделить на следующие этапы.

На начальном этапе концептуальной деривации, осуществляющейся параллельно с морфологической репрезентацией, приводящей к формированию смысла «множественность», в основе которого лежит морфологически передаваемый концепт ЧИСЛО, происходит активизация концептуальной характеристики «чувство» в содержании исходных концептов, передаваемых формами единственного числа **honour** и **благодарность**. На следующем этапе концептуальной деривации активизировавшаяся концептуальная характеристика «чувство» профилируется, попадает в фокус внимания.

Далее в результате действия когнитивного механизма метонимии активизировавшаяся и спрофилированная концептуальная характеристика «чувство» замещается смежной концептуальной характеристикой «способ выражения чувства». Конфигурирование концептуального содержания на основе сочетания замещающей концептуальной характеристики «способ выражения чувства» и концептуальной характеристики «множество» морфологически передаваемого концепта ЧИСЛО приводит к образованию производных концептов особой конфигурации. Данные концепты определяют семантику лексикализованных форм множественного числа **honours** и **благодарности**.

Формирование новых смыслов «награды, почести» и «слова благодарности», передаваемых лексикализованными формами множественного числа **honours** и **благодарности**, происходит на уровне

предложения-высказывания в ходе идентифицирующей интерпретации при участии контекстуального фактора.

Интерпретация смыслов «награды, почести» и «слова благодарности» осуществляется под влиянием различных средств контекста. В примерах 1, 3 смысл «награды, почести» интерпретируется за счёт сочетания лексикализованной формы множественного числа **honours**, выполняющей функцию прямого дополнения, с переходными глаголами соответствующей лексической семантики *has gained* и *were winning*, выполняющими функцию сказуемого. В примере 1 также действует механизм прямой номинации (*honours and awards – the Nobel Peace prize, the Albert Schweitzer Humanitarian Award, the Lincoln Award for leadership in the service of freedom*).

В примере 2 форма множественного числа **honours** используется в составе словосочетания *awarding of honours*, первый компонент которого выражен герундием, образованным от глагола *award* соответствующей лексической семантики (to award – to make an official decision to give something to somebody, especially as a prize, payment, compensation, etc.), благодаря чему происходит интерпретация смысла «награды, почести».

В примерах 4, 5, 6 смысл «слова благодарности», передаваемый формой множественного числа **благодарности**, интерпретируется за счёт употребления деепричастия *причитая*, глаголов *слушать*, *выслушивать*, указывающих на вербальное выражение чувства благодарности.

В результате концептуальной деривации лексикализованные формы множественного числа существительных **honours** и **благодарности** фиксируют новый фрагмент знания о способе выражения чувства в определённой конфигурации. Данная конфигурация закрепляется в системе языка за формами множественного числа **honours** и **благодарности** как их самостоятельное значение.

2. Идентифицирующие метафорические модели лексикализации

В ходе анализа фактического материала было установлено, что лексикализация форм множественного числа английских и русских конкретных имён существительных осуществляется по следующим когнитивным метафорическим моделям: «предмет (географический объект) – положение вещей (обстоятельства)», «предмет – часть тела (орган) человека (животного)», «часть тела (орган) человека (животного) – предмет». Рассмотрим данные модели подробнее.

2.1. Модель «предмет (географический объект) – положение вещей (обстоятельства)»

Когнитивная метафорическая модель лексикализации «предмет (географический объект) – положение вещей (обстоятельства)» представлена английскими существительными *curtain – curtains, strait – straits*. Исходные формы единственного числа указанных существительных относятся к разряду конкретных существительных, образующих формы множественного числа со значением простого множества подобных предметов, например:

1. *I was woken by the full moon shining in on me, as I had forgotten to draw my **curtains*** [BNC].
2. *But as I came closer, I could not hear the sound of Joe's hammer, and I noticed fresh white **curtains** at the windows, and bright flowers everywhere* [BNC].
3. *In the morning I went ashore with the captain in a bumboat, passing a variety of small craft that plied to and fro across the **straits*** [BNC].
4. *The east-west lines of sea lochs penetrating inland from the Minch, and the **straits** dividing the islands from each other interrupt the arcuate sweep of the chain of islands* [BNC].

В определённых контекстах формы множественного числа указанных существительных могут приобретать самостоятельное лексическое значение.

Рассмотрим процесс формирования значения лексикализованных форм множественного числа имён существительных **curtains** и **straits**, относящихся к этой группе, на конкретных примерах:

5. *Given the **straits** to which British economy was reduced in 1947, when it was necessary to ration even bread and potatoes, an outflow of capital equal to about 8 per cent of national income and nearly equal to total net domestic capital formation (including stock-building) is a very extraordinary event [BNC].*
6. *'Or desperate' suggested Bob, who knew rather more than Comfort did about the **straits** to which many Parisians had been reduced by the war [BNC].*
7. *The severe **straits** in which the Treasury found itself after the Crimean War made it seem quite impractical to seek a solution which involved increasing the duties of the officialdom [BNC].*
8. *Finding herself in severe financial **straits** she went along to the appropriate authority to ask for money to buy food for her children [BNC].*

Проанализируем содержание концепта, передаваемого существительным **strait**. Форма единственного числа **strait** имеет дефиницию «a narrow passage of water connecting two seas or two large areas of water» [Hornby 1995: 1179]. Концепт, определяющий семантику существительного **strait**, обладает следующими концептуальными характеристиками: «географический объект» (часть водного пространства), «качество» (узкий, соединяющий два моря или других водных объекта).

Лексикализованная форма множественного числа **straits**, зафиксированная в словаре, имеет толкование «trouble, difficulty» [Hornby 1995: 1179]. Данное толкование позволяет говорить о наличии в содержании концепта, вербализуемого лексикализованной формой множественного числа **straits**, концептуальных характеристик «положение вещей»

(обстоятельства), «качество» (затруднительное, неприятное). Процесс формирования смысла, передаваемого лексикализованной формой множественного числа **straits**, происходит следующим образом.

На начальном этапе в процессе морфологической репрезентации формируется смысл «множественность», передаваемый обычной формой множественного числа существительного **straits**. Семантику данной формы определяет морфологически передаваемый концепт ЧИСЛО, в содержании которого присутствует концептуальная характеристика «множество» и концептуальные характеристики «географический объект», «качество», наследуемые от концепта, репрезентируемого исходной формой единственного числа существительного **strait**.

Далее в ходе концептуальной деривации в содержании концепта, передаваемого обычной формой множественного числа **straits** (область-источник), и концепта в пределах концептуально-тематической области АБСТРАКТНЫЕ ПОНЯТИЯ (область-мишень) одновременно активизируется сходная концептуальная характеристика «качество». На следующем этапе концептуальной деривации активизировавшаяся концептуальная характеристика «качество» профилируется, попадает в фокус внимания. В результате действия когнитивного механизма метафоры производный концепт (область-мишень), передаваемый лексикализованной формой множественного числа **straits**, структурируется по подобию концепта (область-источник), передаваемого обычной формой множественного числа **straits**. Характеристика «множество» достраивает конфигурацию производного концепта, лежащего в основе семантики лексикализованной формы множественного числа существительного **straits**.

Закрепление метафорического значения формы множественного числа **straits** основано на сравнении жизненных обстоятельств (трудностей) с географическим объектом (проливом). Другими словами, пролив – это узкая часть водного пространства, ограниченная с двух сторон, а трудности или

неприятности – это тоже некий коридор, связанный с определёнными ограничениями в жизни человека.

Формирование нового смысла «трудности», передаваемого лексикализованной формой множественного числа **straits**, происходит на уровне предложения-высказывания в ходе идентифицирующей интерпретации при участии контекстуального фактора.

Данный фактор предполагает наличие в предложении-высказывании придаточных определительных предложений с ограничительным значением *to which British economy was reduced in 1947* и *to which many Parisians had been reduced by the war*, в которых глагол *reduce to* (to bring or force somebody or something into a specified, usually worse, state or condition) употреблён в форме страдательного залога (примеры 5, 6). В результате смысл, передаваемый лексикализованной формой множественного числа **straits**, интерпретируется как «трудности».

В примерах 7, 8 интерпретация смысла «трудности», передаваемого лексикализованной формой множественного числа **straits**, происходит благодаря препозитивным определениям *severe* и *financial*, которые указывают на степень значительности возникших трудностей (*severe*) и сферу жизни, сопровождаемую трудностями (*financial*).

Форма множественного числа **curtains** также относится к лексикализованным существительным, семантика которых формируется на базе когнитивной метафорической модели «предмет – положение вещей (обстоятельства)». Обратимся к следующим примерам:

9. *But it means **curtains** for Denise and you* [BNC].

10. *And it's **curtains** for you and me* [BNC].

11. *And it's **curtains** for our city* [BNC].

Проанализируем содержание концепта, передаваемого языковой единицей **curtain**. Толкование формы единственного числа существительного **curtain** следующее: «a piece of material hung to cover a window, and usually movable sideways; a similar piece of material hung up as a

screen» [Hornby 1995: 287]. Данное толкование позволяет говорить о наличии в содержании концепта, репрезентируемого существительным **curtain**, концептуальных характеристик «предмет» (кусок материала (ткани)), «качество» (подвешенный, подвижный (передвижной)), «назначение» (закрывающий окно или используемый в качестве ширмы (экрана)).

Лексикализованная форма множественного числа **curtains** имеет дефиницию «a situation without hope or from which one cannot escape» [Hornby 1995: 287]. Концепт, определяющий семантику лексикализованной формы множественного числа **curtains**, обладает концептуальными характеристиками «ситуация» (положение вещей), «качество» (безнадёжная, неизбежная). Процесс формирования смысла, передаваемого лексикализованной формой множественного числа **curtains**, происходит следующим образом.

На начальном этапе в процессе морфологической репрезентации формируется смысл «множественность», передаваемый обычной формой множественного числа существительного **curtains**. Семантику данной формы определяет морфологически передаваемый концепт ЧИСЛО, в содержании которого присутствует концептуальная характеристика «множество» и концептуальные характеристики «предмет», «качество», «назначение», наследуемые от концепта, репрезентируемого исходной формой единственного числа существительного **curtain**.

Далее в ходе концептуальной деривации в содержании концепта, передаваемого обычной формой множественного числа **curtains** (область-источник), и концепта в пределах концептуально-тематической области АБСТРАКТНЫЕ ПОНЯТИЯ (область-мишень) одновременно активизируется сходная концептуальная характеристика «качество». На следующем этапе концептуальной деривации активизировавшаяся концептуальная характеристика «качество» профилируется, попадает в фокус внимания. В результате действия когнитивного механизма метафоры производный концепт (область-мишень), передаваемый лексикализованной

формой множественного числа **curtains**, структурируется по подобию концепта (область-источник), передаваемого обычной формой множественного числа **curtains**. Характеристика «множество» достраивает конфигурацию производного концепта, лежащего в основе семантики лексикализованной формы множественного числа существительного **curtains**.

Закрепление метафорического значения формы множественного числа **curtains** основано на сравнении жизненных обстоятельств (безвыходной ситуации) с предметом (шторами, занавесками). Шторы используются в быту для защиты помещения от солнечного света, то есть для обеспечения темноты. В философии темнота или тьма традиционно рассматривалась как символ зла в противопоставление свету, рассматриваемому в качестве символа добра. Если оценивать безвыходную жизненную ситуацию в терминах добра и зла, то очевидно, что это нечто отрицательное, негативное. То есть в данном случае название предмета (штор, занавесок), ассоциируемого с темнотой, используется для обозначения ситуации, которую также можно сравнить с темнотой.

Кроме того, существительное **curtain** имеет и другое значение – «занавес». Если речь идёт о театральном представлении, то опускающийся занавес, как правило, означает окончание спектакля или акта. Следовательно, существительное **curtains** может быть осмыслено как конец чего-то в результате переноса характеристик занавеса, символизирующего окончание спектакля, на критическую жизненную ситуацию. Таким образом, метафорическое значение лексикализованной формы множественного числа **curtains** основывается на переосмыслении определённых жизненных обстоятельств через признаки неодушевлённого предмета, имеющего бытовое применение.

Формирование нового смысла «конец, крышка», передаваемого лексикализованной формой множественного числа **curtains**, происходит на

уровне предложения-высказывания в ходе идентифицирующей интерпретации при участии контекстуального фактора.

В примерах 9-11 смысл, передаваемый лексикализованной формой множественного числа **curtains**, интерпретируется как «конец, крышка», на что указывает формальное подлежащее, выраженное местоимением третьего лица единственного числа *it*, и сказуемое, выраженное глаголом *be* в форме третьего лица единственного числа. Как видно из примеров, за существительным **curtains** в данном значении обычно следует предложное дополнение, выраженное предлогом *for* и личным местоимением или существительным, обозначающим как одушевлённые, так и неодушевлённые объекты.

Из анализа следует, что лексикализованные формы множественного числа конкретных существительных **straits** и **curtains**, образованные по метафорической модели «предмет (географический объект) – положение вещей (обстоятельства)», приобретают характеристики абстрактных существительных, т.е. подвергаются перекатегоризации.

В результате конфигурирования в процессе концептуальной деривации лексикализованные формы множественного числа существительных **curtains** и **straits** фиксируют новые структуры знания об абстрактном понятии (положении вещей) в определённой концептуальной проекции. Данная конфигурация закрепляется в системе языка за формами множественного числа указанных существительных как их вторичное лексикализованное значение.

2.2. Модель «предмет – часть тела (орган) человека (животного)»

Когнитивная метафорическая модель лексикализации «предмет – часть тела (орган) человека (животного)» представлена английскими существительными *bag – bags, knocker – knockers, pin – pins* и русскими существительными *мешок – мешки, поршень – поршни, шарик – шарики*.

Исходные формы единственного числа указанных существительных относятся к разряду конкретных существительных, образующих формы множественного числа со значением простого множества подобных предметов, например:

1. *So I was quite pleased, at the end of my United Airlines flight to Chicago, to discover merely that one of my two **bags** was missing [BNC].*
2. *A few **pins** left in the chiffon tunic scratched Melanie's flesh [BNC].*
3. *Немного отойдя от опушки, они остановились на неширокой, усыпанной смолянками полянке, сбросили с себя отяжелевшие за дорогу вещевые **мешки** [НКРЯ].*
4. *Я прыгаю под огромную панцирную кровать с железными спинками, на которые накручены хромированные **шарики** [НКРЯ].*

Но в процессе дискурсивной деятельности формы множественного числа указанных существительных могут приобретать самостоятельное лексическое значение.

Рассмотрим процесс формирования значения лексикализованных форм множественного числа имён существительных **bags** и **мешки**, относящихся к этой группе, на конкретных примерах:

5. *She looked shocking: absolutely white, with huge purple **bags** under her eyes [BNC].*
6. *This time he had to wipe away tears and the handkerchief left an intriguing and almost symmetrical pattern below the deep, black **bags** under his eyes [BNC].*
7. *Анка вся измятая – **мешки** под глазами, волосы растрёпаны, грязная майка – с отвращением подымала свои когда-то прекрасные глаза и нехотя, ногтем с остатками лака отсчитывала ходы [НКРЯ].*
8. *Ирина долго лежала и смотрела в стену, потом встала и подошла к зеркалу. Тусклая кожа, под глазами **мешки**, у губ складки [Метлицкая 2012: 270].*

Проанализируем содержание концептов, передаваемых языковыми единицами **bag** и **мешок**. Словарное толкование существительного **bag** следующее: «a container made of flexible material, eg paper, plastic, cloth or leather, with an opening at the top, that is used for carrying things from place to place» [Hornby 1995: 76]. Существительное **мешок** имеет дефиницию «сделанное из мягкого материала вместительное для сыпучих тел, для различных мелких предметов и т.п.» [Ожегов 1986: 301]. Таким образом, концепты, репрезентируемые существительными **bag** и **мешок**, обладают такими концептуальными характеристиками, как «предмет» (вместительное, контейнер), «качество» (эластичный, мягкий, имеющий отверстие в верхней части), «назначение» (используемый для хранения и переноски чего-либо).

Толкование лексикализованной формы множественного числа **bags** следующее: «loose folds of skin under the eyes» [Hornby 1995: 76]. Лексикализованная форма множественного числа **мешки** имеет дефиницию «отёки под глазами» [Ожегов 1986: 301]. Данные словарные толкования позволяют говорить о наличии следующих концептуальных характеристик: «часть тела (лица)» (складка кожи), «качество» (неплотная, выступающая), «местонахождение» (под глазами). Процесс формирования смыслов, передаваемых лексикализованными формами множественного числа **bags** и **мешки**, может быть условно разделен на несколько этапов.

На начальном этапе в процессе морфологической репрезентации формируется смысл «дискретная множественность», передаваемый обычными формами множественного числа существительных **bags** и **мешки**. Семантику данных форм определяет морфологически передаваемый концепт ЧИСЛО, в содержании которого присутствует концептуальная характеристика «множество» и концептуальные характеристики «предмет», «качество», «назначение», наследуемые от концептов, репрезентируемых исходными формами единственного числа существительных **bag** и **мешок**.

Далее в ходе концептуальной деривации в содержании концептов, передаваемых обычными формами множественного числа **bags** и **мешки**

(область-источник), и концепта в пределах концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК (область-мишень) одновременно активизируется сходная концептуальная характеристика «качество». На следующем этапе концептуальной деривации активизировавшаяся концептуальная характеристика «качество» профилируется, попадает в фокус внимания. В результате действия когнитивного механизма метафоры производные концепты (область-мишень), передаваемые лексикализованными формами множественного числа **bags** и **мешки**, структурируются по подобию концептов (область-источник), передаваемых обычными формами множественного числа **bags** и **мешки**. Характеристика «множество» достраивает конфигурацию производных концептов, лежащих в основе семантики лексикализованных форм множественного числа существительных **bags** и **мешки**.

Формирование нового смысла «отёки под глазами», передаваемого лексикализованными формами множественного числа **bags** и **мешки**, происходит на уровне предложения-высказывания в ходе идентифицирующей интерпретации при участии контекстуального фактора.

В примерах 5-8 смысл «отёки под глазами», передаваемый лексикализованными формами множественного числа **bags** и **мешки**, интерпретируется в результате употребления обстоятельств *under eyes* и *под глазами*, указывающих на местонахождение отёков. В примерах 5 и 6 препозитивные определения, выраженные прилагательными *huge*, *purple*, *deep*, *black*, сообщают информацию о размере (*huge*, *deep*) и цвете (*purple*, *black*) отёков под глазами.

Как видно из анализа, на отёки под глазами, которые возникают у человека вследствие недосыпания или плохого состояния здоровья, переносятся характеристики мешка или сумки. Другими словами, отёк под глазами – это тот же контейнер из эластичного материала (кожи), заполненный жидкостью. Таким образом, метафорическое значение лексикализованных форм множественного числа **bags** и **мешки** основывается

на переосмыслении внешности человека через признаки неодушевлённого предмета, имеющего бытовое применение.

Следует отметить, что рассматриваемые в предыдущих примерах лексикализованные формы множественного числа **bags** и **мешки** можно отнести к существительным, передающим смысл «двойственная множественность». Форма множественного числа этих существительных акцентирует идею два (оба) глаза (крыла, плеча), две (обе) ноги (руки и т.д.). Она обозначает не класс «крыло», «рука», «глаз», представленный совокупностью соответствующих единичных предметов, а парный орган, выделяемый как особый класс – «крылья», «руки», «ноги», «глаза» (подр. см. [Беседина 2006а: 171]).

А.И. Смирницкий, рассматривая данный тип множества, отмечал, что в подобных случаях момент числа как бы «внедряется», вращается в само понятие данного предмета и делается одним из конституирующих его моментов. В результате, образуется особое, новое понятие, отличное от того, в состав которого этот момент числа не входит [Смирницкий 1959].

Семантика лексикализованной формы множественного числа английского существительного **pins** также формируется по когнитивной метафорической модели «предмет – часть тела (орган) человека (животного)». Рассмотрим несколько примеров:

9. *She was very nimble on her pins* [BNC].

10. *He still wasn't as steady on his pins as he wished he were, either* [COCA].

Проанализируем содержание концепта, передаваемого языковой единицей **pin**. Существительное **pin** имеет следующее словарное толкование: «a short thin piece of stiff wire with a sharp point at one end and a round head at the other, used for fastening together pieces of cloth, paper, etc.» [Hornby 1995: 875]. Данное толкование позволяет говорить о наличии таких концептуальных характеристик, как «предмет» (кусочек проволоки), «качество» (маленький, тонкий, жёсткий), «форма» (заострённый с одной

стороны и закруглённый с другой), «назначение» (используемый для скрепления ткани, бумаги).

Лексикализованная форма множественного числа **pins** имеет дефиницию «legs» [Hornby 1995: 875]. Данное словарное толкование позволяет говорить о наличии в содержании концепта, передаваемого лексикализованной формой множественного числа **pins**, концептуальных характеристик «часть тела» (конечность), «качество» (нижняя, парная, тонкая), «форма» (продолговатая). Процесс формирования смысла, передаваемого лексикализованной формой множественного числа **pins**, можно условно разделить на несколько этапов.

На начальном этапе в процессе морфологической репрезентации формируется смысл «дискретная множественность», передаваемый обычной формой множественного числа существительного **pins**. Семантику данной формы определяет морфологически передаваемый концепт ЧИСЛО, в содержании которого присутствует концептуальная характеристика «множество» и концептуальные характеристики «предмет», «качество», «форма», «назначение», наследуемые от концепта, репрезентируемого исходной формой единственного числа существительного **pin**.

Далее в ходе концептуальной деривации в содержании концепта, передаваемого обычной формой множественного числа **pins** (область-источник), и концепта в пределах концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК (область-мишень) одновременно активизируется сходная концептуальная характеристика «форма». На следующем этапе концептуальной деривации активизировавшаяся концептуальная характеристика «форма» профилируется, попадает в фокус внимания. В результате действия когнитивного механизма метафоры производный концепт (область-мишень), передаваемый лексикализованной формой множественного числа **pins**, структурируется по подобию концепта (область-источник), передаваемого обычной формой множественного числа **pins**. Характеристика «множество» достраивает конфигурацию производного

концепта, лежащего в основе семантики лексикализованной формы множественного числа существительного **pins**.

Формирование нового смысла «ноги», передаваемого лексикализованной формой множественного числа **pins**, происходит на уровне предложения-высказывания в ходе идентифицирующей интерпретации при участии контекстуального фактора.

В примерах 9, 10 смысл «ноги» интерпретируется за счёт использования в качестве именной части составного именного сказуемого прилагательных соответствующей семантики *nimble* и *steady*, за которым следует предложное дополнение, выраженное предлогом *on* и существительным **pins**.

Метафорическое употребление существительного **pins** основано на переносе характеристик предмета (булавки) на часть тела человека (ноги). Действительно, если представить или схематично изобразить булавку и ноги, нельзя не заметить некоторое сходство. И ноги, и булавка имеют одинаковую форму – продолговатую, фактуру – жёсткую.

В следующих примерах значение лексикализованной формы множественного числа **шарики** формируется на основе метафорического переосмысления:

11. ***Шарики** в голове референта вращались с бешеной, сверхсветовой скоростью [НКРЯ].*

12. *А **шарики** в мозгу так и щёлкают, мысли перебивают друг друга, толкаются в голове – как не потерять себя, как не впасть в маразм, как удержать высоту, завоёванную в боях, как организовать быт, как составить такой сценарий жизни, чтобы никогда не было скучно [НКРЯ].*

Проанализируем содержание концепта, передаваемого существительным **шарик**. В словаре дана следующая дефиниция существительного **шарик**: «часть пространства, ограниченная сферой; предмет такой формы» [Ожегов 1986: 774]. Отсюда следует, что концепт,

определяющий семантику формы единственного числа **шарик**, обладает такими концептуальными характеристиками, как «предмет», «форма» (круглая). Кроме того, известно, что шар или шарик, как и любой предмет круглой формы, может выполнять определённую функцию – крутиться или вращаться.

Лексикализованная форма множественного числа **шарики** имеет дефиницию «умственные способности человека» [Ожегов 1986: 774]. Данное словарное толкование позволяет говорить о наличии в содержании концепта, вербализуемого формой множественного числа **шарики**, концептуальных характеристик «способность» (возможность совершать какие-либо действия), «качество» (умственная), «принадлежность» (характерная для человека). Однако, как известно, содержание концепта, передаваемого словом, гораздо шире значения слова, зафиксированного в словаре. Умственные способности зависят от деятельности головного мозга, важнейшей функцией которого является мышление. Процесс формирования смысла, передаваемого лексикализованной формой множественного числа **шарики**, можно условно разделить на следующие этапы.

На начальном этапе в процессе морфологической репрезентации формируется смысл «дискретная множественность», передаваемый обычной формой множественного числа существительного **шарики**. Семантику данной формы определяет морфологически передаваемый концепт ЧИСЛО, в содержании которого присутствует концептуальная характеристика «множество» и концептуальные характеристики «предмет», «форма», «функция», наследуемые от концепта, репрезентируемого исходной формой единственного числа существительного **шарик**.

Далее в ходе концептуальной деривации в содержании концепта, передаваемого обычной формой множественного числа **шарики** (область-источник), и концепта в пределах концептуально-тематической области ЧЕЛОВЕК (область-мишень) одновременно активизируется сходная концептуальная характеристика «функция». На следующем этапе

концептуальной деривации активизировавшаяся концептуальная характеристика «функция» профилируется, попадает в фокус внимания. В результате действия когнитивного механизма метафоры производный концепт (область-мишень), передаваемый лексикализованной формой множественного числа **шарики**, структурируется по подобию концепта (область-источник), передаваемого обычной формой множественного числа **шарики**. Характеристика «множество» достраивает конфигурацию производного концепта, лежащего в основе семантики лексикализованной формы множественного числа существительного **шарики**. Закрепление метафорического значения в форме множественного числа **шарики**, по всей видимости, связано с восприятием головного мозга как сложного механизма, состоящего из множества деталей круглой формы (шариков, подшипников), способных крутиться или вращаться, тем самым обеспечивая мыслительную деятельность.

Формирование нового смысла «умственные способности», передаваемого лексикализованной формой множественного числа **шарики**, происходит на уровне предложения-высказывания в ходе идентифицирующей интерпретации при участии контекстуального фактора.

Интерпретация смысла «умственные способности человека», передаваемого лексикализованной формой множественного числа **шарики**, в примерах 11, 12 происходит благодаря использованию постпозитивных определений *в голове* и *в мозгу*.

В результате концептуальной деривации лексикализованные формы множественного числа существительных **bags, pins, мешки, шарики** фиксируют новый фрагмент знания о части тела или органе человека в определённой конфигурации. Данная конфигурация закрепляется в системе языка за указанными формами множественного числа как их вторичное лексикализованное значение.

2.3. Модель «часть тела (орган) человека (животного) – предмет»

Когнитивная метафорическая модель обратной направленности «часть тела (орган) человека (животного) – предмет» может быть проиллюстрирована такими английскими существительными, как *jaw – jaws*, *wing – wings*, и русскими существительными *ласт – ласты*, *ухо – уши*, *хвост – хвосты*. Исходные формы единственного числа указанных существительных относятся к разряду конкретных существительных, образующих формы множественного числа со значением простого множества подобных предметов, например:

1. *The brown hairless face with its flat nose, projecting **jaws** and large teeth revealed in a friendly smile, is decidedly more human than apelike, though there are definite resemblances to the chimpanzee [BNC].*
2. *Every bird has a beak and **wings**, so it is meaningful to ask what are the lengths of beaks and **wings** for all birds [BNC].*
3. *Так же как птиц, каланов «окольцовывают» или метят, ставя пластиковые метки на **ласты** [НКРЯ].*
4. *А от крыльца, навстречу хозяину, выскочил большой пёс в длинной золотистой шерсти: узкая морда, длинные **уши**, умные глаза [НКРЯ].*
5. *Малышня – офицерские дети – с удовольствием кувыркались в сене, дёргали лошадей за **хвосты** [НКРЯ].*

Но в процессе дискурсивной деятельности формы множественного числа указанных существительных могут приобретать самостоятельное лексическое значение.

Рассмотрим несколько примеров:

6. *Try smearing the spanner **jaws** with light oil, then dipping them in fine sand [BNC].*
7. *Special tractors with fearsome-looking steel **jaws** snatch the logs from the trailers and stack them around the yard in neatly organized piles [COCA].*

Проанализируем содержание концепта, передаваемого существительным **jaw**. Словарное толкование существительного **jaw** «either of the bone structures containing the teeth» [Hornby 1995: 637] свидетельствует о наличии в содержании концепта, вербализуемого этой языковой единицей, таких концептуальных характеристик, как «часть тела (скелета)» (костная структура), «качество» (содержащая зубы). Однако, как известно, концепты имеют гораздо больше характеристик, чем зафиксировано в значении слова. В частности, можно добавить, что основная функция челюсти – пережёвывание пищи, т.е. процесс, предполагающий зажимание пищи между зубами и её дробление.

Дефиниция лексикализованной формы множественного числа **jaws** «the part of a tool or machine that grips or crushes things» [Hornby 1995: 637] позволяет говорить о наличии концептуальных характеристик «предмет» (часть инструмента или машины), «функция» (используемый для зажимания или раздавливания чего-либо). Процесс формирования смысла, передаваемого лексикализованной формой множественного числа **jaws**, можно условно разделить на следующие этапы.

На начальном этапе в процессе морфологической репрезентации формируется смысл «множественность», передаваемый обычной формой множественного числа существительного **jaws**. Семантику данной формы определяет морфологически передаваемый концепт ЧИСЛО, в содержании которого присутствует концептуальная характеристика «множество» и концептуальные характеристики «часть тела», «качество», «функция», наследуемые от концепта, репрезентируемого исходной формой единственного числа существительного **jaw**.

Далее в ходе концептуальной деривации в содержании концепта, передаваемого обычной формой множественного числа **jaws** (область-источник), и концепта в пределах концептуально-тематической области АРТЕФАКТЫ (область-мишень) одновременно активизируется сходная концептуальная характеристика «функция». На следующем этапе

концептуальной деривации активизировавшаяся концептуальная характеристика «функция» профилируется, попадает в фокус внимания. В результате действия когнитивного механизма метафоры производный концепт (область-мишень), передаваемый лексикализованной формой множественного числа **jaws**, структурируется по подобию концепта (область-источник), передаваемого обычной формой множественного числа **jaws**. Характеристика «множество» достраивает конфигурацию производного концепта, лежащего в основе семантики лексикализованной формы множественного числа существительного **jaws**.

Формирование нового смысла «часть инструмента или машины, зажимающая или раздавливающая что-либо», передаваемого лексикализованной формой множественного числа **jaws**, происходит на уровне предложения-высказывания в ходе идентифицирующей интерпретации при участии контекстуального фактора.

Интерпретация смысла «часть инструмента или машины, зажимающая или раздавливающая что-либо» в примерах 6, 7 осуществляется благодаря использованию препозитивных определений *spanner* и *steel*, указывающих на инструмент – гаечный ключ и материал, из которого изготовлена машина и соответственно её часть – сталь.

К этой группе существительных можно отнести существительное **wings**, которое в следующих примерах употребляется в лексикализованном значении «кулисы»:

8. *He had known his mother would be on stage and her dresser Jessie in the **wings** waiting to help her quick change, and Bunty alone; but he had not bargained for her not being dressed [BNC].*
9. *She saw him in the **wings** just before she went on stage and she chose to ignore whatever had happened in the interval [BNC].*

Проанализируем содержание концепта, передаваемого словом **wing**. В словаре дана следующая дефиниция существительного **wing**: «either of the pair of limbs covered in feathers that a bird uses to fly; either of a pair of similar

parts that an insect or a bat uses to fly» [Hornby 1995: 1368]. В этом словарном толковании отражены концептуальные характеристики «часть тела» (конечность), «количество» (пара), «принадлежность» (птица, насекомое, летучая мышь), «функция» (обеспечивает возможность летать), «местонахождение» (с двух сторон).

Лексикализованная форма множественного числа **wings** имеет толкование «the area to the right and left of the stage that is hidden from the audience by curtains, scenery, etc.» [Hornby 1995: 1368]. Таким образом, концепт, определяющий семантику данной формы, обладает концептуальными характеристиками «предмет» (часть декорации или занавеса), «местонахождение» (справа и слева от сцены), «количество» (пара), «качество» (невидимый для зрителя). Процесс формирования смысла, передаваемого лексикализованной формой множественного числа **wings**, происходит следующим образом.

На начальном этапе в процессе морфологической репрезентации формируется смысл «множественность», передаваемый обычной формой множественного числа существительного **wings**. Семантику данной формы определяет морфологически передаваемый концепт ЧИСЛО, в содержании которого присутствует концептуальная характеристика «множество» и концептуальные характеристики «часть тела», «количество», «принадлежность», «функция», «местонахождение», наследуемые от концепта, репрезентируемого исходной формой единственного числа существительного **wing**.

Далее в ходе концептуальной деривации в содержании концепта, передаваемого обычной формой множественного числа **wings** (область-источник), и концепта в пределах концептуально-тематической области АРТЕФАКТЫ (область-мишень) одновременно активизируется сходная концептуальная характеристика «местонахождение». На следующем этапе концептуальной деривации активизировавшаяся концептуальная характеристика «местонахождение» профилируется, попадает в фокус

внимания. В результате действия когнитивного механизма метафоры производный концепт (область-мишень), передаваемый лексикализованной формой множественного числа **wings**, структурируется по подобию концепта (область-источник), передаваемого обычной формой множественного числа **wings**. Характеристика «множество» достраивает конфигурацию производного концепта, лежащего в основе семантики лексикализованной формы множественного числа существительного **wings**.

Формирование нового смысла «кулисы», передаваемого лексикализованной формой множественного числа **wings**, происходит на уровне предложения-высказывания в ходе идентифицирующей интерпретации при участии контекстуального фактора.

Интерпретация смысла «кулисы» в примерах 8, 9 осуществляется благодаря использованию существительного *stage* в значении «сцена» и употреблению формы множественного числа **wings** в функции обстоятельства места, на что указывает предлог *in*. Это позволяет заключить, что в данном случае речь идёт о кулисах, а не крыльях.

Лексикализованные формы множественного числа, образованные по когнитивной метафорической модели «часть тела (орган) человека (животного) – предмет», встречаются и в русском языке, например:

10. *Птаха был в шапке с подвёрнутыми ушами, сидящей, как и всё на нём, беззаботно и смело, в клетчатой, навывпуск рубахе с короткими рукавами; Вадик форсил в красивой толстой куртке с замком* [Распутин 2011: 624].

11. *Вместе с этими предметами он покинул неизвестную квартиру, что-то бормоча, конфузясь при мысли о том, что он только что пережил в ванной, невольно стараясь угадать, кто бы был этот наглый Кирюшка и не ему ли принадлежит противная шапка с ушами* [НКРЯ].

Проанализируем содержание концепта, репрезентируемого существительным **ухо**. Существительное **ухо** имеет следующее словарное

толкование: «орган слуха, а также наружная часть его в форме раковины» [Ожегов 1986: 734]. Данное словарное толкование позволяет говорить о наличии таких концептуальных характеристик, как «орган», «функция», «форма».

Дефиниция лексикализованной формы множественного числа **уши** «у теплой шапки-ушанки – боковые, опускающиеся вниз части» [Ожегов 1986: 734] позволяет говорить о наличии в содержании концепта, определяющего семантику данной языковой единицы, концептуальных характеристик «предмет», «местонахождение», «качество», «форма». Процесс формирования смысла, передаваемого лексикализованной формой множественного числа **уши**, происходит следующим образом.

На начальном этапе в процессе морфологической репрезентации формируется смысл «множественность», передаваемый обычной формой множественного числа существительного **уши**. Семантику данной формы определяет морфологически передаваемый концепт ЧИСЛО, в содержании которого присутствует концептуальная характеристика «множество» и концептуальные характеристики «орган», «функция», «форма», наследуемые от концепта, репрезентируемого исходной формой единственного числа существительного **ухо**.

Далее в ходе концептуальной деривации в содержании концепта, передаваемого обычной формой множественного числа **уши** (область-источник), и концепта в пределах концептуально-тематической области АРТЕФАКТЫ (область-мишень) одновременно активизируется сходная концептуальная характеристика «форма». На следующем этапе концептуальной деривации активизировавшаяся концептуальная характеристика «форма» профилируется, попадает в фокус внимания. В результате действия когнитивного механизма метафоры производный концепт (область-мишень), передаваемый лексикализованной формой множественного числа **уши**, структурируется по подобию концепта (область-источник), передаваемого обычной формой множественного числа **уши**.

Характеристика «множество» достраивает конфигурацию производного концепта, лежащего в основе семантики лексикализованной формы множественного числа существительного **уши**.

Формирование нового смысла «боковые части шапки», передаваемого лексикализованной формой множественного числа **уши**, происходит на уровне предложения-высказывания в ходе идентифицирующей интерпретации при участии контекстуального фактора.

В примерах 10, 11 форма множественного числа **уши** является частью постпозитивного определения *с подвёрнутыми ушами* и постпозитивным определением *с ушами*, относящихся к существительным *шапке, шапка*, в результате чего формируется смысл «боковые части шапки».

Существительное **хвосты** также может быть отнесено к данной группе, например:

12. *В Мурманской области сосредоточены огромные запасы и ресурсы апатит-нефелиновых руд, хвосты переработки которых являются высококачественным комплексным глинозёмным сырьём [НКРЯ].*

13. *Тем не менее, урановые хвосты два-три раза в год ввозятся в Россию через морской порт Санкт-Петербурга [НКРЯ].*

Проанализируем содержание концепта, вербализуемого существительным **хвост**. Форма единственного числа **хвост** имеет следующее словарное толкование: «у животных: придаток (обычно подвижный) на задней части тела или вообще задняя суженная часть тела» [Ожегов 1986: 748]. В этом толковании отражены концептуальные характеристики «часть тела» (придаток), «принадлежность» (животное), «качество» (задняя, суженная).

Лексикализованная форма множественного числа **хвосты** имеет словарную дефиницию «остатки от обработки породы с полезными ископаемыми» [Ожегов 1986: 748]. Концепт, лежащий в основе этого значения, обладает концептуальными характеристиками «предмет» (остатки породы), «качество» (подвергшийся обработке, содержащий полезные

ископаемые). Если хвост – это конечная точка тела животного (при его наличии), то хвосты в горнодобывающей промышленности – это конечная стадия и результат технологического процесса. Процесс формирования смысла, передаваемого лексикализованной формой множественного числа **хвосты**, происходит следующим образом.

На начальном этапе в процессе морфологической репрезентации формируется смысл «множественность», передаваемый обычной формой множественного числа существительного **хвосты**. Семантику данной формы определяет морфологически передаваемый концепт ЧИСЛО, в содержании которого присутствует концептуальная характеристика «множество» и концептуальные характеристики «часть тела», «принадлежность», «качество», наследуемые от концепта, репрезентируемого исходной формой единственного числа существительного **хвост**.

Далее в ходе концептуальной деривации в содержании концепта, передаваемого обычной формой множественного числа **хвосты** (область-источник), и концепта в пределах концептуально-тематической области АРТЕФАКТЫ (область-мишень) одновременно активизируется сходная концептуальная характеристика «качество». На следующем этапе концептуальной деривации активизировавшаяся концептуальная характеристика «качество» профилируется, попадает в фокус внимания. В результате действия когнитивного механизма метафоры производный концепт (область-мишень), передаваемый лексикализованной формой множественного числа **хвосты**, структурируется по подобию концепта (область-источник), передаваемого обычной формой множественного числа **хвосты**. Характеристика «множество» достраивает конфигурацию производного концепта, лежащего в основе семантики лексикализованной формы множественного числа существительного **хвосты**.

Формирование нового смысла «остатки горной породы», передаваемого лексикализованной формой множественного числа **хвосты**,

происходит на уровне предложения-высказывания в ходе идентифицирующей интерпретации при участии контекстуального фактора.

В примерах 12, 13 использование узкоспециальной лексики *апатит-нефелиновых руд, глинозёмным сырьём*, а также препозитивное определение, выраженное прилагательным *урановые*, указывает на то, что форма множественного числа **хвосты** передаёт смысл «остатки от обработки породы с полезными ископаемыми».

В следующих примерах метафорическому переосмыслению подвергается значение формы множественного числа **ласты**:

14. *Они с Лерой надували матрас, надевали **ласты** и плыли, толкая впереди матрас, на котором лежали книги, еда и разные другие вещи, и, конечно, ружьё для подводной охоты* [НКРЯ].

15. *Пока Зоя возилась с посудой, мы с Юрой надели **ласты**, смочили стёкла масок, поправили иноркелы и ринулись в неизвестное* [НКРЯ].

Проанализируем содержание концепта, вербализуемого существительным **ласт**. Форма единственного числа **ласт** имеет следующее словарное толкование: «укороченная конечность водных животных, птиц (тюленей, моржей, пингвинов и т.п.), пальцы которой соединены кожной перепонкой» [Ожегов 1986: 273]. Данное толкование позволяет говорить о наличии в содержании концепта, репрезентируемого существительным **ласт**, концептуальных характеристик «часть тела (орган)» (конечность), «качество» (укороченная), «функция» (позволяющая плавать).

Лексикализованная форма множественного числа **ласты** имеет дефиницию «приспособление для плавания в виде широких лап» [Ожегов 1986: 273]. Таким образом, концепт, определяющий семантику данной формы, обладает концептуальными характеристиками «предмет» (приспособление), «качество» (в виде широких лап), «функция» (предназначенное для плавания). Процесс формирования смысла, передаваемого лексикализованной формой множественного числа **ласты**, происходит следующим образом.

На начальном этапе в процессе морфологической репрезентации формируется смысл «множественность», передаваемый обычной формой множественного числа существительного **ласты**. Семантику данной формы определяет морфологически передаваемый концепт ЧИСЛО, в содержании которого присутствует концептуальная характеристика «множество» и концептуальные характеристики «часть тела (орган)», «качество», «функция», наследуемые от концепта, репрезентируемого исходной формой единственного числа существительного **ласт**.

Далее в ходе концептуальной деривации в содержании концепта, передаваемого обычной формой множественного числа **ласты** (область-источник), и концепта в пределах концептуально-тематической области АРТЕФАКТЫ (область-мишень) одновременно активизируется сходная концептуальная характеристика «функция». На следующем этапе концептуальной деривации активизировавшаяся концептуальная характеристика «функция» профилируется, попадает в фокус внимания. В результате действия когнитивного механизма метафоры производный концепт (область-мишень), передаваемый лексикализованной формой множественного числа **ласты**, структурируется по подобию концепта (область-источник), передаваемого обычной формой множественного числа **ласты**. Характеристика «множество» достраивает конфигурацию производного концепта, лежащего в основе семантики лексикализованной формы множественного числа существительного **ласты**.

Формирование нового смысла «приспособление для плавания», передаваемого лексикализованной формой множественного числа **ласты**, происходит на уровне предложения-высказывания в ходе идентифицирующей интерпретации при участии контекстуального фактора.

Интерпретация смысла «приспособление для плавания» в примерах 14, 15 происходит благодаря использованию формы множественного числа **ласты** в функции дополнения, относящегося к сказуемым *надевали, недели*, в результате чего активизируется концептуальная характеристика «предмет».

В результате концептуальной деривации лексикализованные формы множественного числа существительных **jaws, wings, лапы, уши, хвосты** фиксируют новые структуры знания о предметах, изготовленных человеком, т.е. артефактах, в определённой концептуальной проекции. Данная конфигурация закрепляется в системе языка за формами множественного числа указанных существительных как их вторичное лексикализованное значение.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

Анализ когнитивных моделей лексикализации форм множественного числа английских и русских имён существительных позволяет сделать следующие выводы.

1. Лексикализация форм множественного числа имени существительного представляет собой сложный интегративный процесс, когнитивной основой которого выступает концептуальная деривация, осуществляющаяся за счёт действия моделиобразующих когнитивных механизмов – концептуальной метонимии и концептуальной метафоры, а также дополнительных когнитивных механизмов – профилирования, конфигурирования и дефокусирования.

2. В качестве языкового механизма, обеспечивающего формирование интерпретирующих смыслов лексикализованными формами множественного числа имени существительного, выступает вторичная номинация.

3. Структура процесса лексикализации форм множественного числа определяется семантикой исходной формы имени существительного в единственном числе. У конкретных существительных концептуальной деривации предшествует морфологическая репрезентация. У абстрактных и вещественных существительных концептуальная деривация осуществляется параллельно с морфологической репрезентацией.

4. Анализ фактического материала позволил выявить и описать два основных вида моделей лексикализации английских и русских имён существительных: идентифицирующие метонимические и идентифицирующие метафорические.

К идентифицирующим метонимическим моделям лексикализации форм множественного числа английских и русских конкретных имён существительных относятся следующие: «часть – целое», «атрибут действия – действие», «содержимое –местилище (контейнер)», «результат – действие».

К идентифицирующим метонимическим моделям лексикализации форм множественного числа английских и русских абстрактных и вещественных имён существительных относятся такие модели, как «материал – изделие из этого материала», «действие – событие», «качество – предмет», «действие – результат», «качество – лицо», «следствие – причина», «погодное явление – период времени», «вещество – пространство», «чувство – способ выражения чувства».

К идентифицирующим метафорическим моделям лексикализации форм множественного числа английских и русских конкретных имён существительных относятся следующие: «предмет (географический объект) – положение вещей (обстоятельства)», «предмет – часть тела (орган) человека (животного)», «часть тела (орган) человека (животного) – предмет».

5. Формирование смыслов, передаваемых лексикализованными формами множественного числа английских и русских имён существительных, происходит на уровне предложения-высказывания в процессе идентифицирующей интерпретации под влиянием контекстуального фактора. Контекстуальный фактор предполагает наличие в предложении-высказывании глаголов соответствующей семантики в функции сказуемого, предлогов определённой семантики, обстоятельств, препозитивных и постпозитивных определений, а также действие механизма прямой номинации.

б. В результате лексикализации в отдельных случаях происходит перекатегоризация имени существительного, т.е. переосмысление существительного в форме множественного числа в результате его соотнесения с другой категорией. Лексикализованные формы множественного числа конкретных существительных, образованные по идентифицирующим метонимическим моделям «атрибут действия – действие», «результат – действие», приобретают характеристики абстрактных существительных.

Лексикализованные формы множественного числа вещественных существительных, образованные по идентифицирующей метонимической модели «материал – изделие из этого материала», приобретают признаки собирательных существительных.

Лексикализованные формы множественного числа абстрактных существительных, образованные по идентифицирующим метонимическим моделям «качество – предмет», «действие – результат», «качество – лицо», приобретают характеристики конкретных существительных.

Лексикализованные формы множественного числа конкретных существительных, образованные по идентифицирующей метафорической модели «предмет (географический объект) – положение вещей (обстоятельства)», приобретают признаки абстрактных существительных.

Заключение

Суммируя результаты проведенного исследования, можно заключить, что процесс лексикализации форм множественного числа имени существительного неоднократно изучался в рамках различных лингвистических школ и направлений. Результаты, полученные в исследованиях представителей структурно-функционального подхода, несомненно, важны с точки зрения установления внутриязыковых механизмов данного процесса. Однако изучение только формальных аспектов рассматриваемого явления не позволяет полностью раскрыть его сущность, поскольку за рамками исследования остаются когнитивные процессы, лежащие в его основе.

Специфика подхода, принятого в данной работе, заключается в обращении к проблеме лексикализации форм множественного числа имени существительного с принципиально иных позиций, а именно, с точки зрения того, как действуют когнитивные модели и механизмы, обеспечивающие формирование семантики самостоятельных лексических единиц на основе форм множественного числа.

Изучение лексикализации форм множественного числа имени существительного с когнитивной точки зрения позволило подтвердить и развить некоторые положения, на которых строятся теории когнитивной семантики, когнитивного моделирования и языковой интерпретации. В частности, в результате исследования подтверждено принятое в когнитивной лингвистике положение о том, что знание, стоящее за лексической единицей, является основой для формирования новых концептов и концептуальных структур, что обеспечивается интерпретирующей деятельностью человеческого мышления.

В работе также получает подтверждение и развитие одно из положений традиционного подхода о том, что изучение лексической стороны языка изолированно, без обращения к его грамматической системе, невозможно,

поскольку во многих случаях уровни языка тесно «переплетаются» в процессе формирования общего смысла.

Изучение лексикализации форм множественного числа имени существительного с указанных позиций даёт основание подтвердить результаты антропоцентрических исследований языка о том, что человек порождает значения и самостоятельно производит отбор языковых средств для передачи необходимых смыслов.

Полученные результаты позволяют развить принятое в теории языка положение о том, что любой знак многофункционален и допускает множественное осмысление в речи.

Исследование когнитивной специфики лексикализации форм множественного числа английских и русских имён существительных позволило выявить, что в качестве её когнитивной основы выступает концептуальная деривация, осуществляющаяся за счёт действия когнитивных механизмов метонимии, метафоры, профилирования, конфигурирования и дефокусирования по когнитивным моделям двух типов: идентифицирующим метонимическим и идентифицирующим метафорическим. При этом преобладающими являются идентифицирующие метонимические модели.

Комплексный анализ концептуальных характеристик в содержании концептов, передаваемых исходными формами единственного числа и лексикализованными формами множественного числа английских и русских имён существительных, а также контекстов употребления последних позволил построить и описать когнитивные модели лексикализации форм множественного числа английских и русских имён существительных, а также объяснить процессы и механизмы формирования семантики данных лексических единиц.

Выявленные когнитивные модели лексикализации форм множественного числа английских и русских имён существительных объединены в группы на основании следующих критериев: основной

когнитивный механизм, обеспечивающий концептуальную деривацию; семантика исходной формы единственного числа; концептуальные характеристики, лежащие в основе семантики лексикализованных форм множественного числа. Предложенная классификация когнитивных моделей лексикализации форм множественного числа английских и русских имён существительных не является исчерпывающей, она может быть в дальнейшем дополнена с учётом закономерностей, выявленных в рамках данного исследования.

В работе установлено, что формирование смыслов, передаваемых лексикализованными формами множественного числа английских и русских имён существительных, представляет собой интегративный процесс, который происходит в ходе идентифицирующей интерпретации при участии дополнительных лингвистических факторов, к числу которых относятся семантический и контекстуальный. Семантический фактор предполагает зависимость процесса лексикализации форм множественного числа имени существительного от семантики исходных форм единственного числа. Контекстуальный фактор обеспечивает формирование смыслов, передаваемых лексикализованными формами множественного числа имени существительного, непосредственно на уровне предложения-высказывания.

Полученные результаты позволяют заключить, что процесс лексикализации форм множественного числа имени существительного приводит не только к образованию новых лексических единиц на основе форм множественного числа, но и в отдельных случаях к перекатегоризации имени существительного, т.е. переосмыслению слова за счёт его соотнесения с другой категорией. Также установлено, что некоторые лексикализованные формы множественного числа имён существительных утрачивают идею числа в результате дефокусирования концептуальной характеристики «множество» в содержании производного концепта определённой конфигурации, лежащего в основе семантики данных лексических единиц.

Выполненное исследование позволяет смоделировать процесс лексикализации, основанный на механизмах концептуальной деривации, в целом и структуры знания, лежащие в основе семантики лексикализованных форм множественного числа и определяющие формирование смыслов лексикализованными формами в процессе дискурсивной деятельности.

В настоящей работе представлен один из возможных подходов к изучению лексикализации форм множественного числа имени существительного. Данный подход позволяет проанализировать и объяснить процесс лексикализации форм множественного числа имени существительного с точки зрения взаимодействия ментальных и языковых единиц, а также выявить и описать закономерности формирования смыслов, передаваемых лексикализованными формами множественного числа имени существительного в дискурсивной деятельности. Вместе с тем, полученные в настоящем исследовании результаты дают ключ к решению ряда вопросов в рамках более широкой проблемы взаимодействия лексики и грамматики в языке, частным случаем которого является лексикализация форм множественного числа имени существительного.

Проведенное исследование позволяет наметить линии дальнейшего изучения материала в рамках заявленной проблемы. Перспективы исследования усматриваются в том, что описанные на материале английского и русского языков модели и механизмы формирования семантики лексикализованных форм множественного числа имени существительного приложимы к сфере подобных единиц в других языках. В связи с этим перспективным представляется комплексное исследование лексических единиц подобного рода в языках различных типов на основе взаимодействия единиц ментального и языкового уровней.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексикова, Ю.В. Когнитивные основы формирования эвфемизмов в современном английском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2010. – 163 с.
2. Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики: Монография. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
3. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – 366 с.
4. Арбатский, Д.И. Значения форм множественного числа имён существительных в современном русском литературном языке: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1954. – 150 с.
5. Арбатский, Д.И. Формы множественного числа со значением протяженности, длительности // Русский язык в школе. – 1970. – №6. – С. 71-73.
6. Арбатский, Д.И. Множественное число гиперболическое // Русский язык в школе. – 1972. – №5. – С. 91-96.
7. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5-33.
8. Арутюнова, Н.Д. Время: модели метафоры // Логический анализ языка. Язык и время. – М., 1997. – С. 51-61.
9. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
10. Ахманова, О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. – М.: Учпедгиз, 1957. – 295 с.
11. Бабина, Л.В. Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи: Монография. – Тамбов-М.: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. – 264 с.

- 12.Бабина, Л.В. Концептуальная деривация и её проявление на языковом уровне // Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С. 141-149.
- 13.Бабина, Л.В. Проблема концептуальной деривации // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – №4. – С. 86-91.
- 14.Бабушкина, О.Н. Интерпретирующий механизм репрезентации знаний о профессиональной деятельности во фразеологии // Когнитивные исследования языка. Вып. XV: Механизмы языковой когниции: Сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. – С. 419-427.
- 15.Балакин, С.В. Деривационный потенциал концепта *игра* и его языковая реализация: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2008. – 24 с.
- 16.Балли, Ш. Французская стилистика. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961. – 394 с.
- 17.Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1995. – 416 с.
- 18.Баранов, А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. – 2003. – № 2. – С. 73-94.
- 19.Беляевская, Е.Г. Когнитивные основы изучения семантики слова // Структуры представления знаний в языке. – М., 1994. – С. 87-110.
- 20.Беляевская, Е.Г. Воспроизводимы ли результаты концептуализации? (к вопросу о методике концептуального анализа) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – №1. – С. 5-14.
- 21.Беляевская, Е.Г. Концептуальный анализ: модифицированная версия методов структурной лингвистики? // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: Сб. науч. тр. – М.-Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Издательство «Эйдос»), 2007. – С. 60-69.
- 22.Беляевская, Е.Г. Модель и моделирование в лингвистических исследованиях (традиционный подход vs когнитивный подход) //

- Принципы и методы когнитивных исследований языка: Сб. науч. тр. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. – С. 98-110.
23. Беседина, Н.А. Морфологически передаваемые концепты: Дисс. ... доктора филол. наук. – Тамбов, 2006. – 354 с.
24. Беседина, Н.А. Морфологически передаваемые концепты: Монография. – М.; Тамбов: Изд-во ТГУ; Белгород: Изд-во БелГУ, 2006а. – 214 с.
25. Беседина, Н.А. Языковое знание и морфология как способ его репрезентации // Типы знаний и их репрезентация в языке: Сб. науч. тр. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2007. – С. 28-37.
26. Беседина, Н.А. Моделирование взаимодействия когнитивных и языковых структур (на примере морфологической репрезентации в языке) // Когнитивные исследования языка. Вып. IX: Взаимодействие когнитивных и языковых структур: Сб. науч. тр. – М.; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. – С. 261-270.
27. Беседина, Н.А. Интерпретационный потенциал морфологии: факторы и механизмы // Когнитивные исследования языка. Вып. XV: Механизмы языковой когниции: Сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. – С. 428-436.
28. Беседина, Н.А., Степаненко, С.Н. Концептуализация количества в современном английском языке // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – №4. – С. 20-29.
29. Болдырев, Н.Н. Категориальное значение глагола: системный и функциональный аспекты. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1994. – 171 с.
30. Болдырев, Н.Н. Функциональная категоризация английского глагола. – СПб.: Изд-во РГПУ; Тамбов: Изд-во ТГУ, 1995. – 139 с.
31. Болдырев, Н.Н. Проблема взаимодействия лексики и грамматики в когнитивном аспекте // Актуальные проблемы германского и общего

- языкознания: Сб. статей к юбилею проф. В.Д. Девкина. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001. – С. 41-49.
32. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. – 123 с.
33. Болдырев, Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – №1. – С. 18-36.
34. Болдырев, Н.Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – №4. – С. 17-27.
35. Болдырев, Н.Н. Оценочная метареферентация: проблемы изучения и описания // Когнитивные исследования языка. Вып. V: Исследование познавательных процессов в языке: Сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – С. 43-51.
36. Болдырев, Н.Н. Взаимодействие когнитивных и языковых структур: результаты и перспективы исследования // Взаимодействие мыслительных и языковых структур: собрание научной школы: Мат-лы Всерос. науч. конф. 28 мая 2010 г. / отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – С. 17-22.
37. Болдырев, Н.Н. Роль интерпретирующей функции в формировании языковых категорий // Вестник ТГУ. Сер. Гуманитарные науки. Филология. – 2011. – Вып. 1 (93). – С. 9-16.
38. Болдырев, Н.Н. Категориальная система языка // Когнитивные исследования языка. Вып. X: Категоризация мира в языке: Коллективная монография. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. – С. 17-120.
39. Болдырев, Н.Н. Интерпретационный потенциал концептуальной метафоры // Когнитивные исследования языка. Вып. XV: Механизмы языковой когниции: Сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. – С. 12-22.

40. Болдырев, Н.Н. Структурирование опыта и интегрирование смысла в высказывании // Когнитивные исследования языка. Вып. XIII: Ментальные основы языка как функциональной системы: Сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013а. – С. 18-29.
41. Болдырев, Н.Н., Панасенко, Л.А. Когнитивная основа лексических категорий и их интерпретирующий потенциал // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – №2. – С. 5-12.
42. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: Курс лекций. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 236 с.
43. Букреева, Е.И. Грамматическая категория числа в современных английском и русском языках // Категория количества в современных европейских языках. – Киев: Наукова думка, 1990. – С. 55-66.
44. Виноградов, В.В. Основные типы лексических значений слова // Вопросы языкознания. – 1953. – №5. – С. 3-29.
45. Виноградов, В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1972. – 616 с.
46. Востоков, А.Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращенной грамматики, полнее изложенная. – СПб.: Тип. Имп. Рос. акад., 1839. – 417 с.
47. Выготский, Л.С. Мышление и речь. – Л.: Лабиринт, 1996. – 416 с.
48. Гак, В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 11-26.
49. Головин, Б.Н. Заметки о грамматическом значении // Вопросы языкознания. – 1962. – №2. – С. 29-37.
50. Гольдберг, В.Б. Лексика современного английского языка в свете лингвистических парадигм: методы исследования. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2003. – 92 с.

51. Гольдберг, В.Б. Виды лексической категоризации как когнитивная основа языковой картины мира // Когнитивные исследования языка. Вып. X: Категоризация мира в языке: Коллективная монография. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. – С. 151-173.
52. Дегтярёв, В.И. Происхождение имён *pluralia tantum* в славянских языках (К определению семантических механизмов лексикализации форм мн. ч.) // Вопросы языкознания. – 1982. – №1. – С. 65-77.
53. Дегтярёв, В.И. Плюрализация имён собирательных в истории славянских языков // Вопросы языкознания. – 1987. – №5. – С. 59-73.
54. Дементьева, А.Г. Когнитивные основы формирования переносных значений фитонимов (на материале английского, русского и французского языков): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2012. – 23 с.
55. Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. – №4. – С. 17-32.
56. Демьянков, В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. – 2001. – №1. – С. 35-46.
57. Демьянков, В.З. «Концепт» в философии языка и в когнитивной лингвистике // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: Сб. науч. тр. – М.-Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Издательство «Эйдос»), 2007. – С. 26-33.
58. Дорошевский, В. Элементы лексикологии и семиотики. – М.: Прогресс, 1973. – 284 с.
59. Дубровская, О.Г. О способе вербализации знаний о мире с точки зрения интерпретирующего подхода к дискурсу // Когнитивные исследования языка. Вып. XV: Механизмы языковой когниции: Сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. – С. 454-461.

60. Заботкина, В.И. Традиционный и когнитивный подход к полисемии // Мат-лы круглого стола. – М.: ИЯ РАН – ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999. – С. 12-13.
61. Залевская, А.А. Текст и его понимание. – Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 2001. – 177 с.
62. Ирисханова, О.К. О теории концептуальной интеграции // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. – 2001. – Т. 60. – №3. – С. 44-49.
63. Ирисханова, О.К. О лингвокреативной деятельности человека: отглагольные имена. – М.: Изд-во ВГИИ, 2004. – 352 с.
64. Ирисханова, О.К. Концептуальный анализ и процессы дефокусирования // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: Сб. науч. тр. – М.-Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Издательство «Эйдос»), 2007. – С. 69-80.
65. Калинина, Л.В. Семантика и функционирование абстрактных существительных в форме множественного числа в современном русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. – Киров, 1999. – 255 с.
66. Кацнельсон, С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972. – 213 с.
67. Кобрин, Н.А. Функциональная модель языка // Взаимодействие языковых единиц различных уровней. – Л.: ЛГПИ, 1981. – С. 30-45.
68. Кобрин, Н.А. Понятийные категории и их реализация в языке // Понятийные категории и их языковая реализация. – Л.: ЛГПИ, 1989. – С. 40-50.
69. Кобрин, Н.А. Грамматика английского языка: Морфология. Синтаксис. – СПб.: СОЮЗ, 1999. – 496 с.
70. Кобрин, Н.А. О способах комбинаторной реализации некоторых категориальных значений // Языки и транснациональные проблемы: Мат-лы I Междунар. науч. конф. 22-24 апр. 2004 г. – Т. II. – М. – Тамбов, 2004. – С. 63-73.

- 71.Кобрина, Н.А. О соотносимости ментальной сферы и вербализации // Концептуальное пространство языка. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С. 77-94.
- 72.Козлова, Е.А. Метонимия как концептуальная основа функциональной категоризации английского глагола: Дисс. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2001. – 154 с.
- 73.Козлова, Е.А. Метонимия как модель взаимодействия фреймов // Типы знаний и их репрезентация в языке: Сб. науч. тр. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2007. – С. 66-76.
- 74.Колшанский, Г.В. Контекстная семантика. – М.: Наука, 1980. – 149 с.
- 75.Кубрякова, Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении. – М.: Наука, 1978. – 115 с.
- 76.Кубрякова, Е.С. Особенности речевой деятельности и проблемы внутреннего лексикона // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991. – С. 82-140.
- 77.Кубрякова, Е.С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка. Модели действия. – М.: Наука, 1992. – С. 84-90.
- 78.Кубрякова, Е.С. Язык и сознание: На пути получения знаний о человеке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
- 79.Кузикевич, Г.П. Когнитивная природа метонимии и её роль в семантическом варьировании абстрактных имён // Когнитивные исследования языка. Вып. III: Типы знаний и проблема их классификации: Сб. науч. тр. – М.-Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. – С. 254-262.
- 80.Кузнецова, О.Д. О понятии лексикализации. Лексикализация фонетических явлений в говорах // Вопросы языкознания. – 1978. – №2. – С. 111-117.
- 81.Кумахов, М.А. Число и грамматика // Вопросы языкознания. – 1969. –

- №4. – С. 65-74.
- 82.Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. – М.: Прогресс, 1988. – С. 12-51.
- 83.Лакофф, Дж. Когнитивное моделирование // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1995. – С. 143-184.
- 84.Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
- 85.Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живём / Под ред. А.Н. Баранова. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 256 с.
- 86.Лапшина, М.Н. Семантическая деривация в когнитивном аспекте (на материале английского языка): Дисс. ... доктора филол. наук. – СПб., 1996. – 331 с.
- 87.Леонтьев, А.Н. Лекции по общей психологии. – М.: Смысл, 2000. – 509 с.
- 88.Ломоносов, М.В. Российская грамматика. Полное собрание сочинений. – Т. 7. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. – 993 с.
- 89.Лукашевич, Е.В. Когнитивная семантика: эволюционно-прогностический аспект. – М.-Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2002. – 234 с.
- 90.Лэнекер, Р. Концептуальная семантика и символическая грамматика // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – №3. – С. 15-27.
- 91.Ляшевская, О.Н. Семантика русского числа. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 400 с.
- 92.Магировская, О.В. Репрезентация субъекта познания в языке: Дисс. ... доктора филол. наук. – Тамбов, 2009. – 351 с.
- 93.Магировская, О.В. Интерпретативный потенциал языка и познания как теоретическая проблема когнитивной лингвистики // Когнитивные исследования языка. Вып. XI: Междунар. конгресс по когнитивной лингвистике 10-12 окт. 2012 г.: Сб. мат-лов. – М.: Ин-т языкознания

- РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. – С. 78-81.
94. Магировская, О.В. Когнитивные и языковые механизмы многоуровневой конфигурации знаний // Когнитивные исследования языка. Вып. XV: Механизмы языковой когниции: Сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. – С. 381-392.
95. Маслова, Ж.Н. Поэтическая картина мира и её репрезентация в языке: Монография. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – 280 с.
96. Маслова, Ж.Н. Эпитет и метафора в контексте трёх аспектов оперирования знанием в языке // Когнитивные исследования языка. Вып. XVII: Актуальные проблемы взаимодействия мыслительных и языковых структур: Сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – С. 101-109.
97. Мишанкина, Н.А. Специфика метафорического моделирования научного дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – №1. – С. 37-46.
98. Муравьёва, Д.О. О семантике числа существительного // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. – М.: Наука, 1996. – С. 72-77.
99. Никитин, М.В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика). – М.: Высшая школа, 1983. – 127 с.
100. Новиков, Л.А. Лексикализация форм числа существительных в русском языке (к вопросу о формах слова) // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1963. – №1. – С. 77-89.
101. Озерова, Н.Г. Многозначность существительного и его грамматическая характеристика // Вопросы языкознания. – 1987. – №5. – С. 87-93.

- 102.Опарина, Е.О. Концептуальная метафора и её функции в языке (на примере субстантивных метафор): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1990. – 24 с.
- 103.Падучева, Е.В. Пространство в облиии времени и наоборот (к типологии метонимических переносов) // Логический анализ языка: Языки пространств. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 239-254.
- 104.Падучева, Е.В. Динамические модели в семантике лексики. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
- 105.Панасенко, Л.А. Интерпретирующий потенциал лексических категорий: Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. – Тамбов, 2014. – 42 с.
- 106.Панфилов, В.З. Взаимоотношение языка и мышления. – М.: Наука, 1971. – 232 с.
- 107.Петров, В.В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 135-146.
- 108.Петрова, Н.Е. Категория внутренней формы и «грамматическая» деривация в русском языке // Филологические науки. – 2008. – №5. – С. 78-88.
- 109.Пивоварова, С.В. Лексикализация форм множественного числа имён существительных в современном русском языке (в аспекте анализа их концептных значений): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2009. – 20 с.
- 110.Плунгян, В.А. *Время и времена*: к вопросу о категории числа // Логический анализ языка. Язык и время. – М.: Индрик, 1997. – С. 158-169.
- 111.Поливанова, А.К. Выбор числовых форм существительных в русском языке // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1983. – С. 130-145.

112. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.
113. Потебня, А.А. Значения множественного числа в русском языке. – Воронеж: Тип. В.И. Исаева, 1888. – 76 с.
114. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике. – Т. I-II. – М.: Гос. уч.-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1958. – 536 с.
115. Потебня, А.А. Мысль и язык. – Киев: СИНТО, 1993. – 191 с.
116. Рахилина, Е.В. Когнитивный анализ предметных имён: семантика и сочетаемость. – М.: Русские словари, 2000. – 416 с.
117. Реформатский, А.А. Число и грамматика // Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1987. – С. 76-87.
118. Ришар, Ж.Ф. Ментальная активность: Понимание, рассуждение, нахождение решений. – М.: Ин-т психологии РАН, 1998. – 232 с.
119. Серебренников, Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. – М.: Наука, 1988. – 242 с.
120. Сигал, К.Я. Лексикализация словосочетаний: психолингвистический взгляд // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: Сб. науч. тр. – М.-Калуга: ИП Кошелёв А.Б. (Издательство «Эйдос»), 2007. – С. 247-255.
121. Смирницкий, А.И. Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. – М.: АН СССР, 1955. – С. 11-53.
122. Смирницкий, А.И. Морфология английского языка. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1959. – 432 с.
123. Соболева, П.А. Лексикализация множественного числа и словообразование // Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1979. – С. 47 – 85.
124. Соболева, П.А. Число существительных как грамматико-словообразовательная категория // Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. – М.: Наука, 1984. – С. 66-75.

125. Соссюр, Ф де. Заметки по общей лингвистике. – М.: Прогресс, 2000. – 274 с.
126. Степанов, Ю.С. Основы общего языкознания. – М.: Просвещение, 1975. – 271 с.
127. Степанов, Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 784 с.
128. Сумкина, А.И. Деривационные корреляции существительных в формах множественного числа // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. – М.: Наука, 1964. – С. 222-234.
129. Телия, В.Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988 – С. 173-204.
130. Уфимцева, А.А. Типы словесных знаков. – М.: Наука, 1974. – 206 с.
131. Уфимцева, А.А. Семантика слова // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. – С. 5-81.
132. Филлмор, Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 12. – М.: Радуга, 1983. – С. 74-122.
133. Фрумкина, Р.М. Психолингвистика. – М.: Академия, 2001. – 320 с.
134. Чейф, У.Л. Значение и структура языка. – М.: Прогресс, 1975. – 482 с.
135. Чельцова, Л.К. Форма множественного числа существительных как объект лексикографии: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1976. – 26 с.
136. Чернейко, Л.О. Абстрактное имя в семантическом и прагматическом аспектах: Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. – М., 1997. – 35 с.
137. Четина, М.М. Когнитивно-прагматические основания окказионализмов в современном английском языке (на материале произведений Дж. Фаулза): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2011. – 21 с.

138. Чудинов, А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. – 248 с.
139. Чудинов, А.П., Будаев, Э.В. Когнитивная теория метафоры на современном этапе развития // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – №4. – С. 54-57.
140. Шарандин, А.Л. Курс лекций по лексической грамматике русского языка. Морфология. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001. – 313 с.
141. Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка. – Л.: Учпедгиз, 1941. – 620 с.
142. Шахнарович, А.М. Психолингвистический анализ семантики и грамматики (на материале онтогенеза речи). – М.: Наука, 1990. – 168 с.
143. Шепелева, Д.А. Когнитивные аспекты семантики сложного слова «существительное+существительное» в современном английском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2008. – 18 с.
144. Шмелёв, Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. – М.: Просвещение, 1964. – 243 с.
145. Шмелёв, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М.: Наука, 1973. – 280 с.
146. Щедровицкий, Г.П. Смысл и значение // Проблемы семантики. – М.: Наука, 1974. – 382 с.
147. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 427 с.
148. Ярцева, В.Н. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка // Исследования по общей теории грамматики. – М.: Наука, 1968. – С. 5-57.
149. Bartlett, F.C. The Functions of Images // British Journal of Psychology. – 1920. – Vol. 11. – P. 320-337.
150. Bolinger, D.L. Meaning and Form. – L.: Longman, 1977. – 212 p.

151. Boyd, R. Metaphor and Theory Change: What is “Metaphor” a Metaphor for // *Metaphor and Thought* / Ed. by A. Ortony. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – P. 481-532.
152. Croft, W. The Role of Domains in the Interpretation of Metaphors and Metonymies // *Cognitive Linguistics*. – 1993. – №4. – P. 335-370.
153. Cruse, D.A. *Lexical Semantics*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – 534 p.
154. Fauconnier, G. *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 238 p.
155. Fauconnier, G. *Mappings in Thought and Language*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 206 p.
156. Halliday, M.A.K., Hasan, R. *Cohesion in English*. – L.: Longman, 1976. – 392 p.
157. Jackendoff, R. *The Architecture of the Language Faculty*. – Cambridge, MA: The MIT Press, 1997. – 262 p.
158. Jackendoff, R. *Foundations of Language: Brain, Meaning, Grammar, Evolution*. – N.Y.: Oxford University Press, 2002. – 477 p.
159. Kasperaviciene, R. Lexicalisation of the Plural // *Studies about Languages*. – 2007. – №11. – P. 5-13.
160. Kovecses, Z. *Metaphor and Emotion*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 224 p.
161. Kovecses, Z. *Metaphor: A Practical Introduction*. – N.Y.: Oxford University Press, 2010. – 375 p.
162. Lakoff, G. *Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. – Chicago: The University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
163. Lakoff, G., Turner, M. *More than a Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor*. – Chicago: University of Chicago Press, 1989. – 430 p.
164. Lakoff, G. *The Contemporary Theory of Metaphor* // *Metaphor and Thought*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – P. 205-251.

- 165.Langacker, R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Theoretical Prerequisites. – Vol. 1. – Stanford: Stanford University Press, 1987. – 516 p.
- 166.Langacker, R.W. Concept, Image and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. – N.Y.: Mouton de Gruyter, 1991. – 395 p.
- 167.Langacker, R. W. Grammar and Conceptualization. – Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 2000. – 427 p.
- 168.Lyons, J. Semantics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1977. – Vol. 1-2. – 897 p.
- 169.Lyons, J. Language, Meaning and Context. – L.: Fontana Paperbacks, 1981. – 256 p.
- 170.Rosch, E. Human Categorization // Advances in Cross-Cultural Psychology. – Vol. 1. – L.: Academic Press, 1977. – P. 1-49.
- 171.Rosch, E. Principles of Categorization // Cognition and Categorization. – Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. – P. 27-48.
- 172.Rozwadowski, J. Wortbildung und Wortbedeutung. – Heidelberg: C. Winter, 1904. – 109 p.
- 173.Talmy, L. Lexicalization Patterns: Semantic Structure in Lexical Forms // Language Typology and Syntactic Description. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – P. 1-74.
- 174.Taylor, J.R. Cognitive Grammar. – N.Y.: Oxford University Press, 2002. – 612 p.
- 175.Turner, M., Fauconnier, G. Metaphor, Metonymy, and Binding // Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective / Ed. by A. Barcelona. – Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 2000. – P. 133-148.
- 176.Ungerer, F., Schmid, H.-J. An Introduction to Cognitive Linguistics. – L., N.Y.: Longman, 1996. – 304 p.
- 177.Wickens, M.A. Grammatical Number in English Nouns: An Empirical and Theoretical Account. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1992 – 321 p.

178. Wierzbicka, A. *The Semantics of Grammar*. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988. – 617 p.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 606 с.
2. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под ред. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. – 864 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
4. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
5. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1986. – 797 с.
6. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 685 с.
7. Hornby, A. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – 1428 p.
8. Longman Dictionary of Contemporary English. – L.: Longman, 1992. – 1229 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. Аксёнов, В.П. Апельсины из Марокко. – М.: Эксмо, 2012. – 256 с.
2. Акунин, Б. Пелагия и белый бульдог. – М.: АСТ: Астрель, 2012. – 397 с.
3. Бунин, И.А. Тёмные аллеи. – М.: Худож. лит-ра, 1988. – 639 с.
4. Довлатов, С.Д. Уроки чтения. – СПб.: Азбука, 2012. – 384 с.
5. Метлицкая, М. Испытание медными трубами. – М.: Эксмо, 2012. – 320 с.
6. Набоков, В.В. Лолита. – СПб.: Азбука, 2013. – 416 с.
7. НКРЯ – Национальный корпус русского языка – URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html>
8. Платонов, А.П. Чевенгур. – М.: Худож. лит-ра, 1988. – 413 с.
9. Распутин, В.Г. Прощание с Матёрой. – М.: Эксмо, 2011. – 640 с.
10. Рубина, Д.И. Белая голубка Кордовы. – М.: Эксмо, 2012. – 624 с.
11. Рубина, Д.И. На солнечной стороне улицы. – М.: Эксмо, 2012а. – 512 с.
12. Рыбаков, А.Н. Тяжёлый песок. – М.: Эксмо, 2010. – 416 с.
13. Санаев, П.В. Похороните меня за плинтусом. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 283 с.
14. Солженицын, А.И. Один день Ивана Денисовича. – СПб.: Азбука, 2013. – 352 с.
15. Токарева, В.С. Одна из многих. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – 316 с.
16. Толстой, А.Н. Детство Никиты. – М.: Правда, 1985. – 432 с.
17. Чехов, А.П. Повести и рассказы. – М.: Худож. лит-ра, 1964. – 613 с.
18. BNC – The British National Corpus – URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>
19. Brown, D. The Lost Symbol. – N.Y.: Anchor Books, 2010. – 671 p.
20. Bushnell, C. Sex and the City. – N.Y.: Grand Central Publishing, 2008. – 289 p.
21. Christie, A. One, Two, Buckle My Shoe. – М.: Айрис-пресс, 2013. – 352 p.

- 22.COCA – The Corpus of Contemporary American English – URL:
<http://corpus.byu.edu/coca/>
- 23.Grisham, J. The Firm. – N.Y.: Bantam Dell, 2003. – 501 p.
- 24.Hailey, A. Hotel. – СПб.: Антология, КАРО, 2010. – 480 p.
- 25.Hemingway, E. The Old Man and the Sea. – СПб.: Антология, КАРО, 2010. – 320 p.
- 26.Lee, H. To Kill a Mockingbird. – N.Y.: Grand Central Publishing, 2010. – 376 p.
- 27.Shaw, I. Nightwork. – СПб.: Антология, КАРО, 2005. – 448 p.
- 28.Sparks, N. The Choice. – N.Y.: Vision, 2009. – 317 p.
- 29.Sparks, N. The Notebook. – L.: Sphere, 2011. – 189 p.
- 30.Wilde, O. The Picture of Dorian Grey. – L.: Harper Press, 2013. – 252 p.